

Н. КАРЕЕВ.

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

XVII ВЕКА.

10187
1957учеб. му

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЯТАЯ
Е. В. ВИШКОГО
ПЕТРОГРАД
1924

Предисловие.

Историю двух революций в Англии XVII века мне пришлось рассказать печатно три раза, но каждый раз в составе книг более широкого содержания. Подробнее, чем в других моих книгах, эта история была изложена во II томе «Истории Западной Европы в новое время», потом очень коротко об английских революциях говорится в «Учебной книге новой истории» и, кроме того, есть о них еще в книге «Происхождение современного народно-правового государства». Все три книги писались с учебными целями, причем первая возникла из университетского моего курса, а третья воспроизводила лекции, читанные мною в Петербургском Политехническом Институте. Настоящая книжка представляет собою работу, посвященную исключительно истории Англии в эпоху обеих революций XVII века и притом написанную без учебной цели, чем и объясняются некоторые ее черты. В ней я просто хотел дать общий очерк вроде того, какой был мною издан в 1918 году

под заглавием «Великая французская революция», только более короткий, чем эта последняя книга. Как та не была простым повторением того, что сказано о французской революции в III томе «Истории Западной Европы», так и эта имеет характер переработки заново содержания, данного во II томе, — переработки, местами сокращавшей, местами, наоборот, расширявшей прежнее изложение. Цель этих переделок — в придаче книге большей занимательности при чтении без ущерба для ее научности, что и имеет всегда в виду при популяризации знания.

Вступление.

Сравнение двух английских революций XVII века. — Их политическое значение. — Религиозная и социальная сторона первой революции. — Идеология обеих революций. — Значение их в истории Англии и в истории Европы.

В XVII веке, на протяжении менее полу-столетия, Англия пережила две политические революции, из которых одна сопровождалась гражданской войною, казнью короля, установлением в стране республики, сопровождалась еще бурным религиозным движением и движением социальным, затянувшись на несколько лет, другая же была исключительно политической, совершившись притом очень быстро в виде перемены династии с прочным ограничением королевской власти. Общим явлением в обеих революциях была борьба между королевскою властью и национальным представительством в лице парламента. Вопрос шел о пределах первой и о правах второго. В первой революции дело доходило до гражданской войны между сторонниками короля и сторонниками парламента. Победа была на сто-

роне последнего, который провозгласил в Англии республику, оказавшуюся, однако, недолговечной. Установилась она в 1649 году, а в 1660 году произошла реставрация монархии, но так как и теперь королевская власть опять вступила в конфликт с вольностями нации, то в 1688—9 году вспыхнула новая революция, которая и положила конец вековой борьбе в Англии между королевскою властью и парламентом.

Борьба эта, действительно, была вековою. В 1649 году, когда в Англии монархию сменила республика, парламент уже насчитывал без малого четыре столетия существования, и в его прошлом уже было два случая низложения королей, негодных парламенту, — два случая, являющиеся прецедентами двух аналогичных фактов в XVII веке. В конце концов, в Англии абсолютизм потерпел поражение. Значение второй английской революции заключается в том, что после этого взаимные отношения монархической власти и национального представительства определились настолько твердо и прочно, что с тех пор, т.-е. с конца XVII века, уже более двух столетий между обеими политическими силами Англии не поднималось никаких споров: вторая рево-

люция установила границы как королевской «прерогативы», так и «привилегии» парламента.

Первая английская революция была событием более сложным. Одновременно с борьбою между королем и парламентом происходила еще другая борьба — в области религиозной. Политические партии первой революции были вместе с тем и партиями вероисповедными. Королевская партия защищала и государственную церковь страны, так называемую англиканскую или епископальную, а защитники парламента были пуританами, желавшими замены англиканизма другим религиозным режимом. Сам пуританизм, однако, раскололся на пресвитерианизм, который только желал установить другую, более демократическую государственную церковь, и на индепендентство, требовавшее совершенной религиозной свободы, чему соответствовало и политическое разъединение в парламентам лагере: пресвитериане стояли за конституционную монархию, индепенденты учредили в Англии республику. То, о чем мечтали пресвитериане сороковых годов XVII века, и осуществлено было второй английской революцией, но англиканская церковь осталась в

силе, хотя государство теперь и осуществило веротерпимую политику, за которую стояли индипенденты.

У политических и религиозных отношений и движений есть и своя социальная сторона. В первой английской революции происходила и классовая борьба. На сторону короля или парламента, на сторону англиканства, пресвитерианства и индипендентства становились разные общественные классы, защищавшие в этой борьбе свои интересы. Английский парламент вырос из чисто сословного учреждения времен феодальной монархии и был представительством классовым, причем в нем представлены были, с одной стороны, более или менее крупные землевладельцы, с другой -- более или менее зажиточные горожане, народная же масса оставалась вне национального представительства. Эпоха первой английской революции была свидетельницей первого в стране радикально-демократического движения, которое, однако, было побеждено еще прежде, нежели республика уступила место монархии. Одновременно с политическим радикализмом поднялось-было и движение социальное с лозунгами общественного переустройства, но оно не имело успеха. Вторая революция столь же мало имела ха-

рактер демократический и социальный, как и характер вероисповедный. Все дело ограничилось одною политикою, и прошло почти целое столетие прежде, нежели в Англии опять начались проявления демократических стремлений. Победа парламента над королевскою властью в 1689 году упрочила господство в Англии тех общественных классов—землевладельческого в графствах и торгово - промышленного в городах, которые были представлены в парламенте. Мы увидим, что в эпоху республики была в Англии сделана первая попытка некоторой общей реформы выборов, которой стране потом пришлось ждать до XIX века, когда реформы 1832, 1867 и 1885 годов приблизили английское национальное представительство к тому идеалу, который был у политических радикалов середины XVII века.

Если вторая революция существенным образом не изменила прежней английской конституции, а только ее упрочила, внесла в нее большую определенность в виде точного разграничения компетенции королевской власти (прерогативы) и парламента (привилегии), то в области политических и общественных идей она создала немало нового и притом такого, что оказало свое влияние и далеко за пределами Англии. В

истории политической мысли английский XVII век имеет свое значение. Если в его начале мы имеем дело с проповедью абсолютизма, притом самим королем Иаковом I, то в середине уже раздается проповедь верховной власти народа, а в конце и широкой индивидуальной свободы. Еще любопытное явление в идейной области: в эпоху первой революции защита свободы пользуется доказательствами религиозного содержания, в конце она основывается на совершенно светской философии естественного права, в чем тоже заключается разница между обеими революциями, — первой, которая была не только политической, но и религиозною, и второю, исключительно политической.

Вот те общие соображения, которые было необходимо предпослать дальнейшему изложению, чтобы обе английские революции в настоящей книге, так сказать, не висели в воздухе, не были бы эпизодами, вырванными из некоторого целого, каковым в данном случае является все английское историческое развитие. Во-первых, прежде, чем рассматривать историю враждебных столкновений королей из династии Стюартов с парламентом, нужно иметь в виду, чем был парламент в его прежних отношениях к королевской

власти. Во-вторых, в виду тесной связи между политическими и религиозными партиями первой революции, следует остановиться на прошлом английских вероисповедных отношений. В-третьих, наконец, не может быть обойден молчанием общественный строй Англии в ту эпоху, когда в ней происходили обе революции. Этими тремя предметами и определяется содержание первых трех глав настоящей книги, составляющих общее введение к истории XVII века.

Но необходимо также дать в заключение и общий очерк взаимных отношений королевской власти и парламента после второй революции, чтобы лучше выяснилось для читателя значение всей борьбы парламента с королевским абсолютизмом в XVII веке. Английский парламент одерживал свои победы в то самое время, когда на материке торжествовал абсолютизм, первый удар которому был нанесен только через сто лет после второй английской революции, в 1789 году во Франции. Мало того, можно сказать, что французская революция, с которой начинается замена абсолютизма представительным строем, осуществляла в новом виде те самые принципы, которые частью лежали в основе английского государственного быта, частью проповедывались англий-

скими политическими писателями. В этом заключается общеевропейское значение обеих английских революций, в которых, в свою очередь, нельзя не видеть повторения того, что произошло за сто лет до второй из них в Нидерландах, где, равным образом, шла тогда борьба за политическую и религиозную свободу. Тем более об этом приходится здесь вспомнить, что Англии совершить свою вторую революцию помогли эти самые Нидерланды. Такова историческая преемственность революций: нидерландской XVI века, двух английских в XVII и французской конца XVIII века. Общеевропейское значение английских революций — также одна из тем, которой касается настоящая книжка.

I. Королевская власть и парламент в Англии.

Сила королевской власти в Англии после нормандского завоевания. — Деспотизм Плантагенетов. Значение «великого совета» по хартии 1215 года — Возникновение парламента. — Его борьба с королевскою властью. — Основное право парламента. — Средневековая теория ограниченной монархии. — Усиление королевской власти и упадок парламента в конце средних веков.

Из двух сторон, между которыми шла борьба в обеих английских революциях, старшею, на целые два века, была королевская власть. Та королевская власть, о которой дальше вообще будет речь, ведет свое начало из середины XI столетия, тогда как парламент возник только в середине XIII века. В 1066 году Англия была завоевана вассалом французского короля, нормандским герцогом Вильгельмом, перешедшим в историю с прозванием Завоевателя. Нормандский герцог, сделавшийся королем Англии, пришел сюда со своими вассалами и с многочисленными баронами из других частей Франции, образовавшими в завоеванной стране высший, аристократический слой населения, еще очень и очень долгое время по языку, обычаям, правам остававшийся французским. Во Франции

это была пора полного развития феодализма, когда королевская власть была более почетным званием, чем реальной силой, и король был только «первым между равными». Власть нормандского завоевателя в Англии с самого начала после покорения страны была очень сильной.

Французские бароны, поселившиеся в Англии, образовали в ней, так сказать, вооруженный лагерь среди туземного англосаксонского населения, феодальное войско, прежде всего нуждавшееся в дисциплине, в сильной власти своего вождя. Но этот же самый вождь, возложивший на себя корону прежних королей, являлся для англо-саксов преемником старой власти, высшим защитником от обид со стороны сильных, охранителем общественного мира. Другими словами, оба слоя населения Англии нуждались тогда в сильной королевской власти. Вильгельм Завоеватель оставил неприкосновенными прежние учреждения в числе которых были, с одной стороны, органы государственной власти на местах, в графствах, на которые делилась Англия, с другой — старинные народные собрания в тех же графствах, занимавшиеся удовлетворением местных нужд. В этом отношении Англия сохранила то, чего не было во Франции, где все функции го-

сударственной власти разошлись по рукам феодальных владельцев с полным устранением населения от какого бы то ни было участия в общественных делах.

Правда, завоеватель не мог не перенести на почву Англии французские феодальные учреждения, так как должен был поделиться добычей со своими сподвижниками. Добычей была земля, дележ мог произойти только в форме наделения воинов землею, на условии несения ею и впредь военной службы королю. Завоевание сделало короля верховным собственником земельных владений в Англии, из которых львиную долю он оставил за собою, что делало его самым богатым человеком в стране. Остальное он разделил между пришельцами, крупными и мелкими баронами, которые по своим имениям (феодам) сделались непосредственными вассалами короля. Некоторые крупные бароны получили помногу имений, но вообще разбросанных по разным графствам и потому не составлявших сплошных территорий большего размера, на которых могла бы развиться местная феодальная власть такого же значения, какое имела власть французских феодалов. Последние были как бы государами в своих владениях, независимыми от короля, что в Англии не могло образоваться

при раздробленности земель, принадлежавших самым крупным баронам.

Еще одна черта, отличающая английский феодализм от французского, заслуживает внимания. У вассалов французского короля, всех этих герцогов, графов, архиепископов, епископов, были свои вассалы, которые не стояли ни в каких отношениях к королю. В Англии также образовался класс подвассалов, получивших, в отличие от баронов, как королевских вассалов, и звание рыцарей или найтов (knights), но они не были освобождены ни от присяги, ни от службы королю.

Таким образом, после нормандского завоевания королевская власть была очень сильна, и хотя в первой половине XII века английскими баронами сделана была попытка водворения в стране феодальной анархии, однако, это им не удалось, и королевская власть, равно как государственный порядок, еще более усилились, когда на престол вступила новая династия, тоже французского происхождения и тоже имевшая владения во Франции.—Плантагенеты. Царствование этой династии, к которой принадлежало восемь королей, продолжалось два с половиною века (1154—1399), причем среди этих королей были и очень крупные, и ничтожные

личности, одинаково, впрочем, действовавшие деспотически, чем вооружали против себя и духовную, и светскую аристократию страны. Этот деспотизм оттолкнул от королевской власти и демократические элементы общества в лице городов. В то время, как во Франции образовался союз королевской власти и городских общин против феодальной знати, в Англии и знать, и города соединились между собою для противодействия королевскому деспотизму. Решительным в этом отношении временем было XIII столетие, в середине которого и возник парламент, начавший ограничивать королевскую власть.

До завоевания Англии нормандцами в ней существовало старинное государственное собрание, на котором члены королевской семьи, высшее духовенство, наиболее знатные и богатые землевладельцы, высшие сановники решали важные дела правления. Оно называлось витенагемомом, имя которого изредка встречается и при нормандских королях, но постепенно выходит из употребления, заменяясь другим термином «большой совет», причем членами его являются теперь непосредственные вассалы короля духовного и светского чина, первые и в качестве сановников церкви (архиепископы, епископы и аббаты монастырей). Из этого-то чисто со-

вещательного феодального учреждения и развился парламент.

Как известно, в начале XIII века царствовал в Англии третий из Плантагенетов король, Иоанн Безземельный, капризный и трусливый деспот, против которого восстали высшее духовенство, бароны и лондонские горожане, вынудив у него в 1215 году знаменитую «Великую хартию свободы», которою ограничивалась власть короля по отношению к его вассалам. Среди отдельных статей этого важного документа есть две (12 и 14), имеющие особое значение. По одной из них король обещал не налагать на своих вассалов никаких сборов (между прочим, давно уже заменявших личную службу) «без общего согласия королевства», а в другой статье говорилось, что для получения от вассалов денежных взносов король будет «приглашать высших духовных лиц и крупных баронов особыми для каждого призывными грамотами, а через областных правителей окружными грамотами и всех остальных непосредственных вассалов». Это было первое существенное ограничение королевской власти в деле установления налогов большим собранием сановников церкви и феодальных баронов. И сам Иоанн Безземельный, и его ближайшие преемники делали

попытки взять всю хартию назад, но заинтересованные лица всячески ее отстаивали и вынуждали новые ее подтверждения. Эта борьба за хартию продолжалась восемьдесят два года, в каком-то периоде и возник парламент *).

Уже в источниках середины XIII века великий совет, наследник англо-саксонского витенагемота, начинает называться парламентом, местом, где говорят, — слово, которое во Франции стало обозначать высшую административно-судебную инстанцию, в Италии общее собрание городских жителей. Около того же времени, когда появляется новый термин, произошла и большая перемена в составе собрания, которое начало в Англии ограничивать власть короля. Начавшаяся при Иоанне Безземельном борьба духовной и светской знати с королем продолжалась и при его сыне Генрихе III, при котором, в середине XIII века, обе стороны стали искать союзников в классе подвассалов, рыцарей. Этот землевладельческий класс уже играл в то время большую роль в местной жизни, участвуя в собраниях отдельных графств и исполняя по их избранию разные должности и поручения. Высшая знать уже в эпоху

*) Нужно, однако, отметить, что статьи 12 и 14 пр этом выпускались.

«Великой хартии» искала союза с этим классом, чем и объясняются уступки, сделанные в хартии и в его пользу. Когда в пятидесятых и шестидесятых годах борьба с королем обострилась до вооруженного столкновения, кончившегося поражением и пленом короля, вождь мятежных баронов Симон Монфортекий от имени короля созвал в Лондон, кроме членов «великого совета», еще по два рыцаря от каждого графства и по два же представителя от городов и бургов (местечек). В призывных грамотах прямо говорилось, что «дела, всех касающиеся, всеми и должны одобряться», и что выборные от графств и городов должны иметь от них «совершенно достаточные полномочия» говорить и действовать от их имени. Это собрание, бывшее через пятьдесят лет после издания «Великой хартии» (1265), и считается первым английским парламентом.

С течением времени, к сороковым годам XIV века, парламент получил и свое устройство, разделившись на две палаты. Одну из них составили лично приглашавшиеся на великий совет высшие духовные лица и крупные бароны,—последние, начав заседать в палате по личному праву, наследственно переходившему к старшему сыну. Эти лица получили название духовных и светских пэров, лор-

дов. Другая палата, начавшая называться палатою общин, состояла из выборных представителей от графств, где преобладание принадлежало мелким баронам и рыцарям, но где участие в собраниях принимали и вообще свободные землевладельцы (фригольдеры), и от городов, в которых правом избрания пользовался верхний слой населения. «Рыцарей от графств» в палате было 74, а число городских представителей к концу средних веков доходило до 276.

Так образовался в Англии парламент. Он возник среди борьбы с королевскою властью и продолжал с нею бороться и впоследствии. Важнейшим правом парламента было соглашаться или не соглашаться на установление налогов, каковым правом парламент и пользовался, чтобы вынуждать у королей новые уступки. Так как королям деньги были нужны постоянно, то парламент приходилось созывать очень часто. В сто пять лет, занятых царствованием трех Эдуардов (1272—1377), парламент собирался сто девятнадцать раз. Новая династия Ланкастеров, вступившая на престол в 1399 году, тоже почти ежегодно созывала парламент. По временам борьба обострялась. Как в XVII веке в Англии было две революции, так и за три века перед тем, в XIV столетии, дважды короли были низла-

гаемы с престола: Эдуард II в 1327 году и Ричард II в 1399 году, с переходом в последнем случае короны в новую династию Ланкастеров по воле парламента. Значит, уже в XIV веке в Англии было два прецедента обеих революций XVII столетия.

Сами эти две революции были вызваны нарушением со стороны династии Стюартов несомненных прав, приобретенных парламентом в первые же два века своего существования.

Первым из этих прав было давать свое согласие на налоги, или «вотировать субсидии». Оно было подтверждено специальным статутом 1297 года. В данном отношении главную роль стала играть палата общин. Когда однажды, в 1407 году, лорды в присутствии короля (Генриха IV) дали согласие на субсидии, общины, т. е. нижняя палата, протестовали, говоря, что не лорды, а они, общины, представляют собою все население страны, и это было принято как лордами, так и королем за правило дальнейшей практики в вотировании субсидий.

Вторым важным правом сделалось участие в законодательстве. Законы издавались по почину короля или парламента и во всяком случае с обоюдного согласия.

Сначала палаты представляли королю жалобы и прошения (петиции), от удовлетворения которых ставили иногда в зависимость согласие на налоги, и если король соглашался на какую-нибудь просьбу общего характера, ее содержание делалось парламентским законом (статутом). Так как, однако, превращая парламентские петиции в статуты, чиновники вносили в них изменения, то общины, в первой половине XV века, стали указывать на то, что в законодательстве они являются стороною, дающею свое согласие, а потому изменения в содержании законов недопустимы. Генрих V согласился с этим доводом и обещал, что впредь никаких изменений не будет вносимо в содержание статутов, и тогда парламент перешел прямо к выработке готовых законопроектов, так называемых «биллей», которые королю оставалось только утвердить без изменений или отвергнуть, — право, которое у королевской власти не оспаривалось.

Кроме вопросов финансовых и законодательных, парламент часто занимался и делами внутреннего управления. В средние века парламент не раз возбуждал вопрос об ограничении права короля по своему только усмотрению назначать членов тай-

ного совета, бывшего средоточием управления страной, и в минуты обострения борьбы в этом смысле делались даже попытки, первая из которых относится к эпохе возникновения парламента. Не добившись этого, парламент приобрел право устранять неугодных ему советников короля, возбуждая против них судебные преследования, причем палата общин была обвинительной инстанцией, а палата лордов судила. Если в законах не было такого, под который можно было бы подвести тот или другой поступок королевского советника, парламент с середины XV века стал создавать для каждого случая новый закон, которому придавал обратное действие, и на его основании приговаривал королевского советника к наказанию. Такие специальные законы назывались «биллями об опале» (билль оф аттэндер). При неответственности короля, который считался «не могущим делать зла», за все противозаконные деяния власти отвечали дававшие королю дурные советы его министры.

Итак, парламент 1) давал согласие на установление налогов, 2) участвовал в законодательстве и 3) имел право судить королевских советников. Все права парламента создавались большею частью путем

накопления прецедентов (однородных случаев), хотя были и положительные законы о том или другом из имевшихся у парламента прав. Это учреждение серьезно ограничивало королевскую власть, которая не могла ни произвольно устанавливать налоги, ни таким же образом издавать законы, ни даже держать при себе ненавистных парламенту советников. От этих ограничений и хотели отделаться короли из династии Стюартов, за что и поплатились двумя революциями.

Королевская власть, бывшая прежде неограниченной, превратилась во власть ограниченную. В этом смысле в Англии создалась целая политическая теория ограниченной монархии еще в XIII—XV веках, чтобы потом получить дальнейшее развитие в эпоху обеих революций XVII столетия. Нам нужно познакомиться и с основной мыслью этой теории, дабы отчетливо понимать, из-за чего происходила борьба в этом последнем веке.

В то самое время, как французские легисты (законники), изучавшие римское право, заимствовали из него формулу абсолютизма: «то, что благоугодно государю, имеет силу закона», в Англии установился другой взгляд на закон. Уже в XIII веке англий-

ский судья Брактон написал трактат, где проводил мысль о подзаконности королевской власти и, в частности, говорил следующее: «силу закона имеет то, что правильно постановляется королевскою властью с совета и согласия вельмож и по общему соглашению всей земли (государства)». В XIV веке архиепископ кентерберийский Ислеп проводил ту же мысль, говоря в своем «Зерцале Эдуарда III» следующие слова по адресу этого короля: «ты должен знать, что по свидетельству мудрых философов, передающих слова божии, власть короля должна быть ограничена установлениями, созданными законом». Наконец, в XV веке Фортескью, бывший канцлером королевства, в своей «Похвале законам Англии» прямо защищал государственный строй своего отечества, как наилучший, а в трактате «О различии между абсолютной и ограниченной монархией» изложил тот взгляд на английскую конституцию, что в ней соединяются черты правлений королевского (монархического) и политического (республиканского), и что в этом-то и состоит разница между абсолютной и ограниченной монархией. В Англии, говорит Фортескью, «законы создаются отнюдь не по воле одного государя, как это можно сказать относительно законов

в государствах, управляемых только по королевски, т. е. абсолютно. Устройство этих королевств имеет в виду выгоды одного лишь правителя, к немалой невыгоде управляемых..., а в Англии статуты создаются с согласия всего королевства, а потому не могут причинять ущерб народным интересам, способствуя, наоборот, общему благу». Далее, продолжает Фортескую, «король не может ни сам по себе, ни через своих министров устанавливать налоги, субсидии и какие бы то ни было еще сборы помимо согласия всего королевства, выраженного парламентом, ибо брать у кого-нибудь что-либо из его достояния без его согласия и без вознаграждения противно законам».

Прогрессивное развитие парламента шло до середины XV века. Если с Плантагенетами парламента был в постоянной борьбе, то со следующей династией, Ланкастерской, жил в мире, потому что династия эта сама была возведена на престол волею парламента. Известно, что у этой династии в середине XV века стал оспаривать право на престол герцог Йоркский, ведущий свой род от Плантагенетов. В Англии началась междоусобная «война алой и белой розы», как она была названа по двум эмблемам: Ланкастерской династии (алая роза)

и Йоркской (белая роза). Эта война отозвалась гибельно на парламенте. Во-первых, во время войны победа переходила то на одну, то на другую сторону, и каждая старалась узаконить свое торжество постановлениями парламента, ставшего в это время простым орудием в руках победителей, прибегавших постоянно к казням и конфискациям. Во-вторых, во время этого междоусобия погибло на полях битв и под топором палача много той знати, в которой заключалась главная сила парламента в течение всех средних веков, — знати, умевшей давать отпор королевскому произволу. В третьих, усобица, длившаяся около тридцати лет (1455—1485), заставила большинство нации искать обеспечения спокойствия и порядка в установлении сильной власти, тогда как парламент превратился в простую игрушку аристократических партий. Вот почему королевская власть теперь усиливается, а парламент ослабевает, приходит в упадок. Вступившая в 1485 году на престол династия Тюдоров фактически правила страшною совершенно деспотически. Она не отменила парламента, но стала собирать его реже, а главное, требовала от него безусловного послушания, пользуясь им, как простым орудием королевской власти. Уже Эдуард IV Йоркский в 22 года (1461—1483)

созывал парламент только четыре раза, а Тюдоры за сто восемнадцать лет (1485 — 1603) собирали парламент лишь пятьдесят восемь раз, причем в сорок пять лет царствования королевы Елизаветы (1558 — 1603) парламент созывался только тринадцать раз. Стюарты были непосредственными преемниками Тюдоров и пошли дальше в том же направлении. Иаков I однажды не созывал парламент в течение семи лет, Карл I — даже в течение одиннадцати. Английскому парламенту в первой половине XVII века грозила судьба французских генеральных штатов, не созывавшихся с 1614 года сто семьдесят пять лет.

Одним из орудий королевской власти при Тюдорах сделалось новое учреждение, введенное первым из Тюдоров, Генрихом VII, и получившее название Звездной палаты. Это был чрезвычайный суд по политическим делам, находившийся в совершенном противоречии с английскими судебными порядками. Уже одна из статей хартии 1215 года гарантировала всем свободным людям королевства правильный суд, который, нужно прибавить, был в руках присяжных заседателей, выбиравшихся из самого же населения. Звездная палата выросла на почве того беспорядка, которое было создано усобицей

двух роз и было вполне подстать превращению парламента в послушное орудие королевской власти, которая, сверх всего сказанного, усилилась в XVI веке и от религиозной реформации, сделавшей короля главою национальной церкви.

II. Англиканская церковь и пуританизм.

Политическая сторона английской реформации XVI века.— Роль парламента в реформации.— Характер англиканской церкви.— Влияние шотландского пресвитерианства на Англию.— Возникновение сектанства и настроение в английском обществе при переходе из XVI века в XVII.

В первой половине XVI века королевская власть в Англии еще более усилилась, потому что король, бывший прежде только главою государства, сделался теперь и главою церкви, тем самым заняв место, прежде принадлежавшее папе. У английской реформации была и своя политическая сторона, заключающаяся именно в этом королевском главенстве в церкви, делавшем государя распорядителем по отношению к высшим духовным должностям, обладание которыми давало право заседать в палате лордов. Средневековое английское духовенство было солидарно со светскими лордами в отстаивании прав парламента. Если епископы и аббаты не составили особой духовной па-

латы, а заседали вместе со светскими лордами, то произошло это вследствие общности интересов церковной и феодальной аристократии, самого богатого землевладельческого класса Англии. Война алой и белой розы сильно сократила число светских лордов (до 29 в начале царствования Тюдоров), так что сила палаты покоилась на духовных лордах, и вот теперь эти высокие сановники церкви начинают получать свои места и соединенные с ними бенефиции, доходные имения, из рук государя, что уже не позволяет им пользоваться прежнею независимостью от светской власти. Король Генрих VIII, объявивший себя главою церкви, тогда же отобрал в казну все монастырские имения, чем нанес удар самим монастырям. Они исчезли, а с ними и их настоятели, аббаты, заседавшие в палате лордов. Эта секуляризация монастырской собственности обогатила короля, сделала его в его денежных средствах менее зависимым от парламента и создала громадный земельный фонд, из которого король мог награждать новых лордов, назначавшихся им из любимцев, из придворных, из государственных чиновников. Тюдоры возвели в звание пэра очень большое количество лиц, которые, конечно, по крайней мере в первом поколении не могли не

быть послушными слугами короля. Вот в каком смысле английская реформация содействовала усилению королевской власти, начавшемуся по окончании войны двух роз.

В истории английской реформации одно объясняется общими причинами, другое — личным характером Генриха VIII, человека деспотических капризов. Национальная оппозиция Риму в Англии давно существовала и проявлялась по временам в парламенте, но Генрих VIII ее сдерживал, пока не поссорился с папой, не соглашавшимся на его развод с женой. Отмену папской юрисдикции в Англии, объявление короля главою английской церкви, отобрание в казну монастырской собственности, новые статьи веры и преобразования в богослужении, — все это было делом личной инициативы короля, но все это проводилось в парламенте и через парламент, бывший в те годы (тридцатые и сороковые) вполне послушным орудием в руках деспотического короля. Когда после короткого царствования его сына Эдуарда VI престол заняла его старшая дочь Мария, бывшая рьяной католичкой, и начала восстановление в Англии папской власти и всего учения, устройства и культа старой церкви, опять дело не обошлось без послушного и на этот раз парламента. Как Генрих VIII

однаково казнил и тех, которые не хотели признать его главенства в церкви по своей верности папе, и тех, кто отвергал это главенство, идя далее в деле реформы церкви, так и Мария казнила отступников от католицизма, заслужив прозвище Кровавой и немало своею жестокостью поспособствовала отращению нации от папизма. После Марии ее сестра Елизавета восстановила англиканскую церковь отца и брата, причем опять дело было сделано при помощи парламента. Так сами Тюдоры, проводя свою религиозную политику через парламент, создавали прецеденты участия парламента в церковных делах, — прецеденты, на которые в XVII веке парламент мог уже ссылаться, как на доказательство своего права заниматься и делами церкви.

Реформированная королевскою властью при содействии парламента англиканская церковь была учреждением национально-государственным, называлась церковью «установленною», внутренние порядки которой были определены парламентом «актом об единообразии», делавшим всех несогласных «нонконформистами», слушниками государственной власти, имевшей и королевскую, и папскую компетенцию. Это была церковь консервативная, сохранившая из

католицизма гораздо больше, чем какая-либо иная протестантская церковь. Это была церковь монархическая, в которой король занимал место папы, назначая ее епископов и имея в руках своих высший надзор за духовенством, для которого рядом со Звездною палатою Генриха VII существовала учрежденная Елизаветою Верховная комиссия по религиозным делам, сделавшаяся со временем подобием инквизиционного судилища. Это была церковь аристократическая, сохранившая иерархический сан епископа и сохранявшая епископат в составе палаты лордов. Земли, доходы с которых шли епископам, не только не были отобраны в казну, но даже получили некоторое приращение из секуляризованной монастырской собственности. Это была церковь петершимая, как, впрочем, и все церкви того времени. Наконец, эта церковь сделалась национальною в том смысле, что к ней примкнуло большинство нации. Вне ее стояли, с одной стороны, католики, которых стали называть папистами, с другой—более последовательные протестанты, получившие имя пуритан. И тех, и других преследовали, как ослушников государственной власти.

Пуританизм стал распространяться в Англии во второй половине XVI века.

когда в соседней и родственной Шотландии одержал в 1559 году революционную победу занесенный из Женевы кальвинизм, получивший здесь название пресвитерианизма. Это была более радикальная реформация, для которой англиканизм все-таки казался еще «суеверием и идолослужением», а с политической точки зрения разница была та, что он отвергал какое бы то ни было главенство в церкви, которая получила федеративно-республиканское устройство. Национальный синод был здесь своего рода церковным парламентом. Шотландская реформация сопровождалась двумя политическими переворотами, лишившими власти сначала регентшу королевства, мать королевы, а потом и самую королеву Марию Стюарт. Шотландские кальвинисты были сторонниками ограниченной монархии. Один из деятелей этой эпохи Бьюканан в своем трактате «О праве королевской власти у шотландцев» проводил ту мысль, что закон выше короля, и что между государем и народом существует договор, обязательный для обеих сторон. Это был один из тех «монархомахов» (монархоборцев), которые были и на материке. Английская реформация была королевской, шотландская — народной, но обе они были государственными,

устанавливавшими обязательные для всех подданных вероисповедные нормы. Значительная часть английских пуритан сочувствовала кальвинизму и желала, чтобы англиканская церковь была реформирована в более радикальном, автономном и демократическом направлении. Мы увидим, что в XVII веке произошло сближение между защитниками старых прав парламента и пуританами, сочувствовавшими шотландскому пресвитерианизму. Для понимания английской революции это нужно иметь в виду. Но нужно иметь в виду еще и другое, а именно появление в Англии к концу XVI века сектантства, которое сделалось враждебным самой идее единой, установленной государством, обязательной для всех граждан церкви. Такое сектантство в первой половине XVI века было в Германии, в Швейцарии, в Нидерландах, где называлось перекрещенством (анабаптизмом), имело мистический характер по вере звоей во внутреннее откровение и приняло революционное направление с резко выраженной социальной окраской. Подобному сектантству в Англии было суждено также сыграть важную роль в религиозно-политической борьбе первой английской революции.

Подведем итоги под этим очерком религиозных отношений в Англии к концу XVI или началу XVII века. Большинство населения принадлежало к «установленной» англиканской церкви, в своем консерватизме близкой к католицизму, церкви строго монархической и вместе с тем аристократической, епископальной. Ее законом был парламентский «акт об единообразии», не подчинившиеся которому были понконформистами. Таковыми были паллисты и пуритане, первые, остававшиеся верными старой церкви, вторые, шедшие в деле реформы церкви далее англиканства, но сами или тяготившие к шотландскому пресвитерианизму, или вступавшие на путь индивидуального и общинного религиозного самоопределения. В политическом отношении католики и англикане составляли правую сторону, пуритане — левую, одни из последних более умеренного, другие более крайнего настроения, так сказать, либералы и радикалы.

Первая английская революция была, как увидим, борьбою не только между королевскою властью и парламентом, но и между двумя реформациями, т. е. королевской (монархической) и народной. Но в этой же революции происходила и борьба классов,

защищавших разные политические и религиозные направления. Сторонниками королевской прерогативы были, главным образом, высшая знать и высокая церковь, приверженцами парламента и пуританизма — среднее дворянство и зажиточные горожане, силу сектантства составляли люди из народа.

III. Социальный строй Англии перед первой революцией.

Отличие английского социального развития от континентального. — Парламент, как орган землевладельческого класса. — Примеры классовой политики парламента. — Экономический переворот XVI века. — Начало оживления палаты общин. — Неодинаковость отношений в юго-восточной и северо-западной Англии. —

Социальный строй Англии перед первой революцией может быть лучше всего познан путем рассмотрения того, как он сложился.

Беря за исходный пункт завоевание Англии нормандцами, мы можем сказать, что после него в стране существовали такие классы, исключая духовенство: это были, во-первых, крупные бароны, потом бароны мелкие и рыцари, далее свободные простолюдины и крепостные. К концу средних веков и началу нового времени крепостного состояния в Англии уже не было, если не

считать редких, единичных исключений, а среди других классов не выработалось тех резких сословных перегородок, которые установились на континенте. Первое, что здесь бросается в глаза, это—отсутствие той правовой грани между дворянином и горожанином, которая была так резка на материке. В графствах тоже постепенно стерлась разница между мелкими баронами, рыцарями и свободными землевладельцами (фригольдерами), одинаково участвовавшими в местных собраниях и в выборах в парламент. В континентальных сословно-представительных собраниях дворяне и горожане образовали две разные палаты, тогда как в Англии образовалась только одна палата с характерным названием общины, каковыми являлись графства и города. Правда, не все выбирали в парламент, но исключение из этого права основывалось не на происхождении (сословный принцип), а на материальном положении (классовый принцип), на имущественном цензе, который в графствах определялся сорока шиллингами годового дохода. То, что можно назвать в Англии сельским дворянством (джентри), помещиками (сквайры), не есть сословие в континентальном смысле, сословие с особым правом. В Англии рано сословность в смысле прирожденных проие-

хождению привилегий стерлась, и даже существование лордов этому не противоречит. Лорды составили в Англии корпорацию, в которой рядом с наследственными законодателями заседали и пожизненные по своей должности (духовные лорды). Если бы светские лорды составляли сословие, то все дети каждого лорда входили бы в его состав и пользовались бы сословными правами по праву происхождения, но лордом делается только старший сын по смерти своего отца. Младшие сыновья и дочери лорда такие же «коммерсы» (commoners), как и все вообще граждане, так сказать, обыкновенные смертные*). В то время, как на материке представительство в государственных сеймах было строго сословным, разделяясь на отдельные палаты духовенства, дворянства (иногда с подразделением на высшее и низшее) и горожан, английский парламент заключал в себе две палаты, в одной из которых стали заседать по личному праву вместе наиболее крупные землевладельцы и сановники, в другой - выборные представители всех остальных имущих классов. Отсутствие в Англии сословности в континентальном смысле, подчиненность всех одному праву, одинаковому

*) Слово это значит общинник, принадлежащий к общинам, познатный.

суду и т. п., конечно, еще далеко не значит, чтобы в Англии не было привилегий, но в основе их стало лежать не происхождение, а принадлежность к известному классу в имущественном отношении. Самое право участвовать в парламентских выборах есть «франчиза», т. е. привилегия (или льгота), сообщаемая лицу не рождением его в семье известного положения, а местом его жительства и имущественным цензом.

Если мы взглянем на то, какой общественный класс был наиболее представлен в парламенте, то придется указать на обладателей крупной и средней земельной собственности. Первая представлена была в средние века верхней палатой, членами которой были наиболее богатые землевладельцы. «Рыцари от графств», как стали называться представители графств, тоже были землевладельцами, и хотя их было меньше, нежели горожан и мещан (*cives et burgenses*), но последние были, в общем, всегда менее стойкими, более послушными власти, что и заставляло правительство широко раздавать право отдельного от графств представительства городам и местечкам. Но городские поселения не очень дорожили этим правом, так как оно было сопряжено с обязанностью содержать депутатов. И вот

когда во второй половине XVI века прежнее правило, запрещавшее выбирать представителей не из местных жителей, было отменено, то сельские землевладельцы стали охотно ставить свои кандидатуры в городах, отказываясь от вознаграждения, так как многие обладали достаточными средствами, чтобы на собственный счет ехать в Лондон и прожить в нем некоторое время. Выходило, значит, так, что главную роль в обеих палатах парламента играли обладатели земельной собственности, т. е. люди одного и того же социального положения. Это обстоятельство объясняет нам и ту солидарность, которая в громадном большинстве случаев наблюдается в средние века между обеими палатами английского парламента, в отличие от постоянно ссорившихся между собою сословных палат на континенте. Указанная солидарность была и одною из причин большей прочности парламента сравнительно с аналогичными учреждениями на континенте.

Лучшей иллюстрацией значения такого классового характера парламента может служить его законодательство в XIV веке после того, как «черная смерть» 1348—1349 гг. унесла чуть не половину населения Англии, что повлекло за собою непомерное вздорожание рабочих рук. В следующие годы пар-

ламент стал предпринимать меры удержания рабочих в помещичьих хозяйствах и борьбы против высокой заработной платы. Это было законодательство хозяев, желавших превращения рабочих как бы в крепостных не отдельных господ, а всего землевладельческого класса. Далее, когда через лет тридцать в Англии вспыхнуло большое крестьянское восстание (Уота Тэйлора в 1381 году) и тогдашний король (Ричард II) надавал инсургентам обещаний, парламент против них протестовал, объявив, что грамоты, данные королем крестьянам, не имеют силы, а именно потому что крепостные (еще тогда бывшие) составляют собственность своих господ, у которых король не имеет права брать ничего без их согласия.

В средние века главная роль принадлежала в парламенте палате лордов. Война алой и белой розы нанесла сильный удар светским пэрам, реформация ослабила значение духовных лордов, а ко времени первой революции палата общин уже могла рассчитывать на более важное значение. Однажды был произведен подсчет, какие величины представляют собою все имущества, принадлежащие каждой из двух палат, и оказалось, что палата общин была в три раза богаче палаты лордов.

Англия в XVI веке пережила важный экономический переворот. Секуляризация монастырской собственности создала много новых землевладельцев, которые стали заводить в своих имениях иные, чем прежде, порядки: превращать пахотные земли в луга, заменять мелкие аренды более крупными, стеснять местных жителей в пользовании пустошью и лесом, выгораживать участки из общинных угодий, что, впрочем, делалось и прежними владельцами на своих землях. Все это губительно отражалось на интересах крестьянской массы, которая начала волноваться и производить аграрные беспорядки, выделять из своей среды нищих, бродяг, грабителей.

Социальная опасность, грозившая верхним слоям общества от его низов, заставляла имущие классы держаться сильной власти, действовавшей репрессиями, пока рядом парламентских актов в царствование Елизаветы не создано было специальное законодательство о бедных, содержать которых на особый налог и доставлять которым работу должны были землевладельцы в сельских местностях и зажиточные люди в городах. С другой стороны, к концу царствования Елизаветы стала в Англии развиваться обрабатывающая промышленность,

которая тоже была подчинена новому специальному законодательству и мало-помалу поглотила часть свободных рук, бывших оторванными от земледелия агрономическими переменами. Сельско-хозяйственный и промышленный прогресс, совершившийся в XVI веке, и создал то национальное богатство, которое возвысило положение джентри и торгово-промышленного класса. Улучшенные способы обработки земли давали больший доход от сельского хозяйства. Вместо того, чтобы продавать шерсть за границу, стали превращать ее дома в сукно. Торговля, мореплавание, колонизация в Америке сделались тоже средствами обогащения. Все это не могло не отражаться на парламенте, нижняя палата которого, где лица из джентри часто представляли города, начинала представлять собою социальную силу. Сама властная Елизавета, старавшаяся крепко держать парламент в руках, почувствовала, что настроение ее подданных изменяется. Пользуясь своим правом управления торговой полицией, королевская власть создала в XVI веке массу всяких монополий, бывших вредными и для торговцев, и для потребителей товаров: первые лишены были возможности торговать теми или другими предметами, вторые переплачивали

за покупавшиеся вещи. Не раз парламент жаловался на монополии (в 1571 и в 1591 годах), но Елизавета, вообще строго относившаяся к парламенту, когда он «мешался не в свое дело», отклоняла эти протесты. Тем не менее, как ни противодействовали в данном случае советники королевы, в парламенте 1601 г. возник билль об уничтожении монополий. На этот раз Елизавета увидела, что дело принимает серьезный оборот уступила, об'явив парламенту, будто она раньше не знала о существовании этого зла, даже поблагодарив парламент за его заботы об общественном благе, и уничтожив все выданные монополистам патенты. Этот случай свидетельствует, что палата общин стала выходить из своего прежнего оцепенения, начинала оживать и переставала только слушаться велеий власти. И выборы в палату общин делались все независимее даже в тех местечках (бургах), которым в количестве шести десятков королева даровала права отдельного от графств представительства в парламенте, раечитывая на большую смиренность их представителей. Но, как мы видели, как раз при Елизавете было отменено правило о необходимости выбирать представителей лишь из местных жителей, — правило, впрочем, и прежде нарушавшееся, — и представителями городов во

многих случаях делались члены старого правящего класса, джентри. Важно отметить, что в конце XVI века к самой палате общин перешло право проверки правильности выборов ее членов, — дело, которое делали до того времени агенты власти, имевшие тем самым возможность опорочивать неприятные правительству выборы.

До известной степени в первой английской революции шла борьба между более аристократическими и менее аристократическими отделами правящего класса, бывшего представленным в парламенте. Старая феодальная знать была более сильна в северо-западной части Англии, бывшей более отсталой и в экономическом, и в культурном отношении. Наоборот, юго-восточная часть, где было много городов и морских портов, более населенная, более промышленная, более и образованная, находилась в руках сельской джентри и городского купечества. Сообразно с этим в юго-восточной Англии сильнее распространялся и пуританизм, тогда как в северо-западной более безраздельно господствовал англиканизм, а в Уэльсе было особенно много католиков, тоже державшихся старины и в политике*).

*) Уэльс — особая область в Англии, имевшая отдельное управление.

Когда началась гражданская война, северо-запад стал на сторону короля, юго-запад — за парламент по преобладанию в одной части феодальной по происхождению своему аристократии, в другой — более свободлюбивых джентри и купечества. В этой же юго-восточной части было больше и таких элементов, как зажиточные фермеры, ремесленники, мелкие торговцы и т. п., среди которых особенно распространился пуританизм.

Этим мы и можем окончить ознакомление с теми политическими, религиозными и социальными отношениями, без знания которых не может быть сколько-нибудь отчетливого понимания английских революций XVII века.

IV. Первые два Стюарта.

Восшествие Стюартов на английский престол и тогдашнее настроение национального представительства. Династические традиции Стюартов. — Французское влияние на политику Стюартов. — Прецеденты абсолютистской политики времен Тюдоров. — Абсолютизм в теоретической формулировке. — Личность Якова I и его отношение к парламенту. — Характер Карла I. — Парламент 1625—1629 годов — «Петиция о праве». — Парламентская сессия 1629 года.

Когда в 1603 году умерла Елизавета, с нею прекратилась династия Тюдоров, которую сменила шотландская династия Стю-

артов, по женской линии родственная Тюдорам. Первым английским королем из новой династии был Иаков I, как король шотландский Иаков VI, сын несчастной Марии Стюарт, низвергнутой на родине с престола, бежавшей в Англию и там казненной после долголетнего плена в качестве претендентки на английский престол, в пользу которой составлялись против Елизаветы заговоры. Иаков I царствовал двадцать два года, оставив в 1625 году престол сыну своему Карлу I.

На рубеже XVI и XVII веков Англия была уже не то, чем была за сто лет перед тем, когда в ней оказался возможным деспотизм первых двух Тюдоров. Общественные классы, бывшие представленными в парламенте, богатели, просвещались, чувствовали себя независимее от власти, возвращались к забытым традициям политической свободы и борьбы с властью. Между тем Стюарты стремились к абсолютизму, против чего не могли не встретить оппозиции со стороны подданных, которая должна была проявляться прежде всего в парламенте, уже при Елизавете начавшем, как мы видели, оживать после долговременного упадка. Оно так и вышло. С самого же начала между

Иаковом I и парламентом начались трения, которые только усилились при Карле I.

У династий есть свои традиции. Была своя политическая традиция и у Стюартов в их родной Шотландии, где они были в постоянной борьбе со своими свободолюбивыми подданными. Иаков I был шестым королем этого имени в Шотландии. Первый из них погиб от ран, полученных при нападении на него нескольких своевольных дворян. Третий король того же имени дважды попал к ним в плен и умер во время бегства от восстания, заколотый кинжалом. Иаков V скончался в тот момент, когда дворяне оставили его в войне с Генрихом VIII. И раньше бывали случаи, когда дворяне вступали в изменнические отношения с Англией. Против своеволия шотландской аристократии некоторые из этих королев принимали меры, заботясь об установлении правосудия и порядка, а Иаков V сделался даже особенно популярным среди крестьян, которым старался покровительствовать. Общей тенденцией Стюартов было усиление королевской власти, в чем они в XVI веке нашли поддержку из Франции. Иаков V был дважды женат на француженках, и от второй его жены, Марии Гиз, родилась мать Иакова VI, выданная в первый раз замуж

за наследника французского престола, потом недолго царствовавшего под именем Франциска II. Французское влияние в духе королевского абсолютизма было очень сильно при шотландском дворе во время управления его вдовою Иакова V за малолетством сначала, а потом и за отсутствием ее дочери Марии, жившей во Франции. Потом в Шотландии произошли два восстания, из которых одно низвергло регентшу, другое — самую королеву. После этой последней революции королем был провозглашен ее годовалый сын Иаков VI, отданный на попечение уже упоминавшегося кальвинистского писателя Бьюканана. Но последнему не удалось внушить своему воспитаннику своих идей о преимуществе ограниченной монархии, и он предпочитал следовать и примеру своих предков, стремившихся к усилению королевской власти, и политике французского абсолютизма, а в первые годы самостоятельного управления Шотландией даже покровительствовал существовавшей еще тогда католической партии. Эта связь Стюартов с Францией не прекращалась и во время царствования их в Англии, а внуки Иакова даже особенно сочувствовали католицизму, причем младший из них сам сделался католиком. Иакова воспитывали в духе строгого пресвитерианства.

но он не сочувствовал республиканско-демократическому устройству шотландской церкви. В последние годы XVI века он настоял на том, чтобы ее национальный синод поставил ее под королевский патронат и чтобы в ней учреждена была должность епископа, хотя и без того «благодатного» значения, какой сохранила за епископатом англиканская церковь.

Стюарты и в Англии присматривались к политике французского абсолютизма. Современником первого английского Стюарта был Генрих IV Бурбон, восстановитель единства Франции под неограниченной властью короля, переставший созывать генеральные штаты; царствование Карла I совпадает со временем управления Францией кардинала Ришелье, а оба последние Стюарта были современниками «короля — солнца» Людовика XIV. Общий дух XVII века в Западной Европе был монархический, абсолютистский. Сословно-представительные учреждения всюду приходили в упадок. Англия казалась Стюартам тоже готовою перейти к этому же порядку вещей. Уже Елизавета собирала парламент реже одного раза в три года и продолжала держать его в строгом повиновении. Стюартам оставалось только идти по дороге, проложенной

Тюдорами. В абсолютизме Стюарты пошли дальше Тюдоров, которые его только фактически практиковали, тогда как новая династия возвела на степеней политической идеи, на степеней отвлеченной теории обожествленном происхождении королевской власти, создающем ее неограниченность в принципе.

Тюдоры не только избегали частых созывов парламента и пользовались им, как простым орудием своей власти, но и нарушали права парламента и вольности населения. Законы страны требовали, чтобы налоги устанавливались не иначе, как с согласия парламента, но Тюдоры обходили это условие, собирая деньги с подданных путем «добровольных» займов, произвольного обложения товаров и т. п. Законы страны требовали, чтобы без согласия парламента ни один закон не мог быть издав, но это обходилось посредством королевских «прокламаций», за которыми сам парламента в эпоху наибольшего своего порабощения при Генрихе VIII (в сороковых годах) готов был признавать обязательность, что, впрочем, было скоро отменено. Мы видели, что парламента принадлежало право судить и наказывать дурных советников короля, но и тут парламента пользовался этим правом лишь по инициативе и в интересах королевской власти,

как это было при том же Генрихе VIII, парламент же своим правом самостоятельно пользоваться не мог. Королевские фавориты ограждались авторитетом монарха, пока ему не было благоугодно послать неугодившего министра на плаху. Тюдоры все-таки еще считались с тайным советом, состоявшим из высших сановников, но Стюарты больше пользовались советами случайных любимцев. Далее, по законам страны суд был обставлен гарантиями в интересах подсудимого, и это был суд присяжных, но при Тюдорах были учреждены два уже упоминавшихся выше трибунала: Звездная палата и Верховная комиссия по церковным делам, чрезвычайные судилища по политическим и религиозным преступлениям, не сообразовавшиеся с законами. Стюарты стали пользоваться этими двумя орудиями деспотизма особенно часто, причем услужливые члены обоих судилищ с большою охотою приговаривали обвиняемых к конфискации имущества. Желая и обыкновенных судей сделать более податливыми, Стюарты обходили обычай, ограждавший раз назначенного судью от произвольного смещения, а именно назначали не судей, а только исполняющих должность судьи. Одним словом, Тюдорами была создана вся практика абсолютизма, которая

представляла собою главные средства, какими пользовались и Стюарты. Но они не довольствовались одною практикою, а вдобавок провозглашали еще и теорию абсолютизма.

Главным теоретиком абсолютизма в XVI веке был Маккиавелли, «Государь» которого, как принято выражаться, сделался настольною книгою; в XVI веке были и кое какие «италионаты» из молодых англичан, разделявшие идеи абсолютизма. Но и Маккиавелли в начале XVI столетия, и французский теоретик абсолютного суверенитета Боден в конце его стояли на светской, философской точке зрения, в Англии же проповедь королевской неограниченной власти получила богословскую окраску. Теория о божественном происхождении королевской власти сделалась учением «высокой церкви», т. е. высших представителей англиканского духовенства и докторов богословия. Англиканская церковь видела в короле своего главу, как бы видимого заместителя в Англии Христа, невидимого главы вселенской церкви. Это было то же самое учение, которое позднее развивал во Франции при Людовике XIV Боссюэт в своей «Политике, извлеченной из св. писания». Наков I, получивший богословское образование, сам писал в том же направлении. В одном из своих

ученых трактатов под заглавием «Истинный закон свободной монархии», как и в других своих трактатах и в заявлениях парламенту, ссылаясь на библейские тексты, он доказывал, что короли—наместники бога на земле, что их власть через ветхозаветных патриархов идет к ним от Адама, что король превышает всяких законов, что если король соблюдает законы, то лишь ради подания благого примера своим подданным, что все права парламента составляют королевский дар, который может быть взят обратно. В этой политической теории было отведено место и епископальной церкви, как опоре трона. В самом начале царствования Иакова I ему была подана так называемая «петиция тысячи», в которой более восьмисот священников просили введения в церкви некоторых преобразований в пуританском духе. Король ответил на это очень резко в том смысле, что если нет епископа, то нет и короля, что он заставит всех быть конформистами или выгонит ослушников из королевства, или же станет их венчать. Преследования диссидентов, действительно, заставляли и многих из них выселяться в Америку. Богословы Оксфордского университета нашли ответ короля внушенным ему самим святым духом. А между тем в первом же парламенте, собранном

Накогом I, много говорилось о необходимости церковных преобразований, о праве парламента их производить, об обязанности короля делить свою власть в церковных делах с парламентом. Абсолютизм находился в союзе с «высокою церковью», в парламенте стали обнаруживаться пуританские стремления.

Здесь не место рассказывать события в царствовании Накова I. Достаточно сказать несколько слов о самой его личности и об отношении его к парламентам, им созывавшимся.

Это был человек вульгарный, склонный к грубым удовольствиям, начитанный, но довольно ограниченный, высокомерный, но трусливый, иногда не без остроумия, но лишенный такта. С одинаковою серьезностью писал он о божественном характере королевской власти и о непозволительности курения табаку. Свою политическую теорию он велел развивать на университетских кафедрах и обучать ей в церквах и школах. Ее он и сам преподавал парламенту при всяком удобном случае. А между тем палата общин уже в первой своей сессии начала нападать на непорядки и в управлении государством, и в церкви. Вскоре парламент стал протестовать против произвольного налогообложения королем пошлин на ввозимые и вывозимые

товары, от чего короли отказались еще в XIV^м веке, но что вошло в практику Тюдоров. Иаков II на этот протест не обратил никакого внимания и продолжал устанавливать пошлины, начав прибегать и к прокламациям. Оппозиция в парламенте все росла, а в 1614 году палата общин уже на две трети состояла из пуритан и вообще враждебно к абсолютизму настроенных членов. Она объявила, что не приступит к вотированию субсидий, пока не будут устранены такие-то и такие-то злоупотребления властью. Король распустил парламент, посадил в тюрьму наиболее непокорных его членов и стал управлять страной по своему произволу, издавая прокламации, налагая незаконные сборы, нарушая права судов и частных лиц. Главным его советником был герцог Бёкингэм, человек в высшей степени легкомысленный, и в том же духе служения абсолютизму действовал и лорд-канцлер Бэкон, знаменитый философ. Семь лет продолжалось такое деспотическое правление. Только внешняя политика*) заставила его в 1621 году созвать парламент, который собрался в самом оппозиционном настроении. Бёкингэм пожертвовал парламенту Бэконом, который з.

*) Начало 30-летней войны на материке

взяточничество был приговорен верхней палатой к денежному штрафу, однако, прощеному королем. Когда Иаков увидел, что сделанные им уступки (например, отказ от дарования монополий) не смягчают палату общин, он стал ей грозить, на что палата ответила резким протестом с такими положениями: «свобода, привилегии и юрисдикция парламента—прирожденное и наследственное достояние английского народа»; парламента имеет право обсуждать «все трудные и не терпящие отлагательства дела, касающиеся короля, королевства и церкви»; каждый член парламента «имеет и по праву должен иметь свободу речи». Иаков I приказал принести к нему книгу протоколов палаты, вырвал из нее запись этого заявления и скоро распустил парламента. Новый парламента был созван только через три года, незадолго до кончины Иакова I.

В 1625 году на престол Англии вступил его сын Карл I. Ввиду того, что политика этого короля вызвала в Англии революцию, на его личности нужно остановиться несколько больше. Новому монарху при вступлении его на престол было только двадцать пять лет. Это был человек блестящий и по уму, и по образованию, способный своею обходительностью внушать к себе

расположение, а моральными своими качествами в частной жизни вызывавший к себе уважение. Он был гораздо достойнее своего отца и изяществом своих вкусов, и сдержанностью своего поведения. Гордый своим королевским званием, он разделял теорию Иакова I о неограниченности монархической власти, не допускал, чтобы парламент мог ее ограничивать, и, будучи вообще человеком чести, в политике все же считал допустимым пользоваться всеми средствами для достижения цели: неискрытостью, нарушением данного слова, вероломством и т. п., в смысле политических методов Маккиавелли. Он легко поддавался влиянию тех людей, советы которых соответствовали его стремлениям, как например, Бэкингэма, а также королевы, французской принцессы-католички, женщины, отличавшейся высокомерным и властным нравом. Лично он был гораздо осторожнее своих более решительных советников, но, в конце концов, им уступал. Слепленный своей теорией, он плохо понимал окружающую его действительность.

В отношении к парламенту Карл I был убежден, что только защищает свое королевское право, и потому оппозиция казалась ему посягательством на его прерогативу. В первые годы своего царствования

он трижды созывал парламент. Первый из них, не доверяя его политике, вотировал ему субсидию в меньшем размере, чем он требовал, указывал на вкравшиеся в управление злоупотребления и выразил желание, чтобы у короля были хорошие советники. Распустив парламент, Карл I прибег к принудительным займам, но неудача английского флота под Ла-Рошелью заставила Карла I созвать второй парламент, прежде всего потребовавший расследования причины указанной неудачи. Обвинение падало на Бёкингэма, но король заявил, что он не потерпит требования ответственности его слуг перед парламентом. Палата общин отложила вотирование субсидий до получения от короля ответа на его жалобы. Карл I призвал палату в свой дворец и объявил, что самое существование парламента будет зависеть от того, каковы будут результаты его деятельности, т. е. полезные или вредные. Угроза не испугала палату. Бёкингэм был предан суду, а на просьбу просто дать ему отставку Карл I ответил, что Бекингэм только исполнял его волю. Самым резким обвинителем фаворита был сам вождь оппозиции сэр Джон Эллиот, который и был посажен в тюрьму вместе с другим членом парламента. Парламент был

распущен. Начался сбор субсидий в виде добровольных ссуд, а тех, кто не хотел платить или оказывал какое-либо неповиновение, начали силою заставляли исполнять королевскую волю: сажали в тюрьму, забирали в солдаты или в матросы и т. п., причем в числе пострадавших был один молодой сквайр (помещик) Джон Гемпден, об'явивший, что он не хочет навлечь на себя проклятие за неисполнение Великой хартии свободы, которая должна была бы дважды в год прочитываться народу в церквях. Так как, однако, внешние дела шли плохо, в 1628 году Карлу I пришлось созвать парламент в третий раз.

Правительственные кандидаты на выборах 1628 года не имели успеха, но зато в палату прошло много лиц, пострадавших от правительственного террора 1627 г., в числе их и Гемпден, а также и таких людей, которые потом, как и Гемпден, играли роль в революции (Пим, Кромвель и др.). В числе оппозиционных членов был и некто по имени Томас Вентворт. Обе стороны встретились враждебно. В своей тронной речи Карл I сказал, что если парламент не поможет нуждам королевства, то он, король, найдет другие способы помочь, и прибавил, чтобы парламент не принял это за угрозу,

что он, король, унизил бы свое достоинство, если бы стал грозить людям, которые ему не равны. С своей стороны, парламент составил петицию, от принятия которой королем поставил в зависимость согласие свое на субсидии. Сначала Карл I хотел помещать обсуждению петиции в парламенте, но, подумав, решил, что истолкователями условий будут судьи, которые зависят от короны, согласился принять петицию и обещал исполнить изложенные в ней пункты.

Так возникла знаменитая «Петиция о праве», перечислявшая все бывшие нарушения законности со ссылками на статьи Великой хартии и на парламентские статуты. В сущности, нового ничего она в себе не заключала, а подтверждала старое: 1) без разрешения парламента не может быть никаких налогов, принудительных займов и т. п.; 2) никто не должен подвергаться произвольному аресту и незаконному суду; 3) чрезвычайные суды и всякого рода экзекуции при помощи военных команд не должны существовать. Король утвердил этот документ, но когда тот вышел в печатном виде в громадном количестве экземпляров, в утверждении короля оказалась оговорка. Когда же палата приняла резолюцию, требовавшую удаления Бёкингэма, заседания парламента

были отсрочены и возобновились только в начале 1629 года. В этот промежуток между обеими сессиями ненавистный народу Бёкингам был убит. Между тем в своей новой сессии палата общин обратила внимание на то, что духовные лица стали проповедывать против парламента, и постановила заняться положением церкви, кроме стоявшего еще на очереди вопроса о незаконном сборе некоторых пошлин. Карл I не стал этого дожидаться и поспешил распустить парламент. Начался одиннадцатилетний период правительственного деспотизма.

V. Политика «напролом».

Вентворт-Страффорд.—Его политика «напролом». — Верноподданная политика Лоуда.—Деятельность Звездной палаты и Верховной комиссии.—Корабельная подать и процесс Гемпдена.—Шотландское восстание.—«Короткий» парламент.—Поведение Страффорда во время шотландского восстания.—Взрыв общего негодования в Англии.—Эмиграция в Америку.

После убийства Бекингэма главным советником Карла I сделался названный выше Томас Вентворт, уже в 1621 году в первый раз бывший членом парламента, теперь не достигший еще сорока лет политический деятель, более известный в истории под дарованным ему королем титулом Страффорда,

В истории абсолютизма это была очень крупная фигура, которую можно по уму и энергии поставить с его современниками во Франции и Германии, чуть даже не сверстниками его, Ришелье и Валленштейном. Прежде он одно время стоял близко к Джону Эллиоту, вождю оппозиции в последнем парламенте начала царствования Карла I, и был одним из главных политических противников Бёкингэма, как человека совершенно неспособного хорошо вести дела. Но Вентворт далеко не разделял мысли Эллиота о способности палаты общин руководить государственным управлением. Его оппозиция имела совершенно другой источник, нежели у Эллиота, и предположение, что он бросился в оппозицию с целью показать свои блестящие способности и подороже продать себя королю, можно назвать совершенно праздным. Это был аристократ, монархист, абсолютист, лишь временно находившийся в одном лагере с Эллиотом. После убийства Бёкингэма он предложил свои услуги королю, который с радостью принял его в число своих советников. Скоро в королевском совете он выдвинулся на первое место, так что в 1633 году Карл I сделал его своим заместителем в Ирландии, где Вентворт занялся созданием армии, как опоры королевской власти в

борьбе с ее противниками. Большею частью отсутствуя из Лондона, Вентворт, получивши уже после этого титул графа Страффорда, однако, продолжал давать Карлу I политические советы и оказывать влияние на ход дел в стране.

Страффорд был таким же государственным, как и Ришелье, и можно даже видеть в его политике подражание тому, что делал во Франции знаменитый организатор абсолютной монархии в этой стране. Ришелье был только восьмью годами старше Страффорда, и приблизительно лет на десять раньше сделался королевским советником, так что его система была перед глазами Страффорда. Простым подражателем он, однако, не был. Он хотел, чтобы в национальной жизни действовало только одно правительство, чтобы одно оно всем заведывало, управляло, распоряжалось при полной пассивности общества. Простой народ же был способен только повиноваться массе; оппозиция шла только со стороны привилегированного класса, притязания которого казались Страффорду нестерпимыми и требующими, прежде всего, ограждения от них престолонаследия, пользовавшегося поэтому со стороны правительства заботами, хотя и глубоко презиравшегося этим аристократом, как подла

чернь. Эту свою идею Страффорд проводил и в Ирландии, где старался облегчить положение народной массы и делал все усилия поднять экономическое благосостояние страны. Поставив себе такую цель, Страффорд не стеснялся в средствах, нарушая все традиции, обычаи, права, законы, идя «напролом», как можно перевести английское слово (thought), сделавшееся собственным его девизом этой политики. Это «напролом» было полным отрицанием всего того, что было дорого людям разных общественных положений, пускали в ход вероломных обещаний, угроз, насилия, сделавших имя его ненавистным в Англии и в Ирландии, — в последней стране и потому, что он стал вводить в этой католической стране английских колонистов-протестантов. Страффорда, высокомерного, сурового, не любили и при дворе, не любила и королева, как то было и во Франции при Ришелье.

Общим со знаменитым французским министром-кардиналом было у Страффорда и то, что и он был веротерпим, не придавал своей политике вероисповедной окраски, но заботило его не примирение вероисповеданий, а как бы и из конфессиональных раздоров, «разделяя и властвуя», извлекать выгоду для своей системы. «Справедливость

без различия лиц» тоже была правилом его поведения, причем справедливость понималась в смысле равной меры для всех подданных короля без различия сословий, классов, вер. Притязания парламента стояли поперек этой системы, но Страффорд не разделял мысли Карла I, что его подданные рано или поздно сами образумятся, признают его правоту и сделаются послушными, а потому готовил в своем наместничестве военную силу, имея перед глазами пример Валленштейна, человека, бывшего лишь десятью годами старше его и как-раз перед его вступлением в королевский совет уже находившегося во главе быстро созданной католической армии. Эта же армия, по мысли Страффорда, должна была создать для Англии и сильное положение в международных делах Европы.

Если бы новый режим Карла I не затрагивал религиозных убеждений и страстей, чисто светская политика Страффорда могла бы рассчитывать на успех в гораздо большей мере, чем то было на самом деле, вследствие того, что другая сторона режима Карла I портила дело Страффорда. Виновником этого, если только здесь мог быть один виновник, был Лоуд, один из ближайших советников короля, сначала епископ лондонский, потом ар-

хиепископ кентерберийский, примае Англии, абсолютист, проповедовавший теорию божественного происхождения королевской власти, сильно склонявшийся к католицизму, вводящий в англиканское богослужение обрядность римской церкви, страшный гонитель пуританизма, осмелившийся даже искоренять пресвитерианизм в Шотландии, т. е. религиозный фанатик, шедший, как и Страффорд, «напролом». Против его политики и вспыхнуло первое восстание. Орудиями этой беспощадной абсолютистской и клерикальной политики были Звездная палата и Верховная комиссия, которым раньше никогда не было так много дела. Первая больше всего прибегала к штрафам и конфискациям, наполнявшим новыми денежными средствами королевскую казну. Верховная комиссия сделалась своего рода инквизицией англиканской церкви. Преследовались все свободные проявления общественного мнения, карали за неосторожные слова, карали за оппозиционные писания, наказывали тюремным заключением, публичным сечением розгами, обрыванием ушей, привязыванием к позорному столбу. «Петиция о праве», в создании которой участвовал сам Страффорд, была забыта. Правительственный террор шел напролом.

В то же время угрозами и насилиями

выколачивали из населения деньги под разными предлогами. Была, например, восстановлена старая корабельная подать, собиравшаяся во время войны с прибрежных графств на оборудование и снабжение кораблей. Теперь среди глубокого мира она была наложена на все графства, т. е. и на внутренние, а назначением ее стало создание сухопутной армии. Уже известный нам Гемпден, сидевший в тюрьме за отказ в уплате принудительного займа, и на сей раз не захотел платить, потребовав суда над собою. Процесс его продолжался около двух недель, взволновав сильно общественное мнение Англии. Большинство семи голосов против пяти подсудимый был признан неправым. Корона вышла победительницей из спора, хотя моральная победа была на стороне Гемпдена, сделавшегося необычайно популярным в стране. Страффорд сказал по поводу этого процесса, что пора начать розгами учить подобных господ благоразумию. Многие в это время считали дело свободы в Англии окончательно проигранным, и это только усилило эмиграцию недовольных в Америку. Есть предание, что вместе с Гемпденом собирался уехать за океан и двоюродный брат его Оливер Кромвель.

Этот процесс относится к 1637 году, и в

том же самом году вспыхнуло восстание в Шотландии, когда по настоянию Лоуда в ней было введено англиканское богослужение, само бывшее реформированным на католический лад. На просьбу отменить это нововведение последовал отказ. Тогда шотландцы образовали между собою «ковенант» (союз или договор), самовольно созвали свой парламент, собрали денег, образовали войско и начали войну с Карлом I. Для ведения войны у короля средств было мало, да и сочувствие англичан было не на его стороне, даже тогда, когда он обнаружил и обнародовал изменнические сношения шотландцев с Францией. Сам Страффорд посоветовал созвать парламент, и он собрался весной 1640 года, но заседал только три недели, так как был распущен за несогласие на субсидии без прекращения правительственной системы. После неудачи с этим парламентом, получившим название «короткого», Карл I обратился было за деньгами к палате лордов, но она ответила ссылкой на свою некомпетентность в финансовых вопросах, вспомнив уже приводившийся выше инцидент из начала XV века.

Страффорд сам повел ирландскую армию, набранную из всякого сброда, на войну, но не имел успеха. Когда два лорда подали королю петицию о необходимости уступок

шотландцам, Страффорд их арестовал и предложил тайному совету расстрелять их, как бунтовщиков, но не получил на это согласия. Он готовил обвинения и против других деятелей, которые находились в сношениях с шотландцами.

Дело Гемидена и шотландское восстание вызвали в Англии большое оживление. Началась в разных формах оппозиция правительству. Население Лондона в 1637 году устроило овацию нескольким памфлетистам, приговоренным Звездною палатою к выставке у позорного столба, отсечению ушей и тюремному заключению за нападки на епископов. Однажды толпа сделала нападение на дворец архиепископа и помешала заседанию Верховной комиссии. Война с шотландцами получила название «епископской», а отправленные на нее солдаты убивали офицеров, заподозренных в панизме, производили бесчинства в английских церквях и разбегались с дороги по домам. В весенний парламент 1640 года носыпались из графств и городов петиции о прекращении злоупотреблений. Началась смелая проповедь пуританизма, началось печатание оппозиционных памфлетов.

Конечно, невозможно с уверенностью сказать, что было бы если бы в Англии прово-

дилась только полигика Страффорда, т. е. если бы Лоуд не затронул религии шотландцев, ревниво оберегавших свою церковь от «римского суеверия и идолослужения». Усиление эмиграции после процесса Гемидена указывает на то, что дело свободы считалось проигранным. За время действия «напролом» из Англии эмигрировало около 20 тысяч человек, среди которых были и священники, и ученые, и адвокаты, и помещики, и купцы, и фермеры, но потом как-то волна эмиграции упала, а некоторые переселенцы стали возвращаться на родину. Во всяком случае религиозная политика кэнтерберийского архиепископа была непосредственной причиной, приведшей к созыву в 1640 году сначала короткого, потом долгого парламента. Мы подошли к началу самой революции, взрыв которой теперь понятен. За три с лишним десятка лет Стюартам не удалось сломить то сопротивление со стороны нации, которое встретило в ней стремление водворить в стране абсолютизм. Королевская власть сделала нападение на старую конституцию Англии, и революция получила оборонительный характер, пока сама потом не перешла в наступление.

Мы и познакомимся теперь с людьми,

делавшими эту революцию, и с идеями этих людей.

VI. Главные деятели долгого парламента.

Медленность темпа в развитии событий первой революции. — Единодушие долгого парламента в 1640 году. — Джон Эллот и его идея монархии. — Джон Сим и его понимание английской конституции. — Кое-что о публицистике эпохи. — Гемпден. — Оливер Кромвель до 1649 г. — Генри Вен. — Духовное родство его с Мильтоном. — Отсутствие видных людей в королевском лагере.

Между шотландскими волнениями, вызванными церковной политикой Лоуда, и созывом осеннего парламента 1640 г., известным в истории под названием «долгого», протекло три года. События и после того развивались не очень-то быстрым темпом. Долгий парламент был собран в 1640 году, но гражданская война между королем и парламентом началась только в 1642 г. Поражение Карла произошло лишь в 1645 году, а его казнь — в начале 1649 г. Между шотландским восстанием и учреждением в Англии республики протекло с месяцами одиннадцать лет, и столько же приблизительно просуществовала английская республика. Парламент получил название долгого потому, что легально продолжался двенадцать лет, хотя и был насильственно

распущен на тринадцатом году (1653). За эти годы долгий парламент испытал немало перемен.

В 1640 году он был единодушен, отражая на себе общее настроение нации, весьма враждебное режиму, установленному Карлом I при содействии Страффорда и Лоуда. Мы еще увидим в другом месте, как и в чем проявилось это единодушие, а здесь ограничимся указанием на то, что в палату общин попали вожди прежней парламентской оппозиции и что каждый депутат привез с собою петицию об устранении каких-либо злоупотреблений, кроме петиций, поступивших в парламент иными путями. Целая неделя прошла в их приеме и сортировке; назначено было сорок комиссий для их разбора и составления по ним докладов. Никакого разделения на партии не было.

Из старых вождей парламентской оппозиции Джон Эллиот, бывший адмиралом, не дождал до созыва долгого парламента. В свое время он уже сидел в государственной тюрьме Тоуэре за резкое обличение Бёкингэма в 1626 г. и вторично попал туда же в 1629 г., окончив свою жизнь в этом заключении в 1632 г. Доживи он до 1640 года, когда ему исполнилось бы только пятьдесят лет, он был

бы, несомненно, одним из выдающихся вождей и в долгом парламенте, как человек не только твердого характера, но и определенной политической мысли. Карл I выпустил бы Эллиота из заключения, если бы он отказался от своей непримиримой позиции. Но не ради указания на это здесь дается место Эллиоту, уже не бывшему в живых в 1640 году, а как политическому писателю, идеи которого характерны для парламентской оппозиции эпохи. Сидя в тюрьме, он написал трактат «Монархия человека», где, являясь убежденным монархистом, он нападает на потоки лести, стремящейся сделать королевскую власть неограниченной, и поставить управление вне всяких сдержек. Государственная власть в его теории должна была быть подзаконной. Однако, Эллиот был далек от учения монархистов XVI века, доказывавших право подданных отлагаться от законного суверена, и отрицал такое отложение даже в случаях крайних порочности или жестокости государя, находя, что «только рука всевышнего, хотя бы и через посредство руки человеческой и может падать мезтью» на дурного короля. Как ни высоко ставил Эллиот монархическую власть, он не признавал за нею права налагать подати и пошлины по своему произволу: «льстецы — те, которые утверждают

противное», говорит он. Вся монархия Эллиота далека еще от договорной монархии кальвинистов XVI века, и это характерно для парламентской оппозиции до начала революции. Лишь постепенно в политической борьбе сороковых годов оппозиция начала сходиться с такой, в сущности, умеренной точки зрения, развивавшейся человеком, который за одно из своих убеждений томился столько времени в одном из казематов Тоуэра. Людей с подобным образом мысли было в долгом парламенте немало, и многие из них потом не пошли против короля, да и те, которые пошли, представляли себе дело так, что борются не с монархом, а с злонамеренными людьми, овладевшими его волей.

Наиболее видную роль в начале долгого парламента играл Джон Пим, в молодости учившийся в Оксфордском университете и уже в парламенте 1621, 1626 и 1628 — 1629 годов бывший одним из вождей оппозиции. В коротком парламенте 1640 года он сказал энергичную речь, обличавшую беззакония правительства и требовавшую, чтобы королю даны были субсидии только под условием примирения с Шотландией. Когда этот парламент был распущен, Пим был составителем петиции от имени двенадцати лордов, требовавших созыва нового парламента. Затем

он предпринял путешествие по Англии с целью агитации в духе своих идей. В первых шагах долгого парламента, как мы увидим, ему принадлежала первенствующая роль. Главное—то, что у Пима была определенная политическая идея, была методическая тактика, большие организаторские способности. По мере оказывавшегося королем сопротивления требованиям парламента Пим все более становился радикальным в борьбе с Карлом I, хотя в начале своей деятельности старался не отступать от традиционных начал. Влияние его на палату было столь значительным, что его приверженцы называли его «королем Пимом».

Пим, тоже в свое время (за поведение еще в парламенте 1614 года) познакомившийся с тюремным заключением, оставаясь равным образом на монархической точке зрения, решительнее Эллиота определял взаимные права короля и парламента, исходя из той мысли, что и прерогатива первого, и народная свобода находятся под действием закона, что они взаимно одна другую поддерживают, пока каждая остается в своей сфере. По его представлению, выход прерогативы за свои границы неминуемо влек бы за собою тиранию, как отказ народа от подчинения прерогативе был бы началом

анархии. Это было старое учение о равновесии властей, но на практике Пим проводил ту мысль, что в английской конституции парламенту принадлежит более важное значение, нежели короле, и что самую существенную часть парламента образует палата общин.

Большая часть политических брошюр, вышедших около 1640 г., разделяла такую же теорию равновесия властей, но у некоторых уже проглядывала та мысль, что права обеих палат парламента важнее прав короля, и что права одной палаты общин важнее прав короля и палаты лордов, вместе взятых. Так разно толковалась одна и та же конституция, из которой Карл I выводил одно, а защитники прав парламента—другое, но также не одно и то же—от более умеренной точки зрения Эллиота до проповеди верховенства нижней палаты. Однако, более радикальные взгляды стали чаще высказываться с течением времени, и, например, по сочинениям некоего Генри Паркера, вышедшим в 1640—1650 годах, можно проследить, как «лезело» у одного и того же писателя объяснение английского государственного строя. По его теории, в случае столкновения между королевской прерогативой и народной свободой уступать должна первая, ибо сама

то власть нужна только для охраны народных прав, и нация, в противоположность королям, является устойчивым элементом государства. Для Паркера парламент был организованной нацией и в своих решениях авторитетом непогрешимым. От парламента, прибавлял еще Паркер, для королевства никогда не может быть вреда.

Но возвратимся от этого отступления в сторону публицистики времен долгого парламента к главной теме главы.

Рядом с именем Пима должно быть поставлено уже упоминавшееся выше имя Гемпдена, дважды отказывавшегося от уплаты незаконных денежных взысканий, за что ему пришлось подвергаться преследованиям. Популярность его была в долгом парламенте громадной, соответственно с чем он пользовался и очень значительным влиянием, хотя очень редко выступал оратором. Человек с довольно, в сущности, умеренными взглядами, он сначала верил в возможность мирного улажения дел, но потом решительно стал на сторону вооруженной борьбы, принял личное участие в войне не только в качестве организатора одного из парламентских полков, но и весьма способного военачальника. Он храбро сражался в передовом отряде и в одной стычке с не-

приятелем был тяжко ранен, за чем вскоре последовала и его смерть, в 1643 году, когда скончался и Пим. Ему еще не было тогда пятидесяти лет.

В долгом парламенте у Гемпдена был двоюродный брат. Когда у него однажды спросили, кто такой, с кем он разговаривал, он ответил, что человеку этому, казавшемуся на вид странным по своему деревенскому виду (нижняя палата состояла из «джентельменов»), быть может, суждено сделаться первым лицом в Англии. Это был Оливер Кромвель, которому только что в предыдущем году исполнилось сорок лет. Он происходил от Томаса Кромвеля, который, будучи канцлером казначейства при Генрихе VIII, проводил секуляризацию монастырей, за что получил прозвище «Молота монахов», но не угодил, в конце концов, королю и был казнен. Отец Оливера Кромвеля и трое дядей заседали в парламентах в конце царствования Елизаветы, и сам он принимал участие в парламенте 1628 года, но особенно ничем тогда не выдвинулся. В молодых годах он учился в Кэмбриджском университете, но недолго, оторванный от учения смертью отца, от которого ему досталось имение. (Впрочем, впоследствии он еще изучал в Лондоне правоведение).

Жизнь его проходила в сельско-хозяйственных хлопотах, занимавших его, однако, меньше, чем религиозные вопросы. Настроенный пуритански, он посещал молитвенные собрания и богословские собеседования, привлекал к ним своих рабочих, давал приют у себя гонимым за веру. Единственная речь, которую он произнес в парламенте 1628 года, была сказана на тему о свободе пуританской проповеди. Эта усиленная религиозность отличала его и впоследствии, когда он выступил на политическом поприще, сначала его не очень привлекавшее. В 1640 году он был выбран в оба парламента и во втором из них с самого начала проявил больше активности, нежели в 1628 году, хотя и здесь его роль сделалась особенно значительною только тогда, когда ухудшались взаимные отношения между королем и парламентом. На членов палаты общин он производил впечатление своим внушительным видом, высоким ростом, энергичными жестами, громким, несколько резким голосом и страстностью своей речи. В самом начале пребывания в палате он еще был совсем неизвестным человеком, не то, что Пим и Гемиден, но предсказание последнего о роли, какую Кромвель был способен играть, исполнилось, хотя Гемиде-

дену и не пришлось дожить до величия Кромвеля. По всему его прошлому видно, что религиозный вопрос для него был наиболее тогда важным, а не вопрос о праве вотирования налогов, как у Гемпдена, или раньше у Эллиота, и что в религиозном вопросе он способен был идти дальше как Гемпдена, так и Пима.

В последнем отношении в долгом парламенте к Кромвелю особенно близко подходит Генри Вен, бывший лет на двадцать его моложе. Учился он в Оксфорде и одно время в Женеве, где усвоил более, чем то было у большинства современников, радикальные взгляды и в религии, и в политике. Его убеждения делали его жизнь на родине после возвращения с материка тягостной, и он уехал в Северную Америку, куда, как было уже сказано, удалялось много людей, тяготившихся порядками в отечестве, но это отсутствие его продолжалось недолго (1635 — 1637), и в год процесса Гемпдена и начала шотландского восстания он вернулся в Англию, где и был выбран в 1640 году в парламент. Одним из первых его здесь действий было сообщение палате одной речи Страффорда в королевском совете, записанной отцом Века, который был штате-секретарем и сам вовсе не хотел, что-

бы эта речь сделалась известною. Вен известен и своими политико-религиозными сочинениями, писавшимися им в пятидесятых годах, когда он устранился от политической деятельности. За свою деятельность, как будет еще об этом говориться в своем месте, поплатился при реставрации Стюартов головою, когда ему едва пошел шестой десяток лет.

Ближе, чем кто-либо по своему мировоззрению стоял к Вену великий английский поэт и политический писатель Мильтон. Как о том еще будет речь впереди, оба они были защитниками широкой индивидуальной свободы в религии и сторонниками идеологии народовластия, что их отличало от таких деятелей, как Пим. Хотя Мильтон не был членом парламента, но его участие в государственном совете, как его секретаря, дает ему право быть отмеченным здесь среди других деятелей революции. Он был лишь тремя годами старше Вена, учился богословию в Кэмбридже, готовясь к духовному званию, от которого отказался, когда увидел, что по совести не может присягнуть на верность англиканской церкви, и, увлекшись гуманистическим образованием, уехал в Италию, посетив по дороге и Францию, где сближался с такими людьми, как Гуго Гроций (в Париже), Галилей (во Фло-

ренции). Из Италии он собирался проехать в Афины, но известия из Англии (дело было в 1637 году) заставили его вернуться домой и выступить с рядом сочинений по волновавшим англичан вопросам. О его литературной деятельности речь будет еще впереди. Здесь важно отметить, что Мильтон, как и Вен, уже до 1640 года был настроен радикально. Деспотический режим Карла I затрагивал в английском обществе и материальные, и идеальные интересы. Защитниками последних и выступали в парламенте Кромвель и Вен, вне парламента, Мильтон, Пим и Гемпден. Кромвель и Вен были сторонниками парламента, когда в нем произошло разделение на королевскую и парламентскую партии. Со стороны роялистов не выдвинулось ни одного замечательного деятеля. Страффорд был единственною крупною фигурою среди сторонников королевского абсолютизма, но не его позиция была та, на которую стали защитники королевской прерогативы, когда произошло разделение на партии, потому что это были не абсолютисты, а только защитники прежних отношений между королевскою властью и парламентом, как их понимал, например, Эллиот. Все, что в Англии выдавалось по уму, по образованию, по политическим способностям, было на стороне

парламента и пуританизма и задавало общий тон в тогдашней палате общин в первые два года ее существования, когда ее вождями были Пим и Гемпден, которые не имели соперников среди людей, впоследствии удалившихся из парламента.

VII. Первые два года долгого парламента.

Начальные два года революции. — Первые действия долгого парламента. — Уступки Карла I. — Процесс и казнь Страффорда. — Вопрос о парламенте министерстве. — Взаимное недоверие короля и парламента. — Ирландское восстание. — Кавалеры и круглоголовые. — Попытка ареста пяти членов палаты общин. — Разрыв Карла I с парламентом. — Парламентские требования 1642 года —

Возвратимся к изложению хода событий и рассмотрим деятельность долгого парламента в первые два года его существования, т. е. с осени 1640 года, когда он собрался, до осени 1642 года, когда начались военные действия между королевскими и парламентарскими войсками. Сначала в парламенте царит полное единодушие, потом он раскалывается на две партии, после чего король покидает Лондон, а с ним уезжает и часть членов обеих палат, начинаются между обеими сторонами переговоры, которые не имеют успеха, и скоро открываются военные действия «великого мятежа», как впослед-

ствий называли в Англии ее первую революцию.

Долгий парламент начал свою работу строгим судом над беззакониями только-что пережитых лет политики «напролом». Привезенные членами палаты общин и присланные в нее петиции доставили для этого обильный материал, рассматривавшийся в комиссиях палаты. В частности, корабельная подать, из-за которой Гемпден поплатился судебным осуждением, была объявлена незаконною, и приговор над Гемпденом несправедливым. Люди, приговоренные к тюремному заключению Звездною палатою, были освобождены, и народ на улицах приветствовал их восторженно, как «мучеников свободы», когда они вышли из тюрьмы. Было постановлено, далее, чтобы во всех графствах были составлены списки должностных лиц, приводивших в исполнение незаконные предписания правительства. Едва прошла неделя с открытия парламента, как Страфффорд был арестован и посажен в Тоуэр, и против него начат был процесс по обвинению в государственной измене. В следующем месяце был заключен в тюрьму и Лоуд, а в начале 1641 года еще один судья, доказывавший в свое время законность корабельной подати. Осо-

бым статутом было подтверждено, что без согласия парламента король не имеет права ни на какие сборы. Прошел в парламенте и так называемый «триэннальный акт» (трехгодичный), в силу которого парламенты должны были созываться, по крайней мере, по одному разу в три года и не распускаться ранее, нежели через пятьдесят дней с начала заседаний: палата имела в виду одиннадцатилетнее правление без парламента и роспуск короткого парламента весны 1640 года после трехнедельной сессии. Специально для себя парламент выхлопотал, несколько позже, привилегию не быть распущенным без своего согласия. Оба чрезвычайные судьи, Звездная палата и Верховная комиссия, были упразднены. Весною 1641 года в нижней палате почти единогласно прошел билль об удалении епископов из верхней палаты. Так решительно начал долгий парламент ликвидацию абсолютистского режима Тюдоров и Стюартов, причем последнее из приведенных действий указывает пуританский дух, царивший в палате общин.

Карл I в начале долгого парламента растерялся, даже упал духом, не стал принимать никаких мер против оппозиции и пошел на всякие уступки с затаенною

мыслью взять их обратно при малейшем обороте обстоятельств в более благоприятную сторону. В политике он, нравственно щепетильный в других отношениях, допускал нарушение данных, в особенности вынужденных обещаний, считая себя, как король, господином своего слова, ничем не обязывающего его перед подданными. Страффорд не думал сдаваться. Он считал себя для короля полезнее в Ирландии, где уже образовалась армия, которая могла бы подавить всякую оппозицию в Англии, но Карл предпочел удерживать его при себе в Лондоне, дав ему обещание, потом не исполненное, что ни один волос не падет с его головы. Обещал ли это Карл I с верою в полную возможность исполнения, что всего вероятнее, или уже заранее обрек своего верного слугу, что едва ли допустимо, во всяком случае Страффорд им был принесен в жертву политической необходимости, как уступал ей Карл II в своем согласии на трехгодичный акт, слишком шедший в разрез со всей его политикой. С своей стороны Страффорд готовился к борьбе, сам думая возбудить преследование против членов палаты, находившихся, по его сведениям, в изменнических сношениях с шотландцами. Приказ палаты лордов об

его аресте предупредил задуманный им ход.

Процесс Страффорда происходил в конце марта и начале апреля 1641 года, причем главную роль в возбуждении преследования против него играли Пим, Гемпден и Вел. Английский конституционный принцип, признавая безответственность и неприкосновенность монарха, как лица, «неспособного совершить неправду», возлагал ответственность за правительственные нарушения законов на лиц, подающих королю «дурные советы». Как дурной советник, Страффорд и был нижнею палатою привлечен к суду и судим верхнею палатою. Он искусно защищался, прося указать определенные статуты парламента, под которые могли бы быть подведены ставимые ему в вину действия, но у парламента в руках был способ судить и на основании вновь созданного закона с приданием ему обратной силы. В своем месте уже говорилось об этом способе, получившем название билля об опале (билль оф аттэндер), и пускавшемся в ход в эпоху войны двух роз. Как нарочно, среди парламентских статутов не было ни одного, который яено мог бы быть выставлен против Страффорда, и суд над ним состоялся чрезвычайным, законодательным

порядком «библия оф аттэндер». В вину Страффорду были поставлены действия, имевшие целью перемену государственного строя. Верхняя палата приговорила Страффорда к смертной казни, но приговор должен был быть еще утвержден королем. Карл I сначала отказал в этом утверждении, пользуясь своим монархическим правом помилования, которое им же самим в двадцатых годах было применено к Бэкону, но через несколько дней уступил настояниям королевы, женщины страстной, властолюбивой, не любившей, как и многие при дворе, высокомерного и жесткого министра. Она убедила мужа в том, что было бы безрассудно, спасая жизнь Страффорда, губить самих себя. Она советовала Карлу I бороться при помощи военной силы, а пока усыплять бдительность врагов, делая им уступки. Карл I после некоторого колебания нарушил свое слово и утвердил смертный приговор. Между тем Страффорд, уже полгода сидевший в тюрьме, полагался на обещание короля. Когда ему принесли известие об утверждении королем приговора, он встретил его библейским текстом: «не надейтесь на сынов человеческих и на князей людских, ибо в них нет спасения». Казнь Страффорда, совершившаяся в мае

1641 года, вызвала в Англии большое ликование: ненависть к нему была всеобщей и искренней.

Так кончилась историческая роль государственного деятеля, который хотел быть для Англии тем же, чем был Ришелье для Франции. Знаменитый кардинал, организатор абсолютного правления в своем отечестве, умер в следующем году в полном обладании властью и почетом. Но во Франции не было парламента, не было традиции свободы, не было людей в уровень членам долгого парламента, а главное, это то, что во Франции борьба с абсолютизмом была против государственности и закона, в Англии же это была борьба как-раз за закономерную и свободную государственность. Во всяком случае, однако, Англия переживала серьезный политический кризис, и если бы опасность утверждения в ней абсолютизма осуществилась, Страффорд в истории своей страны получил бы то же самое значение, какое принадлежит в истории Франции Ришелье.

Казнь Страффорда была не последней уступкой, сделанной Карлом I требованиям долгого парламента, как своего рода политической необходимости, с которою приходилось до поры, до времени считаться в

надежде, что потом все будет взято назад, кроме, конечно, головы Страффорда, которого Карл I пожертвовал безвозвратно, тем самым запятнав свою честь и взяв грех на свою совесть. Двоедушная, лицемерная, коварная политика потом была причиною и его собственной гибели.

Правильно понятая политическая необходимость требовала бы, чтобы Карл I, пошедший на уступки, сделал еще одну. В английском парламенте еще в средние века не раз добивались того, чтобы король брал в свои советники людей, угодных парламенту. Теперь опять весьма естественно возродилась эта мысль (осуществившаяся через сто лет), и даже шли переговоры о назначении на главные государственные должности парламентских вождей, причем в новом министерстве предполагалось участие Пима. Одним словом, была возможность образования парламентского министерства, которое, представляя собою большинство представительного собрания, в то же время с ответственностью перед ним пользовалось бы с согласия короля правами, составлявшими содержание его прерогативы. Эта комбинация, однако, не состоялась и, главным образом, повидимому вследствие взаимного недоверия обеих сторон. Карл I,

как-раз в это время уступивший не доверявшему ему парламенту право не быть распущенным без собственного согласия, не хотел доверить людям, на которых смотрел, как на своих врагов, пользование властью, дававшееся занятием коронных должностей.

Карл I уступил парламенту и в шотландском деле. Пуритане не могли не сочувствовать соседней нации, возмущившейся против произвольной политики Лоуда. Военные действия прекратились, и Карл I поехал в шотландскую столицу для того, чтобы лично ликвидировать дело. Эта поездка имела роковое значение, потому что король вернулся из нее с боевым настроением. Не даром путешествие Карла в Эдинбург было неприятно парламентским вождям, но цель была серьезная. Парламенту даже пришлось согласиться на отсрочку своих заседаний на все время отсутствия Карла I из Лондона, совсем же прекратить свою деятельность вожди оппозиции считали опасным. Поэтому парламент образовал две комиссии, из которых одна должна была остаться в Лондоне для наблюдения за положением дел, другая — сопровождать короля в Эдинбург, конечно, тоже, в сущности, для наблюдения за ним. Весьма естественно, что

во главе этих комиссий были поставлены Пим и Гемпден, первый в Лондоне, второй в Шотландии. Оба находились в сношениях между собою. Гемпден извещал Пима обо всем, что узнавал о намерениях и действиях короля, а сообщения эти были такого свойства, что не внушали Пиму доверия к Карлу. Король пошел в Шотландии на всякие уступки, но под неперемennem условием, чтобы шотландцы никоим образом не вмешивались во внутренние дела Англии. Предусмотрительный Пим уже тогда начал набирать милицию для защиты парламента. В этом он нашел содействие со стороны графа Эссекса. Этот лорд был сыном фаворита королевы Елизаветы, казненного за попытку восстания против нее, когда его сыну было только десять лет. Царков I восстановил мальчика в его правах, но молодой лорд оказался защитником прав парламента, и между прочим он был в числе тех двенадцати лордов, которые в 1640 году подавали королю петицию о созыве нового парламента, составленную Пимом. Это был человек военный, и его-то Пим привлек к образованию охранной милиции, сделавшейся потом парламентской армией.

В этот момент положение дел осложнилось восстанием в Ирландии. Здесь тоже

было недовольство Страффордом, королевским наместником в ней, который между прочим в одной из ее провинций отобрал у жителей половину земель для английских колонистов. Страффорд поддерживал свое владычество в Ирландии террористическими мерами, но когда его не стало, на острове вспыхнуло восстание против англичан, сопровождавшееся истреблением в стране всех протестантов, как насчитывали, в количестве полусотни тысяч. Восстание, таким образом, приняло католический, но в то же время роялистический характер.

Шотландская война кончилась, началась ирландская. В Англии к первой относились несочувственно, вторую нельзя было не принять. Шотландцы в религии и в политике защищали дело, которому в Англии сочувствовали, ирландцы поднялись под знаменем паннизма и королевской прерогативы. Приходилось воевать. Но для войны нужна была армия, а армия всегда была в верховном распоряжении короля. Но возникал вопрос: можно ли доверить вооруженную силу королю, который способен нарушать данные обещания, как это было с «Петицией о праве», и не было ли опасности в том, что английская армия пойдет не на борьбу с ирландской, а на соединение с нею? До постановки

обстоятельствами этого вопроса в парламенте царило единодушие, и даже предложение об ограничении королевского права распустить данный парламент или отерочивать его заседания вышло из среды будущих защитников королевской прерогативы. Но с конца 1641 года в парламенте образовалась группа, которая нашла, что сделанных приобретений достаточно и новых не нужно, тогда как другие находили, что нужны новые гарантии. Вопрос о положении армии сделался предметом разногласия, и вот одно предложение Пима послужило поводом разделения палаты общин на две партии. Оно заключалось в подаче королю, под видом петиции, особого адреса, названного «великой ремонстранцией», где были бы перечислены все большие злоупотребления властью и новые затруднения, встречаемые парламентом. Ремонстранция получала характер апелляции к народу в виду желания Пима придать всему делу наибольшую гласность. Ему возражали, что это было бы лишним, что гарантий дано довольно и т. п. Но большинство, хотя и незначительным перевесом голосов, приняло предложение Пима. Ремонстранция была составлена и подана Карлу I, принявшему ее холодно. Это было по возвращении его из Шотландии, откуда

он приехал с более боевым настроением. На обратном пути народ, довольный прекращением войны, встречал его радостно, а он это истолковал в свою пользу. Вот к тому моменту, декабрю 1641 года, и нужно отнести образование в парламенте двух партий—королевской и парламентской. Позднее им были присвоены клички, возникшие в другой среде. В населении Лондона происходили волнения, вызванные несогласием верхней палаты на билль об исключении из нее епископов, и по поводу этих волнений происходили перебранки между военными и народом, в котором было много пуритан. Военные обзывали простолюдинов, коротко стрижших свои волосы, «круглоголовыми» (модой джентельменов было носить очень длинные волосы), а те их—«кавалерами». Роялисты были защитниками королевской прерогативы, что не значило еще желанья абсолютизма, сторонники парламента стремились к расширению его прав, что тоже не было равносильно республиканизму. Здесь было два толкования английской конституции: одно с консервативным ее пониманием, другое с более широким и новым. Линия разделения в религиозном отношении шла между двумя вероисповеданиями: кавалеры были сынами англиканской церкви, круглоголовые—пурит

танами. Когда между королем и парламентом произошел разрыв, это разделение двух партий еще более обострилось—до взрыва гражданской войны.

Повод к разрыву был дан королем. Именно, Карл I задумал расправиться с вождями оппозиции в обеих палатах, арестовав в палате общин пятерых наиболее видных членов, а в палате лордов одного. Этими членами были, конечно, прежде всего, Пим и Гемпден, которые хорошо были известны Карлу I, как наиболее упорные противники его политики. Другие трое и лорд были лицами менее значительными. Так как у дверей парламента начались стычки между военными и народною толпою, парламент просил у короля охраны, но Карл I отказывал ему в этой просьбе, обещая, однако, «честью короля» свою защиту, вместо которой послал парламенту требование выдать ему таких-то и таких-то лиц. Палата общин ответила, что принимает во внимание требование государя, и снова просила дать ей стражу. «Я дам на это ответ завтра», заявил Карл I и на другой день, 4 января 1642 года, утром лично отправился в парламент произвести арест. На этот шаг его подбила королева, прощаясь с которою он обещал вернуться через час полным госпо-

дном своего королевства. За ним последовала толпа кавалеров, но в залу заседаний он вошел только в сопровождении своего племянника, пфальцского курфюрста. Когда в палате сделалось известным приближение короля, она приказала пятерым членам уйти. Явившись в залу, Карл I попросил спикера, как называют в Англии председателя палаты («спикер» значит «говорун»; «оратор»), очистить для него свое место и, начав с него говорить, очень был смущен тем, что, обводя глазами собрание, не нашел в нем Пима. Быстро оправившись, он обратился к палате с упреком, что она не выдала ему лиц, которых он обвиняет в измене, и спросил, не находится ли здесь кто-нибудь из этих лиц. Все молчали, и среди этого молчания король не один раз повторил: «они должны быть у меня, где бы ни находились». Так как все продолжали молчать, он прямо наконец спросил: «Здесь ли господин Пим?» И на это никто не дал ответа, что заставило короля непосредственно обратиться к спикеру с вопросом, здесь ли пятеро. Спикер стал перед королем на колена и отвечал, что у него здесь нет ни глаз, ни ушей ни для чего, кроме того, что ему прикажет палата. «Хорошо, с раздражением сказал король, но мои глаза несколько не хуже других. Я вижу,

что птицы улетели, но я подожду, думая, что вы мне их пришлете, а не то я поищу их сам». Пять членов скрылись в городе, но никто не подумал их искать, несмотря на королевские приказы и прокламацию, объявлявшую их изменниками. Когда король на другой день ехал по улице, ему пришлось слышать возгласы: «привилегия! привилегия!» Мало того, менее, чем через неделю Ним, Гемидей и их товарищи с триумфом вернулись на свои места, под охраною народа. Карл I не мог вынести такого унижения и покинул Лондон, уехав в Виндзор и далее на север. Королева из Дувра отправилась на материк с коронными драгоценностями закупать все нужное для войны, в то время, как палата приняла меры для охраны больших арсеналов, имевшихся в Англии. Пиму удалось подействовать на лордов, давших согласие на исключение епископов, последний билль, бывший утвержденным королем. Но он не согласился на билль о милиции, отдававший военную власть в каждом графстве людям, преданным парламенту.

Обе стороны, готовясь к борьбе, сошли с легальной почвы: король, начав собирать войско без согласия парламента, парламент, делая то же самое без короля. В Гулле, где Карл лично явился в арсенал, его началь-

ник, стоя на коленях и в самых почтительных выражениях, отказался исполнить его требование выдать оружие. Палата вотировала ему одобрение, заставившее роялистических членов обеих палат, 32 пэра и 60 коммонеров, удалиться в Норк, где в это время находился король.

Война началась не сразу. Парламент обратился к королю с рядом условий, принятие которых Карлом должно было разрешить конфликт. Король, по этим требованиям парламента, должен был брать себе советников не иначе, как по указанию парламента, и ничего не предпринимать без их согласия, — требование не раз и в середине века предъявлявшееся парламентом королю. С одобрения же парламента должен был назначать на высшие государственные должности и возводить в звание пэра, и под контролем палат должны были находиться браки в королевской семье и воспитание принцев, равно как созыв милиций; наконец, требовались и церковные реформы в пуританском духе. «Если бы я согласился на эти ваши требования, ответил Карл, я превратился бы в призрачного только короля». Невозможность примирения была очевидной. Тогда был создан комитет общественной безопасности, наиболее влиятельными членами ко-

торого были Пим и Гемиден, и который в середине июля 1642 г. постановил собрать под начальством графа Эссекса армию «для защиты короля и парламента», чтобы тем или иным образом «освободить короля от злокозненных советников и возвратить его парламенту». Начиналась война в действительности против короля, фиктивно же, наоборот, за короля. Первые сражения произошли в октябре.

VIII. Три года гражданской войны.

Смерть Гемидена и Пима и «ковенант» с Шотландией. — Территориальное и социальное разделение Англии в это время. — Характерные черты этого междоусобия. — Общий взгляд на ход войны. — Тактика парламентских генералов. — Поражение Карла I при Нэзби и его следствие. — Раскол между пресвитерианами и индепендентами. — Установление пресвитерианства в Англии. — «Ордоннанс о самоотречении». — Реорганизация армии. — Её устройство после Нэзби.

Если бы осуществились парламентские требования 1642 года, Англия на целые сто лет раньше перешла бы к парламентарному кабинету министров, но Пим слишком далеко заглянул в будущее. Ему не суждено было дожить до окончания войны, как и Гемидену, тяжело раненому на войне. Оба они скончались в 1643 году, т. е. в начале гражданской войны, выдвинувшей других

людей и впереди всех, хотя и не сразу, Оливера Кромвеля. Последним важным делом Пима был «ковепант» с Шотландией, в силу которого Англия должна была организовать свою церковь по-пресвитериански и даже содействовать приведению всех трех королевств (т. е. и Ирландии) к «единству веры». Переговоры с шотландцами велись преимущественно Веном, не бывшим, однако, таким исключительным пресвитерианином, тогда как и Гемпден и Пим очень сочувствовали шотландскому церковному устройству.

Союз с Шотландией усиливал положение парламента. Если посмотреть на историческую карту, на которой Англия представлена разделенною во время междоусобия сороковых годов XVII в. на королевскую и парламентскую части, то мы увидим, что линия разделения, очень извилистая, в общем проходила в направлении с юго-запада на северо-восток, так что юго-восточная часть, парламентская, была отделена от Шотландии северо-западною, роялистическою, но зато последняя как-раз имела у себя в тылу шотландцев. В обеих областях были одинаковые общественные элементы, но в разных пропорциях и комбинациях. В роялистической части преобладали знатные фамилии, самые крупные земельные

собственники, а народные нравы были более патриархальными, тогда как в парламентской части большую роль играли джентри и купечество, и народная масса не была такой отсталой. Консервативными силами Англии были католики, многочисленные в Уэльсе, «высокая церковь», т. е. высшее англиканское духовенство, университеты, особенно Оксфордский, сохранивший еще средневековый строй; все сыны англиканской церкви тяготели к роялизму. Любопытно, что сочувствовали ему драматические писатели, содержатели театров, актеры, балаганные увеселители и т. п., к которым пуритане относились враждебно, как к людям погибшим и развращающим других. Все более развитые и образованные люди были более или менее пуританами, но среди них немало было и фанатиков, не уступавших панистам. Гражданская война Англии была борьбою и социальных интересов, и политических и социальных принципов. Обе стороны сначала были одушевлены чувством долга, и если кавалерам честь не позволяла многих действий на войне, то и круглоголовые многое считали недопустимым для своей совести, хотя с течением времени с обеих сторон все-таки стали совершаться деяния, противные и чести, и совести. Впрочем, в об-

щем, некоторые сдержки действовали. Интересно, что собственно народная масса этим междоусобием правящих классов была затронута чрезвычайно мало, и как-раз в эту эпоху в Англии не было народных бунтов с резней, с кровью. Мало того: местами жители, утомленные междоусобием, устраивали у себя нечто вроде вооруженного нейтралитета, чтобы не пускать к себе вооруженные отряды, все равно какие, безразлично и кавалеров, и круглоголовых.

Рассказ о перипетиях этой войны не входит в нашу задачу. Сначала перевес был на стороне короля, армия которого была лучше обучена, тогда как парламентская была довольно-таки плохая. Притом Карлу I помогали и ирландцы. Первая большая битва произошла только во второй половине октября в 1642 г. при Эджилле, где парламентское войско потерпело поражение. Были и потом некоторые еще успехи у роялистов, но скоро победа стала склоняться на сторону парламента, особенно когда организовалась новая сила — индепендентская армия Кромвеля, о которой речь впереди. В 1644 году, сначала при Мэрстон-Муре в июле, потом при Ньюбери в октябре парламентское войско имело значительный успех. В первой из этих битв необычайно отличился «железнобок» Кром-

веля, как их называли за необычайную стойкость. «Бог, писал он на другой день, предал их нашим мечам, как соломому жнецам». Правда, потом и у Карла I был один значительный успех, но если бы при Ньюбери главный начальник лорд Манчестер позволил Кромвелю преследовать разбитого неприятеля, эта битва могла быть решительной победой.

Дело заключалось в том, что парламентские полководцы прямо боялись полной победы над королем. Граф Эссекс с самого начала войны держался такой тактики, чтобы заставить Карла подчиниться не решительным разгромом его войска, а простыми военными демонстрациями. Часто бездействие и медлительность Эссекса очень много помогали Карлу I. Другой военачальник, Манчестер, которому был подчинен Кромвель, держался такого же образа действий. Эти генералы, ведшие войну фактически против короля, сохраняли фикцию войны за короля, но они не знали, что им пришлось бы делать, если бы, например, он им попал в плен. Их целью было не победить Карла I, а как-нибудь только принудить его сделаться более сговорчивым. «Если бы, говорил Манчестер, король был разбит, он все-таки остался бы королем, а вот если он нас разо-

бьет, то всех нас, как разбойников, перевешает». Кромвель думал иначе и говорил, что встретить он сам короля в сражении, то стал бы в него стрелять, как в кого бы то ни было. Мы еще увидим, что весной 1645 года Кромвель, поддерживаемый Веном, добился отставки прежних генералов и замены их сэром Томасом Ферфаксом, человеком очень энергичным, за которым, в сущности, стоял он сам. После битвы при Ньюбери возобновились-было переговоры между королем и парламентом, но из них опять-таки ничего не вышло. В середине июля 1645 года, через три года после того, как Пим и Гемпден начали организовать парламентскую армию, при Нэзби Ферфакс и Кромвель на голову разбили армию короля, овладели ее артиллерией и багажом, и даже бумаги Карла I попали в руки победителей. Война, в сущности, была окончена; добить отдельные отряды не представляло большого труда. Бумаги, захваченные при Нэзби, доказали, что Карл I был в сношении и союзе с ирландскими католиками еще ранее начала военных действий. Тем не менее с ним были возобновлены переговоры, что не помешало ему весной 1646 года отправиться в шотландский лагерь, взглянувший на него как на пленника, и в январе

1647 года выдавший его английскому парламенту.

Но как-раз в это время, после победы при Нэзби, в самой Англии начался раскол среди пуритан, разделившихся на пресвитериан, которые в силу кovenанта с Шотландией вводили в Англии единоверие со своими союзниками, и индепендентов, отстаивавших принцип религиозной свободы. Потом вышло так, что за пресвитерианизм стоял парламент, армия же сделалась оплотом индепендентства. Английская революция вступала в новую фазу. Жизнь ставила вопросы, совсем не имевшиеся в виду в начале междоусобной войны.

Введение пресвитерианства в Англии, как новой формы ее церковного устройства, было делом политических соображений. Парламенту было очень важно иметь на своей стороне Шотландию, шотландцам — поддержку Англии. В английском парламенте было много пуритан, враждебно относившихся к высокой церкви. Это неприязненное отношение проявилось в виде устранения епископов из палаты лордов, а когда обнаружилось, что епископы — за короля, равно как и многие из высшего духовенства, началось их изгнание из епархий и приходов. Естественно возникала мысль о замене

епископального строя пресвитерианским, подобным шотландскому, на чем особенно и настаивал Гемпден. Пим, бывший умеренным епископалом, сначала был против этого, но потом уступил, и при заключении договора с Шотландией проведен был принцип единоверия обеих стран, так что и Пим перешел на ту же самую точку зрения. Вместе с комиссией богословов парламент занялся реформой английской церкви на новых началах, и в ряде ординасов утвердил предположения пуританских духовных лиц. В Англии была установлена новая государственная церковь, как за сто лет перед тем в стране установилась новая церковь волею короля пользовавшегося парламентом при этом, как орудием своей власти. Но и теперь, как и тогда, в Англии были люди, не хотевшие признавать происшедшей перемены, и вот эти-то люди были особенно многочисленны в войске.

Торжество пресвитерианства в парламенте привело к казни Лоуда. Бывший архиепископ кэнтерберийский был ненавистен пуританам не менее Страффорда, и так что через четыре года после казни этого последнего и к Лоуду был применен «билль оф аттэндер», отправивший его на эшафот. Так решительно поступив в церковном вопросе,

пресвитериане были менее последовательны в политическом отношении. Они продолжали упорно держаться фикции, что ведут войну «за короля, королевство и парламент». Мы видели, как это отражалось на тактике парламентских генералов, хотевших только, тесня короля, заставить его вступить в переговоры о мире. Это был взгляд на значение войны, совершенно не разделявшийся Кромвелем, который сам занял выдающееся положение в армии. Мы еще увидим, благодаря чему он выдвинулся вперед на военном поприще, а здесь отметим только, что его успехи создали ему и авторитетное положение в палате общин. При Ньюбери Манчестер мешал Кромвелю добить короля, после чего Кромвель стал критиковать в парламенте прежний способ ведения войны. Он указывал на то, что военные по профессии просто хотят затягивать войну и даже прямо боятся победить. Он настаивал, далее, на необходимости полной реорганизации армии, началом которой должна была быть перемена командного состава. Кромвель и Вей немедленно внесли в палату билль, принятый ею не сразу и получивший потом название ордонанса о самоотречении: совмещение гражданских и военных должностей с званием члена парламента должно было

впредь недопустимым. Сначала обе палаты упорно не соглашались на такой разрыв связи между парламентом и армией, но общественное мнение в пользу билля сказывалось с такою пастойчивостью и силой, что он в начале апреля 1645 года и прошел. Новый главнокомандующий, Ферфэкс, приступил к реорганизации армии по «новому образцу», созданному Кромвелем в находившейся под его командой бригаде «железнобоких». Особенностью этой бригады было то, что в ней участвовали люди разных религиозных убеждений, а это совершенно шло в разрез с пресвитерианством, как обязательной государственной религией. Самому инициатору «самоотречения» и «нового образца» палата разрешила сохранить командование на некоторое время, которое Кромвель и использовал, чтобы помочь Ферфэксу при Нэзби. В этом сражении главный начальник начал было отступление, но в решительный момент натиск железнобоких превратил битву с сомнительным исходом в полную победу, доставившую Кромвелю большую славу и тем еще более поднявшую его значение и в армии, и в парламенте.

Война была окончена. Армия могла быть распущена, чего теперь парламент особенно желал, видя, что пока существует такая

армия, где находятся люди разных сект, не может быть проведено вероисповедное единообразие. Но армия не обнаруживала охоты разойтись по домам, хотя ей не было заплачено жалования за целый год и людям пришлось содержать себя на свой собственный счет. Явившиеся в палату общины делегаты армии заявили, что они, «ставши солдатами, не перестали быть гражданами» и разойдутся по домам лишь тогда, когда будет обеспечена свобода совести.

IX. Индепендентская армия.

Кромвель в два первые года долгого парламента.—Противники пресвитерианства.—Развитие в Англии сектантства.—Что такое индепендентство?—«Железнодорожник» Кромвеля.—Его терпимость.—Ферфэкс во главе армии.—Характер индепендентского войска.—Политическое ее настроение.—Тревога в лагере пресвитериан.—Значение выдачи Карла I шотландцами англичанам.—

Армия «нового образца», победившая Карла I, была созданием Кромвеля, который впоследствии сделался и ее вождем. В первые два года долгого парламента он не играл значительной роли в политике, в которую его посвящал двоюродный брат его, Гемпден. Близкие родственники, они были, однако, людьми разных устремлений. Два раза в прежнее время, в 1627 и 1637 годах, Гемп-

ден выступал, как противник королевского произвола в обложении подданных, в то время как Кромвель больше интересовался религиозными вопросами и молитвенными собраниями. Гемпден, в значительной мере по политическим соображениям, стоял за введение в Англии шотландского пресвитерианского устройства церкви, Кромвель сделался противником религиозного единообразия, примкнувши к сектантскому движению. Разно оба понимали связь политики и религии: у Гемпдена впереди шли интересы политики, орудием которой и должна была быть религия, у Кромвеля на первом плане стояла в эти годы религия, с требованиями которой должна была сообразоваться политика, но не в смысле подчинения государства церкви, а в смысле такого государственного порядка, при котором могла бы существовать свобода совести.

Не один Кромвель среди образованных людей Англии стояли на точке зрения религиозной свободы и выступили противниками узкого и нетерпимого пресвитерианства. Один из таких противников был Генри Вен, талантливо защищавший в своих писаниях ту идею, что один только Иисус Христос, освободивший человечество от порабощения грехом, может быть господином чело-

веческой совести. Мильтон тоже стал на точку зрения индивидуальной свободы в делах веры. Противник епископальной церкви, он не сделался сторонником пресвитерианской, находя, что «пресвитер» значит то же самое, что и «епископ», что это одно и то же слово, различным образом только написанное. Когда пресвитерианский парламент установил в Англии строгую духовную цензуру, Мильтон в защиту свободного выражения мнений написал свою знаменитую «Ареопагитику» с аргументами против принятого пресвитерианами стеснения свободной мысли.

В первой половине XVII века сектантство, впервые заявившее о своем существовании в конце царствования Елизаветы, стало быстро развиваться в Англии. Всех протестантских «нонконформистов», не признававших «акта единообразия», но и между собою несогласных в вере, т. е. «диссидентов» (по-английски диссептеров) покрывали общим названием «пуритан». Если власти преследовали пуританизм, то внутри ничто не стесняло его свободного развития. До ковенанта с Шотландией он не имел единой организации, но когда парламент в силу этого договора начал навязывать пуританизму формы шотландского пресвитерианизма, им не захотели подчиниться не только

более равнодушные к вере, которым не нравился дух мелочного фанатизма кальвинистической церковной дисциплины (поход против увеселений, театральных зрелищ и т. п.), но еще больше сектанты, сами, однако, охотно принимавшие меры против греховного препровождения времени. При отсутствии в пуританизме организации успели в нем к сороковым годам организовать разные секты, которые не хотели подчиняться ничему навязывавшемуся извне.

Сектантство резко отличалось от других вероисповеданий, существовавших в Англии. Католики, поскольку они считали главою церкви папу, обозначались противниками как паписты. Англиканская церковь, находившаяся под властью короля, имела епископальную организацию, которую парламент в 1644 г. заменил другою, пресвитерианскою с особыми учреждениями, пресвитериями, во главе отдельных общин. Секты не признавали никакой общей, национальной, государственной организации культа, никакой церкви, никакой духовной власти, были ли то папа, епископы, пресвитерии, стояли за независимость отдельных религиозных общин, откуда и пошли названия «индепендентов», т. е. независимых и «конгрегационистов», членов самостоятельных конгрегаций, сообществ, собра-

ний, сходок. Над отдельными такими конгрегациями не существовало никакой высшей духовной власти в национальном масштабе. Указанные названия приурочивались к отдельным сектам, но индепендентством стали называть и все секты,

Итак, индепендентство было отрицанием какой-бы то ни было общей организации культа, признанием полной автономии общин религиозных единомышленников, в которые никого насильно нельзя было загонять и в которых никого против воли нельзя было держать. Далее, не только у католиков и в англиканской церкви с их представлениями о благодати священства, но и у пресвитериан были постоянные предстоятели богослужебных собраний, но у сектантов каждому было вольно проповедывать или руководить общественной молитвою, тем более, что и в культе не полагалось никакой установленной обрядности, никаких требников: индивидуальному вдохновению предоставлялся полный простор. Мало того, среди индепендентов стали появляться отдельные проповедники, которые принимали свои религиозные переживания за нечто свыше, за духовное озарение божественным светом, за внутреннее откровение, равносильное внешнему, т. е. св. писанию. Сектантами

часто овладевал экстаз: они молились со слезами и с истерическими выкрикиваниями, с конвульсивными содроганиями (от которых получили свое прозвание «квакеры», т. е. трясушки) и т. п. Среди индепендентов было много проповедников грядущего царства божия с социальными обещаниями, о чем речь будет идти в другом месте.

Социальною средою, в которой распространялось индепендентство, была народная масса, в городах хозяева ремесленных мастерских и их подмастерья, лавочники с их приказчиками, портовые рабочие и т. п., в деревнях мелкие сельские хозяева, фермеры. Все эти люди были за парламент и охотно шли в армию по убеждению в правоте борьбы с королем и с епископами. Из этих-то элементов и образовалась победоносная армия круглоголовых.

Инициатором набора войска из индепендентов был Кромвель. Первоначальная парламентская армия состояла из разного сброда, но в ее составе скоро выделились два полка, которые были образованы Кромвелем. Когда началась гражданская война, он со своим старшим сыном Ричардом, совсем еще юношей, пошел сражаться за дело свободы, взяв на себя и значительные, по его состоянию, издержки для образования под своею коман-

дою крупного полка из людей по своему выбору. Человек, сохранивший в парламенте облик деревенской простоты, одевавшийся в простой суконный кафтан плохого изготовления, носивший под ним грубое белье, которое не всегда было чистым, даже не имевший на шляпе ленты, как все это было отмечено одним королевским придворным, он легко сближался с простыми людьми и приобретал их доверие. Принимал он в свой первоначальный полк только людей с хорошей репутацией, богобоязненных, благочестивых, причем с самого начала смотрел, чтобы среди солдат не было ни пьянства, ни руготни, ни других пороков солдатчины. Ему нужны люди убеждения, люди долга, и он не обращал внимания на социальное положение тех, кому поручал офицерские должности. Раз к нему не шли знатные и богатые, он назначал в командиры всех, в ком обнаруживал способности, добросовестность и благочестие, не разбирая, какой он веры среди многочисленных сект, плодившихся в эти годы в Англии. Потом образовался и другой полк такого же рода, целая бригада. Очень скоро войны Кромвеля себя показали, вполне заслужив название «железпобоких». Этот демократизм Кромвеля не был, однако, безусловным. В нем самом все-таки был «джентельмен», чело-

век известного класса, сквайр, который в других вещах готов был не поступаться привилегиями своего класса, как то впоследствии и обнаружилось, но в военном деле он не разбирал, кто какого звания. «Я предпочитаю, говорил он, иметь простого, одетого в холщевый казакки капитана, знающего, за что дерется, и любящего то, за что дерется, нежели человека, которого зовут джентельменом и у которого сверх того ничего нет», хотя сейчас же прибавлял: «а тем не менее джентельменов я все-таки уважаю».

Не разделяя сам сектантских верований, стоя, пожалуй, ближе к догматам пресвитерианства, Кромвель, прежде всего, был человеком веротерпимым, уважавшим чужие убеждения. Пресвитерианские друзья Кромвеля приходили в ужас от того, что он держал у себя анабаптистов и других опасных мечтателей, но он защищал своих «прекрасных людей». Вот что значил тот «новый образец», по которому была реорганизована вся армия после принятия парламентом, по инициативе Кромвеля и Вена, билля о самоотречении. Мы видели, что во главе армии был поставлен Ферфэкс, которому было только тридцать три года и который, будучи ставленником Кромвеля, подчинился его влиянию. После поражения

Карла I при Нэзби Ферфэкс был настоящим военным властелином, но на него оказывала постоянное давление армия, которая сама находилась под преобладающим влиянием Кромвеля. Ее и можно потому называть индепендентской армией и армией Кромвеля еще раньше, чем он формально сделался ее главным начальником.

В конце концов, получилась необычайная армия, состоявшая из убежденных до фанатизма сектантов, проникнутых мистическим духом и моральным ригоризмом. С самой строгою дисциплиною в ней была соединена вне строя величайшая свобода для образования религиозных и политических общений, не разрушавших собственно военной организации. Полевые проповедники, поучавшие своих начальников, и настоящие демагоги, ставившие армии свои политические цели, беспрекословно исполняли все требования воинской дисциплины на учениях, при занятии караульных постов, во время переходов и битв. С одной стороны, строжайшая дисциплина делала эту армию превосходным орудием мысли полководца, с другой, это орудие было полно энтузиазма. Молясь со слезами и рыданиями, проповедуя до обмороков и нервных припадков, наиболее видные представители индепен-

дептов овладевали собою и точно исполняли приказания. Они считали себя избранным народом Божиим, исповедующим высшую в мире волю, «святыми», и в своих проповедях подражали ветхозаветным пророкам...

Понятно, что армия такого рода не могла не сделаться политической партией, которая расходилась с пресвитерианским парламентом по вопросу о церковном единообразии. В миросозерцании индепендентов с кальвинистским догматом о предопределении избранных к вечному спасению соединялось библейское представление об избранном народе, имеющем миссию бороться с заблуждением и нечестием. Мало-по-малу принцип самоопределения общинной жизни в религиозном отношении и участие в армейских комитетах подготовили почву для развития в армии республиканских представлений. Пресвитерианское большинство палаты и шотландские комиссары были очень встревожены духом, царившим в армии. Пресвитериане даже возобновили за несколько времени до битвы при Незби переговоры с королем, чтобы избавиться от грозной силы, какую представляла собой индепендентская армия. Кромвель доказывал парламенту, что люди, рискуя жизнью за свободу родины, должны сами пользоваться свободой совести,

и что безрассудно отказывать всему населению в том равноправии между пресвитерианами и индепендентами, которое установилось в армии. Генри Вен и некоторые другие члены парламента добивались того же, и если пресвитериане не решались прибегать к слишком суровым мерам против диссидентов, то лишь из-за страха перед армией.

Слухи о трениях, происходивших между пресвитерианами и индепендентами, доходили до короля, который стал надеяться, что раздоры среди его врагов только пойдут ему на пользу, а потому не оказывал склонности к соглашению. Когда Карл I очутился среди шотландцев, они умоляли его согласиться на новые предложения, шедшие от англичан и заключающиеся в уступке на двадцать лет заведывания армией и флотом парламенту, в исключении из государственной службы роялистов, участвовавших в войне, и в установлении пресвитерианской церкви. Карл I все думал, что он вернется к власти без каких-либо уступок, но расчет его оказался неверным в такой же мере, как и его надежда на шотландцев. Последние, однако, отказывались признавать его своим королем за его нежелание присягнуть ковенанту с Англией, и они выдали Карла I английскому парламенту, расчиты-

вавшему, что, получив короля в свое распоряжение, они будут в состоянии распустить армию. Сделка парламента с Шотландией состояла в том, что парламент уплатил ей чetyреста тысяч фунтов стерлингов в виде вознаграждения за военные издержки в интересах Англии, но, в сущности, Карл I был продан Шотландией Англии за означенную сумму денег.

Так Карл I был окончательно обесцелен. То, чего боялись пресвитерианские генералы, совершилось: король был в плену, но теперь на это пресвитериане смотрели, как на выгодное для них обстоятельство, позволявшее распустить армию. Только армия, наоборот, не хотела расходиться по домам.

Х. Борьба армии с парламентом.

Судьба и поведение Карла I в плену.—Требования армии в 1647 году.—Начало республиканского движения в армии.—Временная пресвитерианская реакция.—Переход Кромвеля на сторону армии.—Уступчивость пресвитериан в переговорах с Карлом I.—Антимонархическое настроение армии и Прайдова очистка парламента.—Общее заключение о борьбе пресвитерианства и индепендентства.—Джон Лильсбери.

Карл I был выдан шотландцами англичанам в январе 1647 года, а в январе 1649 года по приговору долгого парламента он сложил голову на плахе. В течение этих

двух лет судьба его была такая. В июне 1647 года им завладела армия, но в конце того же года ему удалось бежать на остров Уайт, губернатор которого, однако, отказал ему в убежище, вследствие чего Карл I снова очутился в плену, когда только-что собирался начать вторую гражданскую войну, разыгравшуюся уже без его прямого участия. В конце следующего года Карл I, содержащийся в одном замке на острове Уайте, снова, как за полтора года перед тем, был захвачен военным отрядом и перевезен в другое место. Все это время он вел переговоры с разными сторонами, переговоры и явные, и тайные, надеясь хитростью и дипломатическою ловкостью вынудиться из того положения, в которое он попал. В переговоры с королем вступил и парламент, обнаруживший величайшую уступчивость, лишь бы только представилась возможность отделаться от опасной армии, но и армия начала с ним переговоры, предъявляя Карлу I довольно умеренные условия для возвращения к власти. Карл I в уступчивости своих врагов усматривал доказательство их слабости и все надежды возлагал на то, что эти враги ссорятся между собою. В одном письме к королеве, перехваченном в дороге, он неосторожно раскрыл свои карты, обещая,

что когда вернется к власти, то перевешает всех этих «святош». Когда ведший с ним еще до бегства на остров Уайт переговоры Генри Эйртон, зять Кромвеля, услышал от Карла I такие слова: «вам не обойтись без меня, если я вас не поддержу», то ему совершенно правильно возразил: «вы намерены стать посредником между нами и парламентом, а наше намерение—быть посредниками между парламентом и вашим величеством». Ведя переговоры и с тою, и с другою сторонами, Карл I находился еще в сношениях с английскими роялистами, начавшими восстание с новым шотландским парламентом, которому подавал обещаний, лишь бы он объявил войну Англии, что и было достигнуто, наконец, через других и с ирландцами. Чем более силы забирала армия, которой пришлось опять сражаться с роялистами и даже отражать шотландское нашествие, что отерочивало решительное столкновение пресвитерианского парламента и индепендентской армии, тем более парламент готов был идти на уступки и тем самым только поднимая уверенность Карла I, что в конце победа будет за ним. Многие влиятельные члены парламента, боясь грозивших им политических и религиозных реформ, были теперь на стороне короля. Однако, желание Карла

разыграть роль посредника между двумя партиями ссорившихся между собою его подданных не соответствовало общему положению дел. Бегство Карла I и возбужденная им вторая гражданская война страшно повредили ему в глазах армии, где сразу же заговорили о долге ее «призвать к отпугу Карла Стюарта, этого кровавого человека, за всю им пролитую кровь и за все зло, им причиненное в меру сил, делу божиию и народу этой злосчастной страны». Так проведены были Карлом I 1647 и 1648 годы в английском плену, когда разыгрывался конфликт между парламентом и армией, в котором главным вопросом разногласия был религиозный.

Течение событий в Англии в эти два года было такое. Когда шотландцы выдали Карла I долгом парламенту, господствовавшая в нем партия пресвитериан решила часть армии распустить, другую отправить на усмирение Ирландии, но под начальством пресвитерианских генералов, потребовав от офицеров присоединения к кovenantу и к пресвитерианскому устройству церкви. Армия отказалась повиноваться. Составлявшие ее в значительном количестве фермеры и торговцы, не получавшие несколько месяцев жалования и водержавшие себя на счет соб-

ственных доходов, заявили, что они не янычары и не наемники, которых можно отправить на все четыре стороны, раз надобность в них миновала, что они граждане, пошедшие на войну ради известной цели, которой должны добиться, что они призваны обеспечить свободу совести и улучшить государственное устройство. В этом смысле армия стала делать парламенту представления, на что парламент отвечал объявлением врагами государства и нарушителями общественного спокойствия всех, занимающихся политической и религиозной агитацией. Тогда солдаты каждого полка выбрали по два офицера в особые советы адъютанторов, созвавшие общее войсковое собрание, которое отвергло предложение армии получить жалование и разойтись по домам.

Тогда-то отряд в 500 человек силою сменил парламентскую стражу, охранявшую короля в замке Гольмби (июнь 1647 г.), и армия с Кромвелем, который нашел в ней убежище от обвинения парламентом в подстрекательстве войска к мятежу, двинулась к Лондону. В это время самым влиятельным в армии лицом сделался после Кромвеля его зять, уже названный выше Эйртон. В парламент была отправлена петиция под названием «Смирного представления».

в котором офицеры и солдаты просили лишь двух вещей: веротерпимости с обещанием не мешать устройению пресвитерианской церкви и удалению из парламента одиннадцати членов с Голясом во главе, как ссорящих армию с парламентом и тем готовящих новую гражданскую войну. Парламент уступил, предложив этим членам удалиться, и назначил комиссию для рассмотрения петиции армии. Около того же времени через Эйртона был представлен Карлу I «Акт об устройении», где вместе со всеобщей амнистией требовались выбираемые на три года парламенты, контроль палат, в течение десяти лет, над армией и флотом, замещение важнейших должностей по указанию парламента, реформа выборов, более равномерное распределение налогов, уничтожение всех актов о церковном единообразии и освобождение всех от обязанности посещать общественное богослужение и объявление общей свободы совести и культа. Карл I отверг эти требования, и мы уже видели, какими словами обменялись он и Эйртон. После бегства Карла на остров Уайт настроение армии сделалось более непримиримым.

В населении Лондона преобладало, однако, настроение, враждебное индепендентам,—пресвитерианское. Лондонцы потребо-

важи у парламента скорейшего примирения с королем. Толпа даже ворвалась в заседание палаты общин и заставила вернуть одиннадцать исключенных членов, после чего десятка полтора пэров и с сотню членов палаты общин с Генри Веном бежали в армию, а оставшиеся, к которым присоединились и одиннадцать удаленных, требовали возвращения короля в Лондон. Но, в свою очередь, опять войско вошло в город, водворило в палате бежавших членов и изгнало одиннадцать пресвитерианских вождей (август 1647 г.).

В то время, как Кромвель все еще думал о соглашении с Карлом I, в армии началось республиканское движение, которое Кромвель старался сдерживать, но, противодействуя ему, он в то же время все более и более убеждался, что с королем ни до чего договориться никогда не удастся. Новая гражданская война и нападение шотландцев на Англию привели Кромвеля к той мысли, что пора спасать государство, управляя им одним парламентом. Удаление армии из Лондона для новой войны позволило исключенным вождям пресвитериан снова занять свои места и руководимому ими парламенту принять «ордонанс об ереси и кощунстве», каравший смертною казнию

отрицание троичности бога, божественности Христа, боговдохновенность библии и т. п. и тюрьмою—исповедание свободы воли, существования чистилища и законности крещения младенцев и несогласие признавать правильность пресвитерианской церкви. Пресвитериане надеялись теперь на победу роялистов и поставили ребром вопрос о государственной измене Кромвеля. Хотя сам он стоял ближе к политическим и социальным взглядам своих противников, чем к республиканским и демократическим стремлениям армии, но его с нею сближало требование религиозной свободы, а то обвинение, которое возникло против него в парламенте, заставило его окончательно перейти на сторону армии, в которой он, однако, всячески старался не допустить республиканского взрыва.

В виду того, что в парламент приходили известия о республиканской агитации в армии и что даже ему была доставлена петиция с изложением религиозных и политических требований индепендентов в духе крайне враждебном королевской власти, он спешно примириться с королем. Еще до этой петиции он соглашался, например, на то, чтобы пресвитерианская церковь была введена в Англии только на три года. Карл I оста-

вался непреклонным, что, однако, в парламенте создавало только еще более уступчивое настроение. Иначе дело обстояло в армии. Выстрая ее победа над защитниками и союзниками Карла I подняла ее настроение. Теперь сам Кромвель, совершенно переставший верить в возможность соглашения с королем, написал письмо спикеру палаты общин, в котором советовал приять во внимание желания народа божия. В ноябре 1648 года состоявшийся в Сент-Альбансе под председательством Ферфэкса «великий совет» офицеров принял составленную Эйртопом ремонстранцию, которую в середине этого месяца и представил парламенту. Она требовала новых выборов в парламент, избирательной реформы, признания власти палат во всех делах, замены короля лицом, выбираемым парламентом без права не утверждать решения парламента. Вместе с многочисленными петициями от полков офицерская ремонстранция требовала «суда над главным и великим виновником» всех зол, бед и несчастий, происшедших от войны. Так как около того же времени войско вторично овладело королем, то парламент хотел теперь во что бы то ни стало примириться с королем. Переговоры с ним не прекращались, и хотя никаких существенных усту-

пок со стороны Карла I не последовало, парламент готов был фиктивно признать себя удовлетворенным и голосовать примирение с королем. В начале декабря 140 голосами против 104 условия, предложенные Карлом I, были приняты, но на другой день полковник Прайд со списком членов большинства в руках ожидал их у дверей палаты общины для произведения их арестов и объявления их исключенными по постановлению совета офицеров. Этот эпизод известен под названием Прайдовой очистки парламента. И на следующий день было исключено несколько членов. Это было уже прямое насилие армии над парламентом, которое имело за себя и Вена, и Кромвеля, занявших в палате свои прежние места. Такой сокращенный парламента получил кличку «охвостья» (рём парламента). 1648 год закончился поражением парламента. Он победил короля при помощи индипендентской армии, но сам пал жертвою этой самой армии. Главным вопросом, их разделявшим с самого начала, был вопрос о церковном единообразии и о свободе совести, а потом к нему присоединился и другой — о короле. Сначала и парламента, и армия одинаково вели с ним переговоры, ставили ему свои условия, принятие которых должно было

возвратить ему власть, хотя и с большими ограничениями, чем прежде. Карл I одинаково был и против пресвитерианства, и против индепендентства, равно как и других условий, ставившихся обеими партиями. Пресвитерианский парламент пошел в уступках своих очень далеко, когда армия, наоборот, все менее уступала. Сам Кромвель, первоначально сдерживавший происходившее в армии движение, не стал ему сопротивляться. Его зять Эйртон в этом движении сыграл особенно видную роль, но был в ней еще один человек, шедший в своем радикализме еще дальше.

Человек этот был Джон Лилльбери, который уже в эти годы вносил в индепендентское движение особый демократический радикализм. Происходя из небогатой помещичьей семьи, он поступил в ученики к одному лондонскому богатому коммерсанту, который повлиял на него в пуританском духе. Совсем молодым человеком он уезжал в Голландию, боясь преследования за распространение заграничных нелегальных брошюр, а когда вернулся в 1637 году, то был арестован, подвергнут суду Звездной палаты и ею приговорен к розгам и тюрьме, из которой был выпущен только долгим парламентом. Сидя в тюрьме, он написал трактат о необходи-

мости отделения церкви от государства, — мысль, которая впоследствии привела его в лагерь индепендентов. Как только вспыхнула гражданская война, он поступил в парламентскую армию, был взят роялистами в плен, но, к счастью для себя, был обменен на пленного роялиста, взятого круглоголовыми. Одно время Лильбёрн служил под начальством Кромвеля, к которому относился с большим уважением, пока не стал подозревать его в честолюбивых замыслах. Кромвелю чрезвычайно не нравилась его агитация среди армии в духе политического радикализма, и он уже тогда ей противодействовал. Прошедшая между ними решительная борьба уже относится к первому году республики.

XI. Установление республики.

Новые принципы государственного права Англии. — Суд над Карлом I и его казнь. — Учреждения английской республики. — Внешние и внутренне ее враги. — Левеллеры. — Подавление майского военного мятежа. — Суд над Лильбёрном. — Народное недовольство долгим парламентом. — Вопрос о новых парламентских выборах. — Разгон Кромвелем парламента.

В первый же день 1649 года (или по тогдашнему английскому календарю, начавшемуся с марта, еще 1 января 1648 /

года) остаток палаты общин образовал чрезвычайный суд из ста пятидесяти лиц, в том числе членов обеих палат, законоведов и офицеров, над «Карлом Стюартом, бывшим королем», а 4 числа того же января этою палатою были провозглашены следующие принципы нового государственного права в духе требований армии: источник всякой власти после бога есть народ; верховная власть в нации принадлежит общинам как избранным народным представителям; то, что постановляет палата общин, и есть закон; закон не нуждается в согласии короля и пэров. Сделана была и новая государственная печать с надписью: «в первый год вновь милостью божьей восстановленной свободы». Англия превратилась в республику с принципом народовластия в основе.

Председателем суда над Карлом I был крупный юрист, человек с сильным характером, Джон Брадшо, двоюродный брат Милтона. В числе судей были такие лица, как Кромвель, Эйртон, Лилльбёрн, Прайд и другие знаменитости победившей партии, но некоторые из назначенных в состав суда лиц уклонились от участия в нем; из них нужно отметить Ферфэкса и Генри Вена. 20 января Карл предстал перед судом. Он не хотел признать компетенции этого трибу-

нала над собою и отказался от защиты, а Браншо доказывал противоположное, так что дело свелось к спору подсудимого и председателя суда, ссылавшихся на противоположные публично-правовые принципы монархии и народовластия. Карл I указывал и на отсутствие на суде юридических формальностей, но на это не обратили внимания, хотя все-таки были вызваны свидетели, делавшие показания, и выслушано их было три десятка, вследствие чего процесс затянулся на пять дней. На пятый день Карл был приговорен к смертной казни как «тиран, изменник, убийца и враг государства», а в исполнение приговор был приведен 30 января. В народе было заметно сочувствие к Карлу I как к человеку, судившемуся не по общему праву, а чрезвычайным судом и ведшему себя с достоинством на суде и на эшафоте. Вскоре легенда из монарха, покушавшегося на свободу, сделала страсто-терпца, невинно принявшего мученический венец, каким его представила книга богослова Гаудена «Королевский Образ», приписанная самому Карлу I, будто бы бывшему ее настоящим автором, и вызвавшая возражение Мильтона под названием «Иконоборец». Формально республика была установлена не тотчас же после казни короля. Провозглаше-

ние об уничтожении монархии было произведено только в середине марта, республика «без короля и палаты лордов» объявлена в середине мая.

Законодательная власть в республике продолжала принадлежать „охвостью» долгого парламента, которое не желало себя распустить и лишь насильственно было разогнано через четыре года с небольшим. Исполнительная власть с полномочиями, каких не было у монархии, была вручена государственному совету из 41 члена, выбранному на год и состоявшему из военачальников, парламентских деятелей, юристов и ученых. В его составе были и Кромвель, и Ферфакс, и Генри Вен, и Брадшо, и Мильтон; были даже некоторые представители высшей знати, признавшие республику. В связи с этим учреждением были организованы еще специальные правительственные комитеты.

Английская республика была созданием энергичного сектантского и военного меньшинства нации, вледетствие чего ее положение было довольно трудным. У республики были и внешние и внутренние враги. Против нее Ирландия была в восстании, Шотландия признала своим королем старшего сына казненного Карла I после того, как тот

согласился на большое ограничение своей власти и на выражение неодобрения «идолопоклонству своих родителей». Ирландское восстание с большой жестокостью было уже почти подавлено Кромвелем, когда ему пришлось принять начальство над войском в походе на Шотландию, и докончил его дело в Ирландии Эйртон. Шотландская война затянулась до 1651 года, когда после битвы при Ворчестере, в которой Кромвель одержал победу над претендентом, Шотландия должна была смириться. Иностранные державы относились к Англии после казни Карла I очень враждебно, особенно ближайшая соседка, Голландия, с которой в начале пятидесятых годов произошла война, о чем еще речь впереди. Внутри самой Англии было множество врагов республики. Во-первых, это были роялисты, к которым принадлежала высшая знать, епископальное духовенство, часть джентри. Далее это были католики каких бы то ни было званий. Наконец, пресвитериане тоже были в числе недругов республики. Это были побежденные, не желавшие мириться со своим поражением. Лишенные возможности оказать новому порядку вещей активное сопротивление, они стали в положение пассивной оппозиции. Осенью 1649 года от всех должност-

ных лиц потребовали присяги «республике без короля и палаты лордов», и очень многие отказывались присягать по этой формуле, которая раньше встретила несочувствие даже в некоторых членах государственного совета (правда, с прибавкою еще одобрения казни короля, что заставило придумать новую формулу с обещанием лишь верности в будущем). Было много местностей, где совсем не были приведены в исполнение распоряжения о торжественном провозглашении республики и об устранинии монархических эмблем на публичных зданиях. Роялистические памфлеты вроде «Королевского Образа» не переставали появляться и пользоваться популярностью у всех недовольных. Одним словом, роялизм был силен в настроении разных общественных классов, не исключая и общественных низов даже в населении самого Лондона, где популярен был пресвитерианизм. Республика держалась армией, которая ее и создала.

Но и в самой армии были оппозиционные элементы, не против республики, конечно, а против того строя, который она получила. В армии еще раньше раздавались голоса за обновление парламента, за замену долгого парламента, теперь его «охвостья», другим, т. е. за производство новых выбо-

ров. Одним из наиболее видных агитаторов в пользу этого был уже упомянутый выше Джон Лильбёрн, натура бурная, страстная, одно время большой поклонник Кромвеля, в котором особенно ценил «дорогую сердцу веротерпимость». Своим непокорным нравом еще в то время, когда Кромвель стоял под начальством Манчестера, он палатой общин был приговорен за ее оскорбление к заключению в тюрьме, но Кромвель тогда его вызволил; однако, как мы видели, самому Кромвелю пришлось потом противодействовать радикальной агитации Лильбёрна, пользовавшегося и пером публициста для проведения своих мыслей в массу войска. Скоро у него было множество последователей, которые стали называться «левеллерами», т. е. уравниателями. Став на демократическую точку зрения равенства политических прав всего населения, они пропагандировали свою идею в народе, в рабочем населении Лондона, и в соседних графствах.

Левеллеры видели в уничтожении монархии и палаты лордов лишь первые шаги на пути к совершенно новому государственному строю. Они последовательно развивали основную мысль о народовластии, требуя полного политического равенства всего населения, полного преобладания законода-

тельной власти над исполнительной, учреждения публичного за нею органа между отдельными сессиями парламента, полной независимости судебной власти от администрации в смысле предоставления этой власти одним присяжным и т. п. С другой стороны, эти «уравнители» стояли за самую широкую индивидуальную свободу, в пользу которой ограничивали самое народо-властие, как мы это видим и у таких индепендентов, как Генри Велл. Прежде всего такое требование касалось религии и личной неприкосновенности граждан от всякого произвола. Приводя принцип свободы совести, они доказывали необходимость оплаты духовенства самими общинами верующих, а не государством, что было бы равносильно отделению церкви от государства. Были у левеллеров и некоторые социальные требования, о которых скажем позже.

Левеллеры предвосхищали и многие идеи французской революции и требования радикальных партий XIX века. От слов левеллеры перешли к делу. В мае 1649 года в армии вспыхнул мятеж против тогдашних властей, в котором роль вожака играл Лильбэри. Когда это сделалось известным Кромвелю, он сказал в государственном совете: «вы должны перерезать этих людей, в про-

тивном же случае они вас перережут». Вместе с Ферфаксом он быстро двинулся с значительными силами к месту стоянки мятежных полков, милях в пятидесяти от Лондона, напал на них совершенно врасплох, в ночную пору, и тем умирил бунт в самом его зародыше.

Лильбёрн был вдохновителем этого мятежа своими памфлетами, из которых самым известным является «Разоблачение новых цепей Англии», уже самым заглавием своим указывающий, в чем заключалось его содержание, как протеста против замены одного тирана другим. Как подстрекатель, Лильбёрн был отдан под суд, но присяжные его оправдали, и тогда парламент изгнал его из Англии под страхом смертной казни в случае самовольного возвращения на родину. Из Голландии изгнанник продолжал преследовать своими нападками «узурпатора, тирана и лицемера» Кромвеля, с которым, однако, впоследствии примирился и при его заступничестве вернулся в Англию, где ему пришлось посидеть в тюрьме по подозрению в сношениях с роялистами. Окончил Лильбёрн свою бурную жизнь в рядах секты квакеров.

Левеллерское движение было только одним из частных проявлений массового це-

довольства новым правительством. Парламент, бывший в глазах народа только «охвостом» настоящего представительства, казался массам просто кучкою людей, своекорыстно пользовавшихся властью, а некоторые из них обвинялись в обогащении при распродаже коронных и церковных имуществ, при взысканиях контрибуций, налагавшихся на роялистов, и т. п. Но республиканская партия, зная настроение большинства избирателей, боялась новых выборов и охраняла остатки долгого парламента. Даже Генри Вен, считавший требование новых выборов справедливым, желал устроить дело так, чтобы в новом парламенте непременно заседали прежние же члены. В 1650 году он составил билль о реформе выборов, лишивший права посылать своих представителей в палату общин незначительные местечки и дававший его, наоборот, городам, которые его не имели, лучше распределявший избирательные округа, что повысило бы количество избирателей, но сохранивший избирательный ценз. Одним словом, это было предвосхищение первой парламентской реформы в XIX веке, через сто восемьдесят два года после первого проекта, как программа левеллеров предвосхищала «Народную Хартию», давшую название чартистов демократиче-

ским радикалам тридцатых-сороковых годов прошлого столетия. Армия требовала новых выборов, и вот Кромвель по окончании войны в Шотландии в 1651 году настоял на исполнении этого требования. Парламент согласился, но назначил крайним сроком 3 ноября 1654 года, т. е. лишь по истечении трех лет, да и то старые члены должны были сохранить свои места. В августе 1652 года армия подала парламенту петицию о необходимости разных реформ и выбора в палату лишь одних известных благочестием своих людей. Палата под давлением армии сократила срок пользования своими полномочиями на год, но упорствовала в желании своем сохранить свои места и в будущем парламенте. Армия делалась все более недовольною, что заставило парламент искать поддержки во флоте, одерживавшем победы над Голландией под начальством адмирала Блека, из которого можно было сделать соперника Кромвелю.

Тогда Кромвель решился на свой знаменитый разгон парламента. Его подбивали к этому еще генерал Джон Ламберт, у которого на первом плане были желания и интересы армии, и Томас Гаррисон, религиозно - политический утопист, видевший

в долгом парламенте препятствие для желаемых им реформ.

В апреле 1653 года между парламентом и войском состоялось соглашение, в силу которого решить спорный вопрос должна была особая конференция, а пока ни одна из сторон не должна была ничего предпринимать. Однако, Вен задумал быстро провести в палате билль о реформе, узнав о чем, Кромвель решился действовать. Собравши роту мушкетеров, он отправился в ее сопровождении в палату общин, оставив солдат за дверью. В простом сером платье и серых чулках, он сел на свое место и стал слушать речь Вена. «Я, шепнул он одному соседу, пришел сделать нечто, что печаливает меня до глубины души». «Время наступило», сказал он другому соседу, который шепнул ему, чтобы он не затевал ничего опасного. В тот момент, когда спикер спросил, приступит ли к голосованию, Кромвель встал и разразился грозною речью, во время которой его голос все крепчал. Он обвинял членов палаты в несправедливости, в себялюбии, в недостойных удовольствиях и закончил речь словами: «ваш час пришел, бог вас осудил!» Члены палаты повскакали со своих мест с протестами, но Кромвель, гневно крикнув: «ну, ну, доволь-

но», быстро прошел к середине залы и, надев шляпу, громко закричал: «я положу конец вашей болтовне! Вы не парламент больше. Уступите места более достойным». В залу по его зову вошло тридцать мушкетеров, и члены стали уходить. Кромвель провожал некоторых бранными словами: «пьяница», «прелюбодей». Вен, проходя мимо Кромвеля, бесстрашно сказал ему, что он поступает против права и чести. «Ах, сэр Гарри Вен, сэр Гарри Вен, возразил Кромвель, вы могли бы все это предупредить, но вы—плут, и чести у вас нет». Кромвель сам взял со спикерского стола его булаву и велел ее куда-нибудь убрать, как вещь никуда ненужную. Когда Кромвель пришел в государственныи совет и сказал ему, что и он распущен, председатель Брайно ему возразил: «вы ошибаетесь, сэр, если думаете, что парламент распущен; никакая власть на земле не может его распустить, кроме его самого».

XII. Социальные отношения и стремления со- роковых — пятидесятих годов XVII века.

План последующего изложения. — Классовая подкладка религиозно-политических партий. — Сравнительная слабость чисто-народных движений. — Новая секуляризация церковной собственности и вопрос об отмене десятины. — Ликвидация феодализма в аграрных отношениях. — Значение помещичьего и купеческого классов в революции. — Социальные взгляды левеллеров. — Диггеры и «люди пятой монархии».

В изложении событий революции мы дошли до апреля 1653 года, когда Кромвель при помощи военной силы разогнал остатки долгого парламента. Это было поворотным пунктом в ходе самой революции. Прежде чем следить далее за тем, как развивались события, нам нужно присмотреться к общественным настроениям в Англии в эту эпоху, чтобы увидеть, какие общественные силы принимали участие в делании истории, с одной стороны, а с другой — выискнуть в характер того человека, который в 1653 году сделался в Англии господином положения и оставался им до самой своей смерти в 1658 году. Таковы две ближайшие темы последующего изложения, которым и посвящаются эта и дальнейшая глава.

В самых общих чертах в главе III было намечено, с каким общественным строем мы

имеем дело в Англии в первой половине XVII столетия, и мы видели, далее, в каких общественных классах были популярны лозунги религиозно-политических партий, борьба которых составляет прагматическую историю сороковых и пятидесятих годов этого века. Нельзя сказать, чтобы партии вполне совпадали с классами, потому что и отдельные люди, и целые группы не всегда шли за большинством в своих классах, но в общем и целом известное соответствие было. Высшая знать, лорды вместе с высшим духовенством, епископами, и зависимые от тех и других люди составляли главную социальную силу кавалеров. Среди расколовшихся надвое круглоголовых или пуритан нужно различать пресвитериан и индепендентов. В первой из этих категорий главную социальную силу составляли общественные классы, бывшие представленными в парламенте, а это, как известно, были землевладельческий класс в графствах, джентри и зажиточное купечество в городах. Индепендетская армия, как мы видели, была по составу своему более демократичною: здесь большинство состояло из мелких сельских хозяев (фермеров), самостоятельных ремесленников, низшего слоя торгового класса, т. е. людей, которые в парламент не

попадали. Если джентри и купечество держались за ограниченную монархию, то в независимости не только возникла мысль о республике, которая была осуществлена армией, но и родилось то демократическое движение, которое поставило себе целью добиться политического равенства, чтобы не одни только богатые могли заседать в парламенте. В этом смысле в 1649 году началось даже восстание левеллеров, бывшее подавленным Кромвелем в самом же его начале. Но за общественными элементами, которые были бы готовы удовлетвориться радикальной политической программой левеллеров, стояли еще такие, среди которых уже бродили мысли социального характера.

Нужно, однако, заметить, что чисто-народные движения в Англии, во время ее первой революции, были сравнительно слабы. В ней не было ничего, что можно было бы сравнить с крестьянским восстанием, бывшим в самой же Англии в 1381 году, не говоря уже о чем-либо подобном крестьянской войне в Германии в 1524—1525 годах или французским деревенским восстаниям лета 1789 года, да и в городах Англии не происходило ничего такого, что напоминало бы нам анабаптистскую коммуну в Мюнстере в эпоху германской реформации или то, что

во время революции французской делалось в городах. Широкие народные массы оставались в Англии в более пассивном состоянии, а местами жители организовались лишь для того, чтобы не пускать к себе военные отряды обеих борющихся между собою сторон или чтобы прогнать бывших не особенно многочисленными захватчиков пустопорожных участков земли для их обработки. Все наиболее энергичные люди, способные к агрессивным действиям, были в армии и находились под гипнозом индепендентской религиозной идеологии. Впрочем, во многих головах в эти годы бродили и новые идеи о самых основах общественного строя.

Первою общественною группою, над которою особенно разразился удар революции, был английский епископат. Мы видели, что епископы были исключены из палаты лордов, которая еще продолжала существовать после этого около шести лет. Далее, нужно иметь в виду и замену епископального устройства церкви пресвитерианским, а в связи с этой реформой находилась новая секуляризация церковной собственности. За сто лет перед тем Генрих VIII отобрал в казну только монастырские имения, часть которых даже была пожалована епископам.

Кроме того, церковные земли были тогда оставлены за деканами (благочинными) и капитулами кафедральных соборов. Когда Карл I находился на острове Уайте, в числе предъявленных ему требований была и секуляризация церковной собственности, на которую он не соглашался, допуская только временно воспользоваться доходами от них для удовлетворения государственных нужд. Долгий парламент впоследствии учредил особый комплект для заведывания распродажею конфискованной недвижимой собственности церкви, но земля раскупалась плохо, так как не было полной уверенности в прочности владения ею, вследствие чего было решено на счет этой собственности удовлетворить армию, долго не получавшую жалованья и содержавшую себя на свой счет. Взамен жалованья и притом за половинную плату офицеры и солдаты могли приобретать в собственность большие или меньшие участки земли из тех церковных владений, которые государство удержало за собою. Реформация в Англии не отменила церковной десятины, которою была обложена вся поземельная собственность, и в первые годы революции велась агитация за отмену церковной десятины, но так как на нее содержалось духовенство, а других спо-

собов его оплаты не было, то десятина удержалась. Как ни тягостна она была для землевладельцев, они не шли на полное уничтожение общего налога для содержания церкви, не желая отделения ее от государства, которого требовали крайние индипенденты, Правда, так называемый Бербонский парламент 1653 года, о котором будет сказано дальше, постановил отменить десятину, но многое из того, что этим парламентом вообще было предпринято, потом в жизни не удержалось.

В желании отменить десятину сказались интересы землевладельцев и, в первую голову, джентри, которые еще более желали освободиться от остатков феодализма в области земельных отношений. С покорения Англии Вильгельмом Завоевателем король рассматривался, как верховный собственник почти всей земли, которую от него и «держали» как лорды, так и джентри. Это налагало на землевладельцев известные обязанности по отношению к королю, а именно уплаты при вступлении во владение землею большой пошлины и покупки за деньги разрешения на продажу хотя бы одного акра, в случае же малолетства землевладельца королю принадлежало право опеки над ним с поступлением части дохода от имения

в казну, а наследницы имений стеснялись в своем праве выходить замуж, за кого хотели, правом короля назначать им женихов. Эти остатки феодальных отношений приходили в упадок еще в средние века, но Тюдоры и Стюарты их поддерживали. Карл I в год своей коронации обложил землевладельцев большим выкупом за уклонение от принесения феодальной присяги (так называемого «гомагня»). Еще при Накове I владельцы земель на феодальном праве добились уравнивания их прав с владельцами свободных земель, а в сороковых годах из этого был сделан один из пунктов парламентских требований при переговорах с пленным Карлом I. Джендри стремились превратить свои земли в полную собственность не только по отношению к королю, но и к населению. Дело в том, что в имениях джендри от отдельных сквайров «держали» землю крестьяне, считавшиеся наследственными владельцами своих участков за оброки, но со времени освобождения крепостных в Англии землевладельцы при услужливой помощи юристов старались превращать такие наследственные земельные держания во временные, срочные аренды на основании добровольного договора. Землевладельцам вообще очень хотелось отделаться от ограниче-

ний их имущественных прав. Уже во время протектората Кромвеля, начавшегося в 1653 году, желание английских землевладельцев исполнилось, и вся поземельная собственность сделалась безусловной, чем не обеспечивались ни права мелких держателей на свои наделы, ни интересы фермеров, производивших на своих участках какие-либо улучшения, в случае невозобновления контракта. Это было сделано актом 1656 года по инициативе Кромвеля. Это был такой закон, который был одинаково выгодным и для кавалеров, и для круглоголовых, то при реставрации Стюартов в 1660 году последовало и королевское на это согласие, причем была упразднена специальная «опекунская палата», заведывавшая доходами короля, как верховного феодального собственника. Эта важная реформа в аграрном строе Англии прошла как-то незаметно, как бы между прочим. От революции в этом отношении джентри выиграла.

Но все-таки во время революции была разница в положении роялистов и круглоголовых. Земли первых подвергались всяким лишним поборам и одно время были обложены десятинным сбором на содержание армий.

При том отсутствии сословных перегородок, которое наблюдается, как мы видели,

в английском общественном строе в отличие, например, от французского до 1789 года, здесь не было того разделения имущих классов на дворян и мещан, благодаря которому одни делались бы роялистами, другие либералами. Помещичий и купеческий классы имели общее представительство в палате общин и выступали большей частью солидарно. Они занимали среднее место между высшею знатью и народной массой. Можно сказать, что именно это «среднее сословие» начало борьбу с королем и несло на себе ее бремя, пока на подмогу не пришла другая категория населения, верхние слои народной массы, фермеры и торговцы, некоторыми своими интересами примыкавшие к более богатым классам. В социальном отношении они хотели сохранить свое положение, в политическом передовые в них элементы готовы были идти далее в духе программы левеллеров.

Когда еще плохо разбирались в политических и социальных течениях первой английской революции, в этих «уровнителях» видели социальных реформаторов в духе требования равенства имуществ. Как раз этого у левеллеров не было. Они были только политическими радикалами, демократами без социального оттенка. И они

были противниками остатков феодализма, но стояли за полную частную собственность, за свободу выбора занятий, за отмену монополий, за равномерное обложение пропорционально с доходом, за прекращение «огораживаний» участков из общинных земель и т. п. Но уравнилельные стремления нужно искать в другой среде.

Другую средою было безземельное или находившееся в процессе обезземеления крестьянство, восстававшее, главным образом, против огораживаний для частного пользования участков из общинных угодий. Частные и местные вешышки могли происходить, но они не объединились в какое-либо общее движение, в большой народный мятеж, хотя и были удобною почвою для агитации анабаптистов с их коммунистическими и анархистскими идеями. Здесь приходится говорить только о сравнительно незначительных движениях диггеров и «людей пятой монархии».

«Диггеры» значит «копальщнки»: так стали называть преимущий люд, который самовольно завладевал пустопорожними угодьями и пачинал их обрабатывать, копать землю. Местные жители этих людей прогоняли, и они уступали, повидимому, следуя учению о непротивлении злу, правда, раз-

вившемуся в английском сектантстве позднее. Они хотели легально добиться права на занятие земель и обращались к Кромвелю, к Ферфаксу, к государственному совету, прося пустить государственные земли в падел немущим, доказывая, что победа над потомками Вильгельма Завоевателя должна завершиться возвращением народу его земли, но не требуя эксpropriации относительно занятых уже земель. В диггерском движении был своеобразный коммунизм, на котором сказалось влияние «Утопии» Мора. Главным литературным памятником от этого движения, не бывшего сильным, остался памфлет Вектаиле под заглавием «Закон свободы, выраженный в форме прокламации, или восстановление настоящего правительства, скромно рекомендуемое Кромвелю».

Другое социальное движение имело анархистский характер и является повторением уже много раз бывших в прежние времена сектантских хилиастических или милленарских (от греч. и лат. слов, обозначающих тысячу) мечтаний о наступлении на земле тысячелетнего царства Христа со святыми. Среди индипендентов было много таких, которые считали себя избранниками божьими, призванными установить на земле истинный закон правды, и даже в собранном Кромве-

лем в 1658 году конвенте индепендентских нотаблей, известном под именем «Бербонского парламента» было несколько представителей такого мечтательного направления. В частности, «люди пятой монархии», наследники континентального анабаптизма, получили свое имя от той идеи, что после четырех монархий, предсказанных пророком Даниилом: Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской (обычная средним векам схема всемирной петорци со включением в нее и тогдашней «Священной Римской империи германской нации»), уже наступает пятая монархия самого Христа со святыми, в которой не будет ни правительства, ни законов, ни судов, ни присяги, ни военной службы, а будет царствовать свобода. Горсть сектантов, разделявших такие чаяния, составила даже заговор, который был открыт, а участники его заключены в тюрьму (1657). Изложение учения этих сектантов было сделано, между прочим, в памфлете «Поднятое знамя, под которое должны собраться все святые, объявившие себя за агнца божия против зверя и лжепророка». Апокалиптический зверь был в глазах автора не кто иной, как Кромвель. Мы видим, что Кромвель был одинаково ненавистен и побежденным роялистам и пресвитерианам, и умиранным им левеллерам и

«людям пятой монархии». Это ставит перед нами вопрос о классовой и партийной принадлежности Кромвеля, требующий отдельного рассмотрения.

XIII. Личность Оливера Кромвеля.

Исключительное положение Кромвеля среди деятелей английской революции. — Разная оценка его личности. — Разная роль Кромвеля в два периода его жизни. — Источники противоречий в самом Кромвеле. — Необходимость социологического анализа его поведения. — Кромвель — провинциальный сквайр. — Кромвель и командный состав армии. — Политическое мировоззрение Кромвеля. — Политическая необходимость, как оправдание противоречий в поведении Кромвеля. — Религиозное настроение Кромвеля. — Его веротерпимость. — Взгляд его на отделение церкви от государства. — Кромвель — защитник духовной свободы.

Из всех деятелей первой английской революции никто так не выдвинулся вперед, никто не занял такого первенствующего положения, никто не оказывал такого влияния на современников, не достигал такой власти, как Оливер Кромвель. Его вмешательство в события было нередко решающим в судьбах всего движения. Все предыдущее изложение, несмотря на свою краткость, не может не оставить в читателях убеждения, что никого из англичан, живших с Кромвелем, нельзя поставить на один уровень с ним. Но этот же человек был судим историками различно.

Долго смотрели на Кромвеля, как на тирана, бывшего только честолюбивым интриганом, который посредством самого гнусного лицемерия обошел фанатических, но легковверных сектантов, чтобы при помощи их захватить власть в свои руки в чисто личных целях ненасытной гордости и ничем не сдерживаемого властолюбия. Приблизительно в таком виде изображает Кромвеля знаменитый английский историк XVIII в. Юм, наоборот, украшающий Карла I всякими добродетелями. Потом к Кромвелю стали относиться не так отрицательно, особенно после того, как знаменитый английский писатель Карлейль посвятил ему большой труд, где, наоборот, необычайно идеализировал своего героя, как личность, в нравственном отношении в высшей степени чистую, безупречную, как человека искреннего, бескорыстного, преданного идее долга.

Конечно, Юм был консерватор, монархист, притом рационалист XVIII в., которому было непонятно религиозное одушевление индепендентов, а Карлейль в известном смысле радикал, романтик и человек религиозный, но нельзя же было и тому, и другому писать свои портреты Кромвеля, не улавливая на них каких-либо действительных черт его нравственной и общественной

физиономии. Может быть, Юм списывал только одни его черты, темные, а Карлейль— только другие, светлые, а тогда, значит, нужно посмотреть, так ли уже черен был Кромвель, как его нарисовал Юм, и так ли на самом деле бел, каким представил его Карлейль. Кромвель не был ни демоном, ни ангелом, а был человеком, притом, конечно, незаурядным человеком, умным, с сильною волею, с решительным характером, из одной породы с Цезарем, с Наполеоном.

Вопрос о Кромвеле осложняется еще тем, что в два периода своей жизни он играл не одинаковую роль. Сначала это—революционер. Парламент начинает войну с королем, Кромвель бросается в нее, жертвует ей частью состояния, добивается энергичного ее ведения, участвует в суде над королем и даже, как рассказывают, дурачится при подписании смертного приговора, и вдруг начинает поворачивать назад, подавляет левеллерский мятеж, разгоняет парламент, правит одно время при помощи армии и кончает установлением в Англии некоторого подобия прежней конституции, чуть-было сам не становится королем. Факты, относящиеся к этому второму периоду, у нас еще впереди, а здесь передается только общий их характер. Любопытно, что один и тот же историк, вы-

сказывавшийся о Кромвеле в печати дважды, на расстоянии от одного раза до другого в двадцать лет, в разное время хвалил его за разное. Это был известный Маколей, который в более молодом возрасте, в двадцатых годах прошлого века, хвалил Кромвеля за его борьбу во имя свободы, а позднее, в более пожилом возрасте, в сороковых годах, высказал ему симпатию за спасение им общественного порядка от грозившей ему анархии.

В личности самого Кромвеля или, лучше сказать, в его положении были источники противоречий, наблюдаемых в его деятельности. Как ни был Кромвель самим собою, некоторые стороны его поведения объясняются и тем общественным классом, к которому он принадлежал, и тем политическим мирозерцанием, которое он разделял с другими людьми его времени, и тем отношением к религии, которое усвоил из общения с пуританами разных толков. По своему положению помещика он был одно; политическая партия, к которой он принадлежал, требовала от него другого; его религиозное понимание влекло его в третью сторону, и в тех целях, какие ему ставились его принадлежностью к трем общественным кругам, к классу, к партии, к религиозной группе,

могли быть и на самом деле были несоответствия: то, что в одних случаях он действовал в большем согласии с одним, а в других — с другим, способно порождать представление о Кромвеле, как о своекорыстном хитреце, тогда как более вдумчивое отношение к его поведению, к его словам и поступкам приводит к заключению, что в натуре своей это был человек честный, хотя и прибегавший иногда к хитростям. Впрочем, свою задачу я ставлю здесь не психологический анализ личности Кромвеля, а то, что можно назвать социологическим анализом его личности и поведения, который, надеюсь, поможет читателю лучше понять историческую роль Кромвеля и разобраться в тех общественных течениях, какие скрещивались в личности этого первоклассного исторического деятеля. Вопросы ставятся в порядке классового, партийного и вероисповедного определения личности Кромвеля, причем некоторые факты придется напомнить вновь.

До сорокалетнего возраста Кромвель жил в своем поместье, занимаясь сельским хозяйством, имея у себя наемных рабочих и около себя соседей-фермеров. Под влиянием такой жизни, а еще раньше под влиянием воспитания в помещичьей зажиточной семье,

у него сложились привычки и взгляды данного общественного класса, с которыми он и вступил в общественную жизнь. Отсюда понятно, как отнесся Кромвель к демократическому движению своего времени. Политических радикалов он упрекал в том, что они стремятся к недопустимому уравниванию «держателя» (т. е. арендатора) с «земельным господином» (ландлордом). Особенно когда в Англии обнаружилось движение с характером политического радикализма, он стал ссылаться на царя Соломона, говорившего, что когда начинается угнетение со стороны бедных, оно уподобляется ливню, который смывает все с лица земли. Мы видели, что Кромвель не дал ни одной минуты организовать левеллерскому движению. То распоряжение, которое освобождало земельную собственность джентри от феодальных стеснений, было издано Кромвелем, и парламент его только санкционировал. Мера, как мы видели, была в интересах класса землевладельцев, которые он защищал, не скрывая этого и даже уподобляя в данном отношении свою роль тому, что делает приходский блюститель порядка, констебль. Одним словом, это не был демократ.

Но вот мы видим Кромвеля в армии. У этого сквайра нет сословного предрассудка,

который не позволял бы ни в каком случае не принимать в командный состав армии людей не из своего класса. На что, однако, ссылается он, когда его упрекают за назначение офицеров не из джентльменов? На необходимость: что же делать, если в своем кругу не было подходящих людей? В парламент, в заведывание местными делами доступ был открыт только джентри, а на места капитанов в армии Кромвель брал каждого исполнительного, добросовестного человека. Барского чванства у него не было: он и одевался очень просто, в серое суконное платье, сшитое деревенским портным, и даже ленты на шляпе у него не было.

Теперь вопрос о политическом мирозерцании Кромвеля. Оно не было республиканским. Кромвель держался общего убеждения круглоголовых, что лучшая государственная форма — смешанная при надлежащем сочетании свободы и власти, какое давала английская конституция, правильно понимаемая и законным образом осуществляемая, что создавало равновесие между прерогативой короля и привилегией парламента. Ему, как и другим круглоголовым, важно было добиться гарантий, что эта конституция не будет нарушаться. Ведь не

один парламент, но и армия вела переговоры с Карлом об условиях примирения. Кромвель этому сочувствовал и сдерживал республиканское движение в армии до тех пор, пока сам не потерял надежды на благоприятный результат. Его политические взгляды были ближе к пресвитерианским, нежели к индепендентским. Народовластие требовало полного подчинения правительства народным представителям, а Кромвель стоял за равновесие властей, за самостоятельную и независимую исполнительную власть с подчинением военной силы ей и с нею совместно парламенту, без чего, думал он, одна или другая получила бы перевес, а этим нарушился бы основной принцип их взаимной независимости. Ему удалось, как мы увидим, добиться установления такого строя в 1653 году, когда он сделался главою исполнительной власти, но последовательные индепенденты хотели, чтобы исполнительная власть находилась в подчинении у законодательной. Отсюда его конфликты с парламентами, им созывавшимися, и мысль части политических деятелей о восстановлении старой конституции, которая для него была вполне приемлема, как соответствовавшая его изначальному политическому мнению о наилучшем государственном

устройстве. В 1649 году Кромвель принял республику, как политическую необходимость, когда другого исхода не было и не могло быть даже придумано, но такая же политическая необходимость приводила Англию к реформе республиканской конституции в духе, более близком к прежней, что более соответствовало и настроению Кромвеля. Думать, что он когда-либо был принципиальным республиканцем или что он с самого начала добивался сделаться королем, не приходится никоим образом: не было ни того, ни другого, а было только приспособление политического деятеля к обстоятельствам, к государственной необходимости. С точки зрения своей теории о равновесии властей Кромвель сначала отстаивал права парламента против посягательств со стороны королевской власти, а когда эту последнюю заменила протекторская власть, доставшаяся ему самому, он ее отстаивал против неограниченного всемогущества парламента. Его властное положение в государстве доставила ему армия, но та же армия не давала ему осуществить восстановление прежнего государственного строя, в месте с тем толкала его на путь полного деспотизма, по которому он, однако, не пошел. Он не хотел править без парламента.

Ссылками на политическую необходимость Кромвель неоднократно оправдывал противоречия в своем поведении и, быть может, он и сам создавал такие необходимости, которыми потом объяснял те или другие свои меры, т. е. прибегал к некоторым уловкам и хитростям для оправдания своих поступков. Но у него было и еще объяснение. Он говорил, что лучше иметь хотя бы дурное правительство, чем не иметь никакого (*misrule is better, than no rule*). Противник абсолютизма, он не доверял и демократии, боясь с ее стороны только анархии и предпочитая, чтобы его правительство было хотя бы каким-нибудь правительством, нежели допустить разгул анархии. Положение было трудное, противоречивое, и приходилось вывертываться, что легко было потом объяснить лживостью натуры, лицемерием, интриганством, честолюбием.

В дополнение к этим некрасивым качествам Кромвель обвинялся в ханжестве, в подделывании под тон религиозных изуверов без собственного фанатизма в душе. В религиозном настроении Кромвеля, в котором наблюдается наиболее искренности, лежит объяснение многого в его жизни. Религией он начал интересоваться гораздо раньше, нежели политикой. В парламенте 1628 г. он

отстаивал свободу пуританской проповеди. Дома он общался с другими пуританами и своих рабочих привлекал к благочестивым беседам и к общим молитвам. Будучи человеком религиозным без сектантских крайностей, он уважал религиозность в других, не входя в разбор содержания чужих верований. Вот в этой области он был настоящим индпендентом, стойким, последовательным, прямым. Свобода совести была для него не простым словом. Первые трения с пресвитерианами начались у него из-за неодобрения того, что в свой кавалерийский полк он допускал сектантов. В столкновении пресвитерианского парламента с индепендентской армией он стал на сторону последней, хотя и по социальному положению, и по политическим воззрениям был ближе к пресвитерианам, нежели к индепендентам. Среди их сект он не оказывал предпочтения ни одной. Когда он получил власть в свои руки, он не делал никакого различия между индепендентами и пресвитерианами при назначении на зависевшие от него должности, к неудовольствию наименее терпимых сектантов. Собственная терпимость Кромвеля доходила до того, что он не исключал из нее и англикан, и даже папистов. Между прочим, он

прямо писал французскому первому министру, кардиналу Мазарини, что считает только несвоевременным издать публичную декларацию в пользу терпимости к католикам. Кромвель фактически смягчал (и даже совсем не соблюдал) суровые меры, принятые пуританами против англиканского духовенства. Евреям он оказывал настоящее покровительство, позволив им селиться в Англии и разрешив выстроить синагогу в Лондоне. Были, впрочем, и у Кромвеля некоторые изъятия из общего правила для атеистов и последователей безнравственных доктрин, для не верящих в святость библии и допускающих внутреннее откровение, вследствие чего, напр., он отказывал квакерам в свободе культа и пропаганды, хотя и не преследовал за принадлежность к этой секте. Но в данных случаях и многие наиболее последовательные индепенденты, даже левеллеры, делали исключения для некоторых учений и притом больше, чем Кромвель. Например, некоторые не распространяли веротерпимости на евреев, которых он брал под свое покровительство как людей, верующих в библию.

Широко веротерпимый, Кромвель, однако, не разделял взглядов тех индепендентов, которые требовали отделения церкви от го-

сударства, хотя это тогда так еще не называлось, а заключалось в идее полного невмешательства государства в дела веры и неплаты из общественных сумм служителей религии. И здесь Кромвель стоял ближе к прежней точке зрения, что верховной власти принадлежит право придать тому или другому исповеданию значение государственной церкви, но без того «единообразия», которого желали епископальная и пресвитерианская церкви. Отдельное лицо должно было быть свободным от обязательства принадлежать к государственной церкви, и в этом смысле свободой совести должны были пользоваться и католики, и англикане.

Вот эта религиозная убежденность Кромвеля, его стойкость в отстаивании принципа, бывшего ему особенно дорогим, и может служить основанием для того, чтобы не считать Кромвеля беспринципным интриганом. Если его политические взгляды менялись, то не по его произволу в интересах карьеры, а в зависимости от жизненного опыта и под давлением политической необходимости. Эта же необходимость заставляла его иногда действовать не без внутренней борьбы, когда правдивая совесть говорила ему одно, а политический долг — другое, или когда сам он хотел одного, а люди, поддерживавшие

его власть, требовали другого. Не без сильной борьбы в нем созрело решение покончить с долгим парламентом в апреле 1653 года. Об этом, о пережитых колебаниях, о тревогах души Кромвеля есть положительные свидетельства. Кромвель смотрел на себя, как на орудие Промысла, давшего ему миссию прежде всего освободить человеческие совести от насилия. В этом отношении он может быть поставлен рядом с Мильтоном, Веном, Лильбёрном, как лучшими представителями индипендентства.

С таким общим представлением о Кромвеле мы и рассмотрим его правление Англией, собственно начавшееся еще раньше, чем в 1653 году, когда он сделался официальным правителем государства. Рассмотрим же, при каких обстоятельствах, каким образом и с какими правами Кромвель был возведен на свое высокое место, на котором оставался около пяти лет.

XIV. Протекторат Кромвеля.

Замена Ферфэкса Кромвелем в высшем командовании армией.—Успешность иностранной политики Кромвеля.— Акт о мореплавании. — Отношение страны к разгону «охвостья». — Созыв «конвента». — Проекты «Вербонского парламента». — «Орудие управления» 1653 года. — Парламент 1654 года. — Причина его роспуска. — Период военного деспотизма. — Реформаторская деятельность Кромвеля. — Его внешняя политика. — Парламент 1656 года. — Вопрос о восстановлении монархии. — «Акт о правительстве» 1657 года. — Пуританский характер правления Кромвеля. — Сессия 1658 года.

Еще до разгона остатков долгого парламента в 1653 году Кромвель занимал в Англии самое влиятельное положение. Обязан он был этому своим военным победам, сделавшим его высшим распорядителем в армии. Мы видели, что главнокомандующим после билля о самоотречении был Ферфэкс, но он мало-по-малу стушеввался перед Кромвелем, с самого начала им руководившим. Ферфэкс не пришел в то заседание суда над королем, в котором произнесен был смертный приговор. Когда при перекличке судей было названо его имя, его жена, разделявшая пресвитерианские симпатии, находясь тогда в галлерее для зрителей, громко сказала, что ее муж, как честный человек, не может быть здесь. Ферфэкс тем

не менее сделался членом государственного совета и сохранил главное командование и вместе с Кромвелем подавил левеллеров и еще одно восстание, но когда в Шотландии провозгласили королем сына Карла I, Карла II, и нужно было идти на него войной, Ферфэкс от этого отказался, что повлекло за собою его отставку и назначение главным-командующим самого Кромвеля. Мы еще увидим, какую роль сыграл Ферфэкс в реставрации Стюартов. Замена его Кромвелем на высшем посту в армии произошла в 1650 году.

Победы Кромвеля над Ирландией и Шотландией, о которых в своем месте было упомянуто, упрочили его положение в армии и его влияние на политику. Успехи английской армии, покорение двух стран, находившихся прежде под властью одного короля, но имевших особые парламенты, сильно льстили национальному самолюбию англичан, а кроме того, и по отношению к континенту Кромвель вернулся к популярной в Англии политике покровительства протестантизму в других странах. Это была политика королевы Елизаветы, замененная при Иакове I и Карле I стремлением к сближению с католическими державами—с Испанией, с Францией и во внешней политике.

Кромвель защищал веротерпимость, что создало ему на материке большую популярность, как покровителю протестантизма, среди всех гонимых за веру. Но об этом еще после.

К числу побед Кромвеля относится и та, которую он одержал над Голландской республикой. В ней правительство враждебно отнеслось к совершившейся в Англии перемене. Кромвель отомстил Голландии изданием знаменитого акта 1651 о мореплавании («навигационного»). Голландцы имели большой торговый флот, на судах которого перевозили в чужие страны не только свои произведения, но товары и из других стран, что доставляло большие барыши голландской торговле. Навигационный акт воспрещал ввозить в Англию какие бы то ни было товары иначе как на английских кораблях или на кораблях тех стран, в которых привозимые товары производились. Этот закон, изданный в духе общей экономической политики эпохи, так называемого меркантилизма, и продержавшийся в Англии после того до середины XIX столетия, т. е. два века, привел к войне, окончившейся для Англии полным успехом, и уже после переворота 1653 года Голландия была вынуждена заключить мир, отказавшись от ока-

зания поддержки Стюартам, признав навигационный акт и даже обязавшись присоединиться в международных делах к политике Англии (1654).

Влиятельные общественные классы, благодаря всему этому, мирились с политикой Кромвеля. В частности, усмирение левеллерского мятежа спасало привилегированное положение этих классов, а навигационный акт немало содействовал обогащению английского купечества, содействовав и развитию торгового флота Англии. Национальный патриотизм был тоже удовлетворен. Тем не менее, однако, во внутренней политике Кромвель не имел такого успеха.

После насильственного роспуска парламента исполнительная власть очутилась в руках комитета из тринадцати человек с самим Кромвелем во главе. Совет этот большею частью состоял из генералов армии. Генри Вей отказался от предложенного ему места в этом совете. Разогнанный парламент был в стране так непопулярен, что никто не встал на его защиту, и это было как бы молчаливым одобрением насильственного поступка Кромвеля. Он даже думал, и не без основания, что только исполнял желание страны избавиться от кучки людей, продолжавших упорствовать в удер-

жании власти в своих руках, когда все требовали новых выборов. Сам Кромвель говорил, что день и ночь молился, чтобы ему скорее была послана смерть, нежели была возложена обязанность совершить такое дело, и впоследствии с удовлетворением упоминал, что «ни одна собачонка не залаяла при уходе этих людей». Притом командный состав армии поспешил объявить особой прокламацией, что у него нет «намерения захватить власть и удержать ее в руках армии, хотя бы только один день». Никто, таким образом, не помянул «охвостье» добрым словом.

Нужно было созвать новый парламент; но как? Старая система выборов погибла вместе с монархией, новой еще не было. Кромвель решил созвать «конвент», который по современному был бы назван учредительным собранием, а в истории получил кличку «Бербонского парламента» по имени одного из его членов, торговца кожами, сектанта с странным именем «Презгода Бербона», что в русском переводе значит «Хвалибог Одер» или вроде этого, потому что слово «barebone» значит «голые кости», «костяк», «скелет», «кащей» и т. п. Это была насмешливая кличка. Меру свою сам Кромвель позднее называл неудачною, в чем признавался сам, го-

вора: «расскажу вам о глупости, сделанной мною самим, уверяя при этом, что все это сделал я-в простоте души. Но тогда вообще думали, что люди наших убеждений, сражавшиеся за общее дело, между собою согласны, что у них все будет удачно и что они сделают все, что следует сделать, как только того можно было бы желать. Уверяю, что мы все так думали, и я тоже, за что и заслуживаю порицание». Кандидаты в это чрезвычайное собрание были намечены индепендентскими конгрегациями, и по этим спискам новым государственным советом было назначено в конвент сто пятьдесят шесть человек. То были нотабли индепендентства. Кромвель возлагал большие надежды на новое собрание и приглашал убедить нацию в том, что благочестивые люди, дравшиеся за освобождение ее от гнета королевской власти, будут управлять ею в страхе божием, памятуя о своем призвании свыше. Новое собрание должно было в течение пятнадцати месяцев управлять страной до выработки закона о выборах в парламент. Но «Бербонский парламент» сразу же обеспокоил имущие классы радикализмом своих проектов во всех частях управления. Не были предположения конвента и по душе Кромвелю. Вот здесь и выразился тот кон-

сервативный уклон мысли Кромвеля, о котором была речь выше. Некоторые предложения, обсуждавшиеся в этом собрании, напоминали требования левеллеров и предвосхищали лозунги XIX века (напр., законодательство о гражданском браке). Столь радикальные проекты и заставили Кромвеля отнестись отрицательно к конвенту. «Эти люди, говорил он, только об одном разрушении и думают». Но в самом собрании произошли разногласия, чем воспользовались более консервативные его члены, дабы провести в нем решение, в силу которого «дальнейшие заседания парламента в этом составе признавались бесполезными» и «лорду-генералу передавались полномочия, от него полученные».

Между тем, государственный совет, назначенный Бербонским парламентом, составил под названием «Орудия (инструмента) управления» новую конституцию. Для Англии, Шотландии и Ирландии устанавливался один парламент с 460 представителями, из которых на Англию приходилось 400, а на две другие страны по 30. Избирательная реформа была проведена по плану конвента: мелкие местечки лишались отдельного представительства в пользу больших округов, причем разные старые постановления об избира-

тельном праве заменялись общим законом, дававшим его всем, у кого недвижимого или движимого имущества было на 200 фунтов. Эта реформа предвосхищала ту, которая в Англии была проведена только в 1832 году, т. е. через 180 лет. Парламент должен был созываться, по крайней мере, каждые три года, и раз собранная палата не могла быть распускаема и не могли отсрочиваться ее заседания ранее, нежели через пять месяцев. Парламент мог вотировать субсидии и издавать законы, не нуждавшиеся ни в каком утверждении, ибо вступали в действие через двадцать дней по их принятии палатою.

Собранному по этой конституции парламенту предоставлялось устроить все внутреннее управление, а пока, во избежание смут, Кромвель облакался исполнительной властью с титулом протектора, бывшем и ранее в Англии для обозначения опекуна малолетнего государя, или регента. Власть протектора ограничивалась. Членов государственного совета назначал протектор, но быть смещаемыми они могли только с согласия совета; без его же согласия протектор не мог ничего предпринять сколько-нибудь важного; совету, наконец, принадлежало право избрания всех будущих протекторов. «Меня уверяли, говорил Кромвель

впоследствии, что если я не приму на себя управления, то можно было бы опасаться такого же кровопролития и беспорядка, как и раньше». И он согласился только тогда, когда ему сказали, что принятие звания протектора, в сущности, свяжет ему руки, как лорду-генералу, и не позволит ему что-либо делать без согласия государственного совета.

Это «Орудие управления» было одобрено советом офицеров, после чего в 1654 году собран был парламент. Его можно назвать избранным свободно, хотя и с некоторыми ограничениями, заключавшимися в лишении избирательного права, коему подверглись католики и «малиньянты», т. е. «зловредные», как обозначали роялистов, а также в произвольном устранении советом нескольких радикальных представителей. Благодаря все-таки значительной свободе выборов, в палату попали в большом количестве пресвитериане, многие из бывших членов долгого парламента, а из видных лиц, например, Браншо, протестовавший против разгона долгого парламента, и Генри Вен, отказавшийся быть членом государственного совета. Большинство собрания признало новый строй только временным, а Кромвель был утвержден в своем звании протектора единогласно.

Кромвель заявил при этом, что он долго колебался, принимать ли ему эту должность, на которую он сам «не напрашивался», призывая при этом в свидетели бога и народ. Его власть была признана всеми; в этом он предлагал видеть веление свыше, которое «равно какому угодно наследственному праву». Между созданием конституции 1653 года и первым созванным по ней парламентом прошло девять месяцев, в течение которых Кромвель совершил весьма многое: например, был заключен мир с Голландией, инкорпорирована была Шотландия, предпринята колонизация в Ирландии и т. п. С гордостью говорил он и о других достигнутых результатах, о договорах с Данией, Швецией и Португалией и о том, что во всей Европе нет ни одной нации, которая не желала бы жить с Англией в мире.

Но все это не предотвратило конфликта между протектором и парламентом. Последний стремился к соединению обеих властей, как это было в долгом парламенте, а Кромвель стоял за разделение властей—законодательной у парламента, исполнительной, независимой в его руках. Ссылаясь на свое признание всем народом и видя в этом веление свыше, он объявил, что только бог и народ могут его лишить власти, с которой

он иначе не расстанется. Он даже сказал, что не допустит в заседания ни одного члена, который не подпишет обязательства не изменять правления, состоящего из одного лица и парламента. Целая сотня членов парламента отказалась это сделать, но громадное большинство подчинилось и принялось за работу. Все шло гладко, но когда палата, по бывшим прежде примерам, отложила рассмотрение вопроса о субсидиях до обсуждения «злоупотреблений», Кромвель принял это крайне неприязненно, как знак недоверия к нему, который будет только на-руку роялистам, и как шаг, неприятный для армии, не получающей жалованья. «Это, говорил он, имеет такой вид, как будто скорее ищут поводов для раздоров, нежели желают дать народу прочный порядок». В начале 1655 года Кромвель, не скрывая своего раздражения и осылая палату упреками, распустил ее, применяя свое конституционное право, но несомненно делая большую политическую ошибку.

Распуская парламент, с которым сам же хотел править страной, он тем самым вынуждал себя на дележ своей власти с генералами армии, привыкшими к политической роли в качестве членов предыдущих государственных советов, а также конвента

1653 года. И момент был такой, что считаться с высшим командным составом приходилось. В стране давно уже были в большом количестве люди, думавшие о восстановлении монархии, и местами роялисты опять зашевелились. Опасность нового восстания была очень велика; можно было бояться, что оно будет поддержано населением, которое было недовольно роспуском парламента и произвольным сбором налогов в виду необходимости иметь деньги. Роспуском парламента 1654—1655 года Кромвель обрек себя на повторение политики Страффорда и даже как бы повторял его слова: «народу, говорил он, важнее иметь действительное, нежели чисто формальное обеспечение свободы». И вот вводится настоящий военный деспотизм. Англия разделяется на десять военных округов, из которых каждый подчиняется одному генерал-майору с правом арестовывать католиков и роялистов, которые будут подозрительными, всех же их вообще обезоруживать с наложением на них карательного налога в размере десятой части доходов, ими получавшихся. Если правление генерал-майоров, прибегавших ко всяким мерам, к каким только способна прибегать военная власть, было настоящим военным деспотизмом, то, с дру-

гой стороны, Кромвель осуществлял многие административные меры, намеченные еще Бербонским парламентом, своею властью в духе того, что позднее называлось просвещенным абсолютизмом, столь характерным для континента во второй половине XVIII века. Между прочим, упорядочены были и церковные отношения путем образования в графствах церковных комитетов из джентри и духовенства, в которых объединялись и пресвитериане и конгрегационисты в деле выбора проповедников, наблюдения за их порядочностью и даже устранения за порочную жизнь, причем за всеми жителями признавалась свобода веры. Это не было ни восстановлением епископальной церкви, ни введением пресвитерианской, ни отделением церкви от государства, но некоторым вмешательством последнего в управление приходами, хотя без какого бы то ни было признака обязательного для всех единообразия. Даже враги Кромвеля находили созданные им в этой сфере порядки очень удачными.

В то же время протектор развивал свою внешнюю политику, руководствуясь часто не столько реальными интересами страны, сколько старыми традициями вроде необходимости борьбы с католическими держа-

вами и в первую очередь с Испанией, в середине XVII века вовсе не имевшей той опасной для протестантизма силы, какую она обладала за сто лет перед тем. Начатая Кромвелем с Испанией война окончилась удачно, причем Англия приобрела Дюнкирхен и Ямайку. Кромвелю уже приписывали на материке грандиозные планы — протестантского союза против Габсбургов, союза с Венецией против турок, чуть не завоевания обеих Индий, а его дипломатия заступалась за протестантов во Франции, в Сардинии, в самом Риме. Эта-то широкая внешняя политика и ускорила созыв протектором нового парламента. Выборы в этот парламент уже не были такими свободными, как в 1654 году. Шотландские и ирландские представители были просто назначены правительством. В самой Англии были пущены в ход все средства правительственного влияния, чтобы выбраны были подходящие лица, так или иначе зависевшие от правительства. Когда палата собралась в сентябре 1656 года, около ста оппозиционных членов были кассированы государственным советом под предлогами политического и религиозного свойства. Парламент оказался послушным, одобрил иностранную политику протектора, вотировал

большие субсидии, но отнесся весьма отрицательно к генерал-майорскому правлению, как к тираническому, несмотря на то, что Кромвель старался оправдать необходимость этой меры. Он даже хотел, чтобы парламент утвердил все действия генерал-майоров, но составленный в этом смысле билль был решительно отвергнут палатой. Кромвель на этот раз подчинился, и осужденная парламентом система была отменена. Вообще задачей этого парламента было восстановление законности в управлении страной.

В нем была влиятельная группа юристов, указывавшая на то, что законы страны, — конечно, традиционные, — знают лишь прерогативы короны, но им ничего не известно о протекторате с неопределенной властью. В марте 1657 года в парламенте зашла даже прямая речь о восстановлении монархии, о превращении протектора в монарха. Армия негодовала, потому что «каждый король только тиран», и Кромвель, сочувствовавший восстановлению старой конституции, отказался от принятия короны, дабы, «не возложить на плечи войска такие трудности, которых оно не смогло бы вынести». «Они, говорил он о солдатах, честные и верные люди. Хотя благочестие

заставит их покорно повиноваться всему, что прикажет парламент, но я по долгу и по совести не могу думать, чтобы то, что их правильно и законно может огорчить, получило божие благословение. Я не могу взять на себя управления с этим титулом короля».

Кромвель понимал, что на этом вопросе мог бы произойти разрыв армии с парламентом, и отказался от короны, хотя принятие ее соответствовало его идее о правлении «одного лица и парламента». Но это не значило, что Кромвель и парламент отказались от существования того «Акта о правительстве», в состав которого входило и восстановление королевского титула. 26 июля 1657 года Кромвель был в парламенте провозглашен как лорд-протектор Англии, причем спикер возложил на него государственную мантию, вложил в его руку скипетр и препоясал его мечом правосудия. Новым актом Кромвелю было предоставлено право назначить себе преемника, с тем, чтобы все последующие протекторы избирались. Парламент должен был впредь состоять из двух палат, и назначать членов «другой палаты» было сделано правом лорда-протектора. Решать о правильности избрания членов палаты было предоставлено ей самой. Объяв-

лены были непререкаемое право палаты на вотирование налогов и всеобщая свобода совести, но не свобода публичного богослужения, из которой были исключены паписты и рационалистические секты.

Таким образом восстанавливались существенные черты старой конституции. Положение Кромвеля получило характер легального национального учреждения. Он достиг высшей власти и считал, что это было исполнением божественного предопределения, что теперь настанет время осуществления всех упований и его самого, и армии благочестивых людей, и всего народа. Англия должна была быть примерною странюю набожности и благочестия. Светским развлечениям пуританизмом была объявлена война—театру, скачкам, боям быков и петухов, маскарадам, танцам. Но это не так-то нравилось «старой веселой Англии». Против сектантского ригоризма начиналась реакция. Массу оказалось невозможным переделать, новое же поколение росло совсем в другом направлении, начиная со старшего сына Кромвеля, не обнаруживавшего никакой особенной религиозности. Кромвель не мог не видеть этого, не мог не понимать, что приводило его в уныние, а плохое здоровье влекло за собою утомление властью. Все это делало его

страшно раздражительным. Да и сессия 1658 года не могла порадовать Кромвеля. Палата настроилась оппозиционно, особенно по отношению к «другой палате», которую протектор неосторожно назвал лордами. 4 февраля совершенно неожиданно Кромвель приехал в здание парламента и, потребовав к себе обе палаты, сказал им, заключая речь, состоявшую из одних упреков: «я распускаю парламент, и да будет бог судьей между мною и вами!». Армия была довольна; офицеры клялись, что будут до конца верны «его высочеству»,—величание, которое было приевоемо лорду-протектору. Но Кромвель собирался созвать новый парламент, очень раздражаясь, когда встречал несогласие с этим в государственном совете. Но ему не суждено было это сделать. 3 сентября 1658 г. он скончался.

XV. Агония республики.

Непрочность внутреннего положения после Кромвеля.—Общественная реакция в Англии.—Характер Ричарда Кромвеля.—Парламент 1659 года.—Хозяйничанье армии.—Генерал Монк.—Конец долгого парламента.—Реставрация Стюартов.—Возвратившиеся в Англию сыновья Карла I.—Следы в жизни, оставленные первой революцией.—

Смертельная болезнь подкралась к Кромвелю, когда он был на верху славы и могущества, считался первым человеком в ме-

ждународной политике Европы (отзыв о нем молодого Людовика XIV) и пользовался в Англии властью, которая могла бы удовлетворить самого Карла I или Страффорда. Но среди всего этого величия Кромвель испытывал душевную тревогу за то дело, которое он создавал в согласии со своими убеждениями (а в известных случаях и предрассудками). Внутреннее положение в Англии было все-таки непрочным, и желательные Кромвелю отношения между им самим, как «одним лицом», которому, по его убеждению, должна была принадлежать исполнительная власть, и обладателем власти законодательной, парламентом, не налаживались, а тут еще приходилось считаться с армией, вышний командный состав которой склонялся к военной диктатуре, к управлению генерал-майоров в отдельных частях Англии. Обыкновенно мало обращают внимания на то, что болезнь Кромвеля вывела его из прежнего его душевного равновесия, сделав его до крайности раздражительным, в чем нельзя не видеть, думается, одной из причин его порывистых шагов вроде последнего роспуска парламента, когда он вдруг, совершенно внезапно велел поскорее подать ему карету и поехал в Вестминстер (часть Лондона, где заседал парламент).

Нервность Кромвеля объясняется еще тем, что ему с большими основаниями приходилось опасаться за свою жизнь,—обстоятельство, с которым считался и парламент, когда обсуждал меры для охраны своего протектора. Один человек, полковник Сексби, личный друг будущего Карла II, писавший под псевдонимом Вильяма Аллена, в памфлете под характерным заглавием «Умерщвление не есть убийство», доказывал право каждого англичанина покончить с общим врагом и тираном. Итак, все было непрочным, что Кромвель лучше всякого другого чувствовал и сознавал. С ним впоследствии сравнивали двух людей из другой эпохи, Вашингтона и Бонапарта, противопоставляя его первому и сопоставляя с ним второго, как человеческие личности, не принимая в расчет разницы в их положениях, но после Вашингтона и Наполеона осталось в жизни Соединенных Штатов и Франции нечто прочное, длительное. Находясь в положении, аналогичном тому, в каком был Кромвель, Наполеон оставил после себя административную централизацию, известную финансовую систему, конкордат, гражданский и другие кодексы и т. п., сохранившиеся при реставрации Бурбонов, а от мер Кромвеля сохранилась только отмена

остатков феодализма, стеснявших землевладельцев.

Англия переживала глубокую общественную реакцию против индепендентства. Пуританский ригоризм, как пресвитерианский по шотландскому образцу строгого кальвинизма, так и сектантский, видевший греховность во всех радостях земной жизни, искреннее благочестие одних и явное ханжество других, приходились совсем не по душе большинству населения. Страна оставалась «старой веселой Англией» и мало чувствовала склонности быть республикою святых. Религиозный догматизм не разделялся образованными людьми, среди которых развивался интерес к науке; в Лондоне уже возникало тогда знаменитое ученое общество, которое во время реставрации стало называться королевством и существует до сих пор. Кромвелю это явление было непонятно. Начиналось и свободное, рационалистическое отношение к религии, из которого в скором времени вырос потом деизм, как «разумная естественная религия». Гоббе создавал свою чисто светскую и даже материалистическую теорию общества и государства, не имевшую ничего общего с чем-либо благочестивым и божественным. Недовольны были и люди, которым не было ни малейшего дела ни до

естествознания, входившего в моду, ни до философии, заявлявшей права разума на верховенство в области мысли, недовольны были и широкие круги общества, все более и более забывавшие тиранию времен Страффорда и Лоуда, забывавшие и свои несогласия, так что против крайнего пуританизма в общей оппозиции соединялись роялисты, пресвитериане и даже некоторые из видных республиканцев вроде Генри Вена, оставшегося противником произвола. Предложение Кромвелю короны в 1657 году было симптомом этой общественной реакции. Кромвель вынужден был отклонить титул короля, но сделался почти королем: мог назначить преемника своей власти, чем была замаскированная ее наследственная передача сыну Кромвеля, Ричарду; торжественная инаугурация Кромвеля заменяла собою коронацию, причем религиозный элемент последней выразился в передаче лорду-протектору Библии: ему даровано было и королевское право помилования осужденных преступников. Англия шла к реставрации, если не Стюартов, то монархии, и нет ничего невероятного в том, что не воспротивилась армия, в Англии могла бы начаться династия Кромвелей или, по крайней мере, в списке ее королей прибавилось бы имя Оливера I. При общем на-

строении страны королевский сан был бы лишнею опорой для Ричарда Кромвеля.

Ричард Кромвель был старшим сыном протектора, назначенным им своим преемником, тогда как второй, Генрих, был наместником в Ирландии, где восстановлены были страффордские порядки в управлении. Правда, последняя воля умиравшего Оливера Кромвеля была выражена как-то так, что в ней можно было и сомневаться, но против занятия Ричардом протекторской должности протестов не было. Общественное мнение было удовлетворено тем, что новый протектор «не принимал участия в губительных раздорах», как это выразило одно пресвитерианское духовное лицо. Ричард Кромвель не был ни выдающимся военным деятелем, ни особенно «благочестивым» пуританином, ни приверженцем какой-нибудь партии, стремившейся к преобразованиям, и, в сущности, был довольно-таки заурядным человеком без энергии и ума своего отца и без его авторитета в армии и в публике. Он мог быть только игрушкой в руках других, а эти другие настояли на том, чтобы парламент был выбран по старой системе выборов. В парламенте 1659 года началась жестокая критика действий «печальной памяти его высочества, который, как

говорил один оратор, в разное время служба разным партиям, лишил англичан их свободы», и критика действий армии, «не только побеждавшей врагов и покорившей Шотландию и Ирландию, но и подавившей в самой Англии закон». Между парламентом и армией произошел конфликт, причем армия заставила протектора распустить парламент, заменив его остатками палаты общин, разогнанной самой же армией в 1653 году.

Конечно, за всю армию действовал совет офицеров, требовавший, чтобы вождем армии был не протектор, а один из генералов, отказавшийся исполнить приказание протектора разойтись и, наоборот, сам подчинивший себе его волю, даже восстановивший палату общин 1649—1653 годов, какою она была после прайдовой счистки конца 1648 года. Но это «охвостье» долгого парламента само поссорилось с офицерством, а между тем Ричард Кромвель перестал быть протектором. Началось хозяйничанье военной силы, которая, однако, не была единодушной, как во времена Оливера Кромвеля. Дело доходило до того, что генерал Ламберт овладевал зданием парламента, а новый главнокомандующий, генерал Флитвуд, не встречал повиновения в других генералах, из которых

некоторые считали себя ничуть не ниже этого генерала. Готовилось новое междоусобие, которое было бы чисто военным. Тогда генерал Монк, командовавший в Шотландии, не желая подчиниться Флитвуду, но и не рассчитывая занять место Кромвеля, решился действовать на свой страх в пользу реставрации Стюартов.

Армия, находившаяся в Шотландии, протестовала против поведения своих товарищей в Лондоне, и Монк собирался идти на столицу, чтобы прежде всего освободить парламент. Между тем палата общин потребовала отставки Флитвуда и Ламберта, на что армия ответила новым разгоном палаты, вместе с тем поручив Ламберту усмирение Монка. Последний начал с Ламбертом переговоры, воспользовавшись этим временем для усиления своей армии. Во всей Англии настроение стало складываться в его пользу; потому что своим лозунгом он сделал «свободный парламент». В Лондоне опять было созвано собрание остатков долгого парламента, но оно не имело никакого авторитета. Даже солдаты Ламберта не оказали никакого сопротивления Монку, так что в начале февраля 1660 г. он уже был в Лондоне, где его с нетерпением ожидал народ. Генерал оказался и хитрецом. Все время он заявлял,

что верен установившемуся порядку, но в то же время подавал надежду на свободный парламент, сумел одних заставить поверить его республиканским чувствам, а других удалить из Лондона.

В палате общин появились теперь те члены, которые были из нее изгнаны полковником Прайдом в декабре 1648 года, но только для того, чтобы вместе с бывшими раньше сделать постановление о своем легальном роспуске, потому что до сих пор долгий парламент считал себя юридически еще существующим. Произошли выборы, давшие новую палату, которая назвалась, однако, только конвентом и собралась 25 апреля 1660 года после того, как подавлена была военная вспышка под начальством Ламберта. На этот раз явились на свои места и лорды. Дело шло к реставрации, но еще раньше, чем был поднят вопрос в парламенте, Монк уже был в сношении со старшим сыном Карла I, находившимся в это время в Голландии. От Карла II не потребовали даже никаких новых условий, а сам он особой декларацией обещал амнистию, веротерпимость и удовлетворение претензий армии, после чего конвент постановил, что «по древним основным законам королевства власть в нем принадлежит и должна принадлежать

королю, лордам и общинам». 25 мая король высадился в Дувре. Настроение народа было все время такое, что армия быстро примирилась с совершившимся фактом. Генералы изменяли армии, народ был против нее, а в ней самой установилось убеждение, совершенно фаталистическое, что такова, значит, воля божия. Материальные ее интересы обещано было удовлетворить, и благочестивые воины пуританизма возвратились в свои хутора, в свои лавки, в свои мастерские. В числе лиц, содействовавших реставрации, был и Ферфэкс, еще в 1659 году провозгласил себя за Карла II, а потом был членом депутации, ездившей с приглашением Карла II вернуться.

Карлу II было только пятнадцать лет, когда произошел разгром войска его отца при Нэзби, и девятнадцать, когда был казнен его отец, а сам он провозгласил себя королем, будучи признан и в Шотландии и в Ирландии. В 1650 году в Шотландии он даже короновался, но, разбитый Кромвелем при Ворчестере в 1651 году, проживал потом во Франции и в Голландии, получая между прочим пенсию от Людовика XIV. При воцарении в Англии ему было тридцать лет. Вернувшись на родину, Карл II довольно тонко иронизировал по поводу того, как

все его принимали: «это — собственная вина, что я раньше не вернулся, потому что я не видел никого, кто не уверял бы меня, что всегда желал моего возвращения». С ним приехал с континента бывший немного моложе его второй сын Карла I, герцог Йоркский, будущий Иаков II. Оба брата, непохожие друг на друга, первый человек веселый, второй сумрачный, одинаково чувствовали склонность к католицизму и были поклонниками французского абсолютизма. Они привезли с собою намерения, которые должны были встретить отпор в нации, пережившей такую революцию, но пока народ был утомлен, желал прежде всего мира и спокойствия, что и позволило Стюартам начать свою абсолютистскую политику.

Таков был конец первой английской революции. В 1660 году в Англии была восстановлена старая конституция, в которой прерогативу короны и привилегию парламента можно было толковать различно. Из того, что было сделано долгим парламентом, остались в силе лишь первые его акты, бывшие утвержденными Карлом I до начала междоусобной войны, а из постановлений республиканского времени удержался только ордонанс Кромвеля, снимавший феодальную тяготу с помещичьей земли. Но от времен

революции в Англии осталось нечто еще в нравах и обычаях нации, начиная с более всего бросающегося в глаза строгого празднования воскресного дня. Оставила свой след революция и на английской литературе, главным образом на публицистике, которая отразила на себе борьбу разных политических направлений и настроений. Наконец, без первой революции не было бы и второй.

XVI. Черты пуританских нравов и литературы.

Сравнение двух реформаций. — Влияние в Англии итальянского гуманизма. — Пуританский ригоризм. — Внешний облик пуритан. — Запрещение всяких развлечений самим парламентом. — Религиозная ревность; индепендентов. — Церковный характер парламентского красноречия. — Пристрастие к ветхому завету. — Джон Бёниан, пуританский проповедник и поэт. — Мильтон, пуританский поэт и публицист. — Защита Венем свободы совести. — Другие аргументы в пользу этого принципа.

Первая английская революция была столкновением не только между королевским абсолютизмом и парламентской свободой, но и двух религиозных реформаций. Английская реформация XVI века была государственной, но рядом с нею, в том же XVI веке, зародилась реформация народная, которая и выразилась в пуританизме XVII века. Оба столкновения объединились, влед-

ствие чего чисто политические партии получили характер и религиозных конфессий. Во время революции победила более крайняя партия индепендентов, которая в религиозном отношении отличалась большим одушевлением, доходившим до фанатизма. По сравнению с индепендентской реформацией прежнюю англиканскую можно назвать официальной, казенной, в которой на первом плане стояли национально-политические цели и задания, а не морально-религиозные, характеризующие пуританизм.

Англиканская реформация совершилась тогда, когда английское образованное общество испытывало сильное влияние итальянского Возрождения. Порожденный им гуманизм был культурным явлением совершенно светским, питавшимся античной литературой, увлекавшимся классическим миром, даже проникавшимся языческим настроением. Величайший английский поэт эпохи, Шекспир, умерший за четверть века до начала долгого парламента, был настоящим воплощением гуманистической культуры эпохи и так мало интересовался церковными вопросами, что мы даже не знаем, был ли он хорошим сыном англиканской церкви или отклонялся от нее в ту или другую сторону. Шекспир был настоящим выразителем «старой весе-

лой Англии», в которой особенно высоко стоял театр и очень ценились всякие светские развлечения и забавы. Вот уж у кого менее всего можно было бы искать строгого пуританского духа.

Как-раз именно иным был этот пуританский дух. Его родоначальником был Кальвин, который за сто лет до английской революции превратил тоже бывшую веселую Женеву в подобие монастыря. Тот же ригористический характер придал шотландскому пресвитерианизму его ученик Джон Нокс. Догмат предопределения требовал от верующих вести себя в земной жизни так, как будто они были предызбраны для вечного спасения, а для этого нужно было отказываться от радостей жизни, подавлять в себе инстинкты человеческой природы, всегда думать только о своем спасении, сокрушаться о своих грехах, молиться и читать библию, дабы почерпнуть из нее назидание для жизни. Это было возобновление в новом виде средневекового монашеского аскетизма, столь противоположного жизнерадостному итальянскому гуманизму. Сектанты еще шли дальше в этом направлении, чем пресвитериане. Уже у немецких анабаптистов в XVI веке было недоверие и даже презрение к светской науке, прямая ее боязнь и взгляд

на нее, как на дело греховное. Театр в глазах пуритан был не чем иным, как бесовским навождением, величайшим грехом, как и всякие другие удовольствия, как и чтение книг легкого содержания.

И во внешнем своем облике пуританин проявлял свой ригоризм. Он одевался во все темное, простое, без украшений, коротко стриг волосы, всегда был сдержан, не шутил, не смеялся, ходил и говорил степенно, любил в передаче своих мыслей библейские обороты речи и сентенции и строго осуждал всякую роскошь, изящные манеры, светскую любезность, праздники и пиры. Крайними сектантами даже были усвоены особые, отличительные манеры — поднимать глаза к небу, говорить почему-то в нос, казаться безразличными ко всему внешнему. Того же они требовали и от других.

Мрачный пуританизм, сменивший жизнерадостность старой веселой Англии, стремился наложить свою печать на всю жизнь нации. В 1644 году пресвитерианский парламент запретил по воскресеньям торговлю съестными припасами, переноску тяжестей, поездки, всякую работу под угрозой штрафа в десять шиллингов; запретил игры, спорт, танцы, посещение трактиров и питейных заведений тоже под угрозой штрафа. Если в проступ-

ках этого рода провинялись дети, на родителей или опекунов этих детей налагался штраф за каждое из запрещенных деяний, а если кто не в состоянии был уплатить наложенную на него пеню, то не угодно ли было отсидеть, хотя бы только три часа, под арестом. Позднее, в 1650 году, при господстве индепендентов строгости за несоблюдение святости воскресного дня были удвоены. Гонения на удовольствия усилились. Театры закрывались и даже разрушались, актеров секли, зрителей подвергали штрафам. Игрных домов не могло быть, держание пари отнесено было к серьезным проступкам против благочестия; в особенности же преследовались всякие ухаживания и романы вплоть до карания предубодеяния смертною казнью. Все, что было за сто лет перед тем придумано Кальвином в Женеве, теперь пытались применить ко всей Англии. Большинство населения тяготилось таким ригоризмом, но все-таки ему подчинялось, и вот в современной Англии можно видеть, как по воскресеньям сокращаются, даже почти прекращаются и уличное движение, и железнодорожные поезда, и посещение ресторанов и кафе.

Более всего внешних проявлений пуританского духа было в армии и в таком со-

брании, каким был Бербонский парламент. Солдаты Кромвеля не божились, не ругались, не пьянствовали, не обижали мирных жителей. Когда армия была распущена по домам, то все тотчас же принялись за работу, никто не бродяжничал, не нищенствовал, не обвинялся в кражах или в насилиях. Солдаты охотно сбегались на проповеди и на благочестивые собеседования, молились вместе и распевали псалмы, между прочим, находясь даже в караулах. Религиозная ревность индепендентов выражалась самыми необычными способами. Евангельское возвешение истины с кровель понималось в буквальном смысле: проповедник влезал на крышу. Каждый мог проповедывать. Знаменитый основатель квакерства Фокс ходил по улицам и площадям, обличал греховность современников, а один из его учеников, некто Сампеон, уверял, что сам бог ему повелел ходить голым и босым по рынкам, по дворам, по домам и обличать всех; однажды он нарочно измарал свое лицо и говорил людям: «Господь так измарает вашу религию». Случилось один раз и так, что совершенно голая женщина вошла в капеллу, где совершалось богослужение в присутствии Кромвеля. Или вот, в один вечер, когда надвигались сумерки, анабаптисты

окрестили сто мужчин и женщин, погружая их в воду с головою. Одного такого анабаптиста привлекли к суду за то, что он совершил подобное крещение неосторожно, в слишком холодной воде, над одной женщиною, которая потом умерла. Я уже упоминал выше, что нередко религиозная экзальтация сектантов сопровождалась нервными припадками, от которых и произошло название квакеров (трясучек).

Индепендентские речи в парламенте, особенно в Бербонском, имели тоже проповеднический характер, с постоянными призываниями имени божия, с приведением библейских текстов, с разными упоминаниями и намеками, касавшимися священных событий или предметов. Кромвель не составлял исключения в этом отношении, как и в своих письмах. Оправдывая свою политику, он почерпал аргументы из Библии, в которой искал и советов. Однажды он занялся очень длинным толкованием одного псалма. «Я верю, говорил он при этом, что господь вознамерился дать освобождение народу своему от бремени и исполнить обетование псалма 113. Он, псалом этот, и сообщает мне мужество». У Кромвеля такой стиль существовал еще до начала революции, что видно из его писем, так

что нет надобности видеть в подобном способе выражения своих мыслей желания подделаться под господствовавшую моду. Люди зачитывались библией, усваивали себе ее представления, ее выражения, ее обороты речи.

Замечательно пристрастие этих людей, как и немецких сектантов, к ветхому завету. Евангелие не давало пуританам никаких указаний на учреждения, на законы, на способы ведения войны, а все это они находили в законе иудейском, по которому знакомились с заветами гнева и мести, в искоренении идолослужения, приравнивая к последнему обрядность католической и англиканской церкви. Всю жизнь пуритане хотели бы пропитать библейским духом, превратить Англию в «избранный народ божий», основать «царство небесное на земле». Самый литературный стиль пуритан был библейский, без всякой заботы о художественности.

Новое настроение той части английского общества, которая наиболее деятельно проявляла себя в жизни, нашло свое выражение и в литературных произведениях той эпохи, что мы здесь вкратце и отметим.

Прежде всего остановимся на Джоне Бэниэне (Bunian), ремеслом лудильщике и

жестянике, проповеднике и поэте, не оставлявшем своего ремесла и тогда, когда был уже знаменитостью своего времени. Веселый и беззаботный малый в ранней молодости, он скоро остепенился, предался чтению библии и размышлениям о религии и сделался, как многие в то время, проповедником на площадях, на рынках, в харчевнях, начав вместе с тем писать богословские сочинения. Едва Стюарты вернулись в Англию, как Бёниэн подвергся преследованию и по приговору суда попал на двенадцать лет (1660—1672) в тюрьму, по освобождении откуда издал свое «Путешествие пилигрима», возобновив и проповедническую деятельность с необычайным успехом. Это произведение—аллегорический рассказ, герой которого понял суету мира и поставил своею целью осуществление в жизни евангелического идеала, автор же имел в виду образно представить простым читателям путешествие, вернее «хождение» человека по жизни среди ее опасностей, одну из которых он изображает в лице Мирской Мудрости, другую в образе великана Отчаяния.

Поэт-проповедник родился годами двумя (1628) позже смерти поэта-актера (1626) и был всецело произведением пур-

танской реформации: в год основания республики ему только-что исполнилось гражданское совершеннолетие. Бёниэн переживал еще в детском возрасте отчаяние при мысли о вечных муках в адеком огне, которые ему рисовало в самых страшных чертах его необузданное воображение. Ему все казалось, что его искушает дьявол. У него были даже видения. Начитанный только в библии и в благочестивых книгах, он был беден отвлеченными идеями, но богат образами и настроениями. 32 лет от роду он попал в тюрьму, где протомился столь долгое время, продолжая думать все об одном—об осуждении и спасении в духе доктрины Кальвина. Спасает только одна благодать,—тема, на которую он и пишет свою аллегорическую поэму, доселе еще читаемую в Англии и бывшую переведенною на чужие языки*), благодаря своим литературным достоинствам.

Бёниэн был выпущен из тюрьмы всего за два года до смерти другого, более великого пуританского поэта, бывшего и публицистом, Джона Мильтона. Получив, как мы видели, гуманистическое образование, он примкнул к пуританизму и играл некото-

*) Русский перевод был издан еще в 1782 году, и был более новый (1878, 1903, 1910). Один отрывок был переложен в стихи Пушкиным.

рую роль в делах управления при республике. Его литературная слава зиждится на его религиозной поэме «Потерянный Рай», созданной им в эпоху реставрации, когда он уже давно (с 1652 года) был слепым. Эту поэму ставят рядом с «Божественной комедией» Данте: последняя была поэтическим воссозданием католического мирозерцания, первая—выражением настроения протестантского. Мильтон вдохновлялся в «Потерянном Рае», как и его продолжении под заглавием «Возвращенный Рай», Библией. Бог, Мессия, Сатана, ангелы и демоны, Адам и Ева—вот персонажи поэмы Мильтона, но в поэме есть и религиозные и политические настроения эпохи.

Для истории первой английской революции важнее Мильтон, как прозаический писатель. Мы не будем останавливаться на его богословских трактатах (есть и такие) или на его исторических трудах (тоже есть), но коснемся его деятельности, как публициста. Мы уже упоминали о его защите свободы печатного слова в «Ареопагитике», которой он придал форму «речи к парламенту Англии за свободу невозбранного книгопечатания», как в другом трактате он отстаивал свободу развода. Упомянуто было о его книге «Иконоборец», написанной про-

тив анонимного «Королевского образа» (Eikon Basilike), в котором Карл I был выставлен мучеником. Кроме этой книги, в защиту революции Мильтон написал еще «О праве королей и сановников» и «Защиту английского народа». Эта последняя была написана в опровержение трактата Сомеза «Королевская защита», появившегося во Франции. Мильтон является здесь теоретиком народовластия, доказывая право народа на верховную власть таким богословским соображением, именно и характерным для пуританского мышления. Бог создал человека по образу своему и подобию, говорится в Библии, но это значит, что человек должен быть свободным и пользоваться властью, дабы сохранить эти образ и подобие, а раз это так, то и народу принадлежат те свобода и власть, которые существуют для каждого отдельного человека. Перед самой реставрацией Мильтон выпустил в свет памфлет на тему «О скором и легком пути установления свободной республики», а в конце своей жизни трагедию «Мучения Самсона», где историей этого библейского богатыря воспользовался для выражения того настроения, которое испытывал сам, видя разбитыми все надежды свободолюбивых пуритан. В вероисповедном вопросе он стоял на

индепендентской точке зрения, доходя даже до идеи отделения церкви от государства.

Реставрация пощадила жизнь Мильтона, но тяжело он, слепой, прожил последние годы своей жизни. Не пощадила реставрация Вэна, бывшего, как мы еще увидим, казненным. Он также писал трактаты, в которых отстаивал идеи народовластия и свободы совести, как и Милтон, на основании богословских соображений. Уже было упомянуто, что право на свободу совести у него выводилось из того, что, искупив род человеческий из рабства греху, Иисус Христос сделался единственным судьей в делах религиозной совести. Поэтому Вэн требовал, чтобы державный народ прежде всего наложил на себя ограничение в религиозной сфере. Вообще свобода совести занимала очень видное место в публицистике эпохи и доказывалась ссылками на Библию.

В одном тогдашнем памфлете приводились, например, такие аргументы: 1) притча о сеятеле, среди пшеницы которого выросли и плевелы, оставленные им расти до жатвы (т. е. до страшного суда); 2) апостольское наставление—каждому убеждаться собственным своим разумением; 3) текст о том, что где нет веры, там есть грех; 4) заповедь делать по отношению к другим лишь то, что мы хотели бы от других для нас самих.

Такова была тесная связь между политической революцией и пуританской религиозной реформацией. Такой связи во второй революции мы уже не видим, хотя и эта новая революция совершилась в защиту не только свободы, но и протестантизма. В эпоху реставрации произошла реакция против пуританского ригоризма и богословской направленности мысли. Теоретическая мысль делалась все более рационалистической, философскою, светскою. Самые бурные секты революции сделались более смиренными и стали переходить на точку зрения «непротивления злу», выводя и ее из христианства.

XVII. Последние два Стюарта.

Реакция в Англии.—Характер Карла II и его наследника.—Обещания Карла II.—Первый парламент его царствования.—Нарушения Карлом II прав парламента и делавшиеся ему уступки.—Восстановление епископальной церкви.—Тест-акт.—Закономерное ограждение личной неприкосновенности актом 1679 года.—Образование партий ториев и вигов.—Реакция в конце царствования Карла II.—Вигистское восстание в начале царствования Иакова II.—Подготовка реставрации католицизма.—Оппозиция англиканского духовенства.—Рождение у Иакова II сына.

Царствование двух последних Стюартов, Карла II и Иакова II, сыновей Карла I, мы рассмотрим лишь постольку, поскольку в это время возобновилась борьба между королевскою властью и парламентом, разрешившаяся второй революцией.

Возвращение в Англию, в 1660 году, прежней династии, сопровождавшееся восстановлением старой конституции, казалось англичанам началом периода мира, спокойствия, свободы, законности, но эти надежды не оправдались. Во-первых, как-никак, реставрация Стюартов была победой роялистов, которые теперь мстили своим недругам, а кроме того, и сами Стюарты были далеки от того, чтобы править по законам страны. Карл II был блестящий весельчак, любитель развлечений и удовольствий, нравственно распущенный, расточительный, приехавший с континента, где абсолютистские его идеи, унаследованные от отца, только укрепились, сделавшийся притом поклонником Людовика XIV и после даже получающий от него тайную субсидию для проведения в Англии абсолютизма. У Карла II было некоторое тяготение к католицизму, а его брат, герцог Йоркский, ставший наследником престола за неимением у короля рожденного в законном браке сына, даже прямо перешел в католицизм. В противоположность своему брату, с его отличавшимся любезностью и открытым нравом, это был человек необщительный, угрюмый, скрытный и более упрямый в своих стремлениях, нежели его старший брат, в

поведении которого была большая доля легкомыслия и оппортунизма. Карл II старался лавировать между разными течениями в обществе, но герцог Йоркский шел к своей цели напрямик, более похожий не на своего отца, а на деда, тупого Иакова I. Беспечный Карл II все более с течением времени подчинялся младшему брату, которого еще в начале царствования назначил генерал-адмиралом флота. По смерти Карла II герцогу Йоркскому предстояло сделаться королем, католику—главою англиканской церкви, что заставляло искренних протестантов возмущаться перед таким будущим.

Стюарты были возвращены на английский престол без каких бы то ни было условий. Обещая веротерпимость и удовлетворение армии, Карл II из обещанной амнистии исключил всех тех, кого парламент не найдет нужным помиловать, и парламенту же предоставил разбор вопроса о имуществе, переменявших своих владельцев в силу революционных мер. Первый же парламент, созванный в царствование Карла II, оказался очень стоворчивым и, в сущности, реакционным. Король так был им доволен, что не распускал его для назначения новых выборов восемнадцать лет (1660—1678), так что тот тоже заслуживал название долгого.

Этот парламент пошел навстречу желанию короля и дал ему большие субсидии, часть которых Карл II расточил на свои прихоти. Среди оставшихся в живых «цареубийц» парламентом был исключен из обещанной королем амнистии Генри Вэн, хотя как-раз этот деятель революции не участвовал в суде над Карлом I. Он был в числе других, преданных смертной казни, а многие же лица поплатились иными взысканиями. У людей, купивших что-либо из секуляризованных или конфискованных имуществ, эти приобретения отбирались без всякого вознаграждения. Мстили даже покойникам. Труп лорда-протектора был вынут из могилы и повешен на виселице.

С таким парламентом Карлу II жилось легко, но и сам он иногда уступал. Правда, он широко пользовался правом давать отдельное представительство новым бургам, прибегал к подкупам членов парламента, отсрочивал сессии чуть не сейчас же после их начала, брал под защиту своего авторитета провинившихся министров и вводил в практику так называвшиеся диспенсивную и суспензивную власть короны, т. е. право делать частные изъятия из законов и временно приостанавливать их действия. Последнее притязание шло особенно в разрез

с правами парламента. Подкапываясь под эти права, Карл II по своей беспринципности, как настоящий оппортунист, и уступал по временам общественному мнению страны и самому парламенту. Во внешней политике он, например, уступил своим подданным, когда вступил в войну с Людовиком XIV. Не раз он смещал министров по желанию палат. Законодательная инициатива членов парламента в эту эпоху упрочилась окончательно. Важно было и то, что в царствование Карла II парламент стал, вотируя субсидии, прямо обозначать, на какие надобности должны были идти вотируемые суммы. Парламент попрежнему пользовался популярностью в нации, хотя в нем и была преимущественно представлена джентри, состоявшая лишь из 340 тысяч на почти шестимиллионное население, в котором, впрочем, было еще довольно много избирателей.

С монархией была восстановлена и епископальная церковь, к которой принадлежало все-таки большинство населения. Католиков в стране было 25, много 30 тысяч, протестантских диссидентов около 300 тысяч, из которых только около 20 тысяч было пресвитериан. Епископальная церковь попрежнему оставалась одною из опор королевского авторитета; как раз своими

симпатиями католицизму Стюарты отшатнули от себя эту опору. Открытый переход герцога Йоркского в папизм (1669) сопровождался, некоторое время спустя, прокламацией его брата об «индульгенции» в делах религий, т. е. декларацией о снятии с нонконформистов лежавших на них «естественных», что, в сущности, было сделано в пользу католиков. Пуритане заявили, что они не хотят пользоваться выгодами, которые предложены одновременно и «слугам Антихриста», а парламент настоял на отмене индульгенции и даже заставил Карла II согласиться на совершенно противоположную меру.

Согласно изданному в 1673 году тест-акту, т. е. закону о присяге, никто не мог занять никакой должности без присяги королю, как главе церкви, и без заявления отрицательного отношения к католическому учению о причащении. Закон был направлен против католиков. Герцог Йоркский должен был сложить с себя звание генерал-адмирала, один из министров, католик, также вышел в отставку, а когда пронесся слух, что против Англии составлен был заговор с участием герцога Йоркского, парламент принял строгие меры против католиков, результатом чего были некоторые казни.

Оппозиция нарастала в парламенте 1660—1678 годов, что заставило короля его распустить. Новый парламент оказался тоже оппозиционным. Король помиловал одного министра, осужденного прежним парламентом, против чего новый протестовал и постановил считать изменником всякого своего члена, который стал бы поддерживать такое право короля. Но особенно важно было издание этим парламентом так называемого «Габеас-корпус-акта», обеспечивавшего личную неприкосновенность подданных. Это было запрещение (под страхом тяжких наказаний) произвольных арестов, держания арестованного в тюрьме без суда, перевода человека из тюрьмы в другую, с правом родных, друзей, знакомых и кого угодно требовать скорейшего судебного рассмотрения причин ареста. Этот акт после Великой хартии 1215 года и Прощения о праве 1628 года является как бы «третьей Великой хартией».

Издание указанного закона относится к 1679 году и было вызвано случаями произвольных действий королевской администрации. Вскоре поднялся в парламенте и другой вопрос—об исключении герцога Йоркского, как католика, из права наследовать престол, причем партия, стоявшая на такой

точке зрения, имела в виду кандидатуру герцога Монмута, внебрачного сына короля. Эта партия получила у своих противников название вигов (так обозначались шотландские бунтовщики), а самих их прозвали тори (ирландские бунтовщики), что было возобновлением противоположности между круглоголовыми и кавалерами. Виги ссылались на кальвинистское учение о существовании между государем и народом договора с правом подданных отказать власти в повиновении в случае нарушения ею законов, а тори защищали божественное происхождение королевской власти, проповедывавшееся англиканской церковью. Эти два названия для обозначения консервативной и более прогрессивных партий сохранились в Англии вплоть до нашего времени.

Карл II поспешил распустить парламент, чтобы помешать принятию «билля об исключении», но агитация продолжалась, и когда палаты были вновь созваны, билль прошел в нижней палате, а верхняя его отвергла. Карл II отсрочил заседания парламента, а потом его созвал не в Лондоне, боясь настроения столичного населения, но в Оксфорде для того, чтобы скоро же его распустить. С 1681 до 1685 года парламент более не созывался, вопреки трехгодичному

акту долгого парламента, остававшемуся в силе. В это время наступила жестокая реакция. Открыт был вигистский заговор, лишь немногие участники которого спаслись бегством на материк, а также был помилован герцог Монмут, участвовавший в заговоре, другие же все казнены, в их числе Альджернон Сидней, участвовавший в суде над Карлом I, но подававший голос против его смерти, получивший в 1677 году амнистию, вернувшийся в Англию и сделавшийся членом парламента 1679—1681 года. О нем еще будет сказано, как о политическом писателе. Казнен был и лорд Россель, на суде защищавший право сопротивления в случае нарушения королем законов, но в день его казни оксфордские богословы торжественно осудили учение о договорном происхождении власти, как противное христианству.

В начале 1685 года умер Карл II. Некоторые виги устроили заговор, чтобы путем восстания посадить на престол своего кандидата, герцога Монмута, нарочно приехавшего в Англию с материка, но попытка потерпела поражение. Созванный Иаковом II парламент, в котором преобладала торнийская партия, не замедлил дать королю большие средства для подавления мятежа. Претендент, не нашедший поддержки в населе-

нии, был взят в плен, валялся в ногах у мстительного дяди, прося помилования; но был казнен. Начались так называемые «кровавые ассизы», судебные заседания под руководством судьи Джеффриза, приговаривавшие к смертной казни всех прикосновенных к делу Монмута.

Монмут не нашел поддержки потому, что англичане больше всего боялись новых смут, которые повели бы к гражданской войне. Остальное сделал правительственный террор, результаты которого, в виде полной наружной покорности нации, ободрили Иакова II в его намерении произвести католическую реставрацию. В год его восшествия на престол Людовик XIV отменил во Франции Нантский эдикт, дававший французским протестантам свободу вероисповедания. Иаков II хотел идти по тому же пути, опираясь на армию, численность которой была увеличена в виду восстания Монмута (и его сторонника в Шотландии Аргайля). Руководимый иезуитами, фанатик католицизма, очутившийся в положении главы церкви, пошел напролом. Вопреки тест-акту он раздавал должности в королевском совете, в высшем управлении, при дворе, в университетах, в армии и даже церковные должности католикам, допустив проезд в страну иезуитов

и разных монахов, разрешив им устраивать свои учреждения. Оправдывал он эти свои действия ссылками на свое диспенсивное право нарушать закон. Наоборот, за малейшую оппозицию его действиям, противным законному порядку, он лишал должностей и судей, и других чиновников.

Сильную оппозицию встретил Иаков II в высшем духовенстве англиканской церкви. В 1686 году он восстановил елизаветинскую Верховную комиссию, которая была отменена долгим парламентом, только теперь она называлась «комиссарами церковных дел». Задача ее была карать духовных лиц, препятствовавших религиозной политике короля. Имея в виду католиков, Иаков II возобновил декларацию об «индульгенции» своего брата. Это было весной 1688 года. Духовенство отказалось читать эту декларацию в церк-вах, а семь епископов подали королю пети-цию с протестом против индульгенции, рас-пространив ее и в народе. Тогда Иаков II возбудил против этих епископов преследо-вание, как против распространения лживого и злостного памфлета против него самого. Епископы были посажены в тюрьму и пре-даны суду «королевской скамьи», где пред-седательствовал Джеффриз. Адвокаты под-судимых доказывали, что подача петиции—

исконное право всякого англичанина, и присяжные оправдали епископов, что вызвало бурю восторга в зале заседаний суда и было сочувственно принято населением Лондона и всей страны. Любопытно, что адвокаты епископов принадлежали к торийской партии. В своем ослеплении Иаков II оттолкнул от себя самую консервативную силу в стране—англиканскую церковь.

Теперь и тории всполошились, особенно когда потеряли надежду, что со смертью Иакова II корона Англии перейдет к его дочери Марии, которая была замужем за протестантом, штатгальтером Голландии, или к другой, Анне, тоже жене протестанта, датского принца. Когда после долгого бесплодия королева сделалась беременною и потом, еще больше, когда у нее родился сын, не было сомнения, в каком исповедании будет воспитываться наследник престола. Тогда тории предоставили вигам свободу действий, а те произвели вторую революцию в защиту «свободы и протестантизма» в Англии с помощью Голландии.

XVIII. Голландское вмешательство.

Сравнение обеих английских революций с точки зрения их международного значения.—Международные отношения второй половины XVIII века.—Положение и личный характер Вильгельма Оранского.—Настроение в Нидерландах.—Джон Локк.—Виды Вильгельма Оранского.—Соглашение ториев с вигами.—Согласие генеральных штатов на экспедицию в Англию.—Успех высадки Вильгельма в Англию.—Бегство Якова II.—Бескровный характер второй английской революции.—Якобиты.—Значение второй английской революции в международной политике.

Вторая английская революция, низвергшая династию Стюартов с престола, была произведена с иностранною помощью, пришедшею из Голландии. Чтобы понять, почему Голландия содействовала перевороту, которого хотели в Англии виги, нужно бросить взгляд на международные отношения эпохи, который поможет оценить и не одно только местное, но и вообще европейское значение второй английской революции.

Первая английская революция происходила на почве чисто местных, национальных отношений, причем никто вне Англии не был особенно заинтересован в том, что внутри Англии тогда делалось. Гражданская война в Англии совпадает по времени с последними годами тридцатилетней войны, страшно обессилившей Германию, а в ее со-

ставе, главным образом, Австрию. Во Франции в те же годы происходили внутренние волнения, известные под названием фронды, бывшей тоже борьбою против абсолютизма, но несерьезной и довольно бестолковой. При Кромвеле английская политика доминировала в международных отношениях, и никто во внутренние дела Англии не вмешивался. С начала самостоятельного правления Людовика XIV преобладающее положение в европейской политике перешло к Франции, королю которой выгодно было иметь в Англии союзницу и пособницу, вследствие чего он и платил субсидии обоим последним Стюартам, желая вместе с тем успеха их абсолютистской и благосклонной к католицизму политике.

Но союз Англии с Францией был крайне невыгоден маленькой республике Нидерландских Соединенных Штатов, за столетие перед тем освободившейся от деспотизма своего государя, короля испанского, принявшей протестантизм, но отличавшейся веротерпимостью и сверх всего богатевшей от торговли и промышленности и даже обзаводившейся колониями. Людовик XIV встретил самого энергичного противника для своих завоевательных планов в лице принца Вильгельма III Оранского, наследственного штатгальтера,

в руках которого было заведывание вооруженными силами республики. Вильгельм Оранский приходился по матери внуком Карла I, вследствие чего Кромвель немало содействовал устранению его от власти, но вторжение французов в Нидерланды сделало принца генерал-капитаном и великим адмиралом республики и штатгальтером Голландии и Зеландии с утверждением наследственности этих должностей. Всю свою жизнь Вильгельм занимался составлением коалиций против Людовика XIV, стараясь иметь на своей стороне и Англию. Как сын дочери Карла I, он уже считался некоторыми возможным королем Англии вместо герцога Йоркского, а потому Карл II, чтобы предотвратить соперничество Вильгельма с его братом, устроил брак Вильгельма со своей племянницей Марией. В 1686 году Вильгельм образовал против Франции большую коалицию, Аугсбургскую лигу, в которой в союзе с Нидерландами были Австрия, Испания, Швеция и второстепенные германские государства. Все старания его привлечь к лиге и своего тестя Якова II, оказались тщетными, потому что тот был сторонником политики Людовика XIV, получая от него субсидию, и обязан был вести во внешних делах антиголландскую политику.

Вильгельм Оранский был человек незаурядный. Не обладая хорошим здоровьем, он отличался неослабной энергией и большою твердостью духа, будучи человеком холодным, сдержанным, скрытным, что делало его искусным политиком, опасным противником и прекрасным организатором союзников. Иметь на своей стороне Англию в борьбе с Францией было для него настоятельно необходимою, хотя бы для этого пришлось ссадить Иакова II, своего дядю и тестя, с его места.

Но Вильгельму нужно было и согласие народных представителей и одобрение общественного мнения страны. Сама Голландия чувствовала потребность в союзе с Англией против завоевательных планов Людовика XIV. Притом сама она была обязана своею политической и религиозной свободой революционной борьбе с деспотизмом и фанатизмом испанского короля, по стопам которого шли теперь короли французский и английский. Ее население не могло не сочувствовать делу свободы и протестантизма в Англии. Голландия вместе с тем еще привыкла оказывать убежище всем гонимым за веру. Здесь нашли приют польские антиринитарии (социниане), изгнанные из Польши в середине XVII века. Сюда же направились

французские кальвинисты после отмены Нантского эдикта в 1685 году. Наконец, и англичане, преследуемые на родине, тоже находили часто убежище в Голландии и чувствовали себя там хорошо. С этой стороны Вильгельм Оранский мог рассчитывать на поддержку в своем английском предприятии.

В Голландии в восьмидесятих годах XVII в. было немало английских беглецов, спасавшихся от политических и религиозных преследований. Все они, как и многие люди в самой Англии, возлагали большую надежду на то, что Вильгельм поможет им свергнуть Иакова II. В числе английских эмигрантов, вернувшихся на родину с Вильгельмом, был знаменитый философ Джон Локк. На его примере легко проследить смену настроений, переживавшихся англичанами в эпоху реставрации. В свое время Локк приветствовал реставрацию, говоря сам, что достигши сознательного возраста в эпоху свирепых бурь, он с радостью видит наступление мира и восстановление свободы, сменившей рабство. Будучи врачом лорда Шефтсбери, принимавшего участие в заговоре в пользу Монмута, он навлек на себя подозрение, усилившееся после бегства его пациента на континент. Отношение Локка к реставрации резко изменилось, и, чувствуя

себя небезопасным на родине он, подобно многим другим, уехал в 1683 году в Голландию, где должен был скрываться, потому что английское правительство потребовало его выдачи в числе других беглецов. В Голландии Локк сблизился с Вильгельмом Оранским и принял участие в переговорах, приведших ко второй революции. После нее Локк, как мы еще увидим, напечатал трактат, оправдывавший вторую английскую революцию.

Через таких эмигрантов, как Локк, и через своих представителей в Англии Вильгельм давно уже следил за внутренними делами ее. Как внук Карла I, он имел некоторое, хотя и отдаленное право на английский престол, а после своего брака с дочерью Якова II даже считал себя в праве вмешиваться во внутренние дела Англии. Некоторые его сторонники думали призвать его во время прений об исключении его тестя из права престолонаследия, но один из его приверженцев, ведших с ним переговоры, Шэфтебери, опасаясь, что Вильгельм не согласится поступиться чем-либо из королевской прерогативы, выдвинул тогда кандидатуру Монмута, потому что «худое право делает короля хорошим». В этой кандидатуре он видел нарушение прав своей

жены и ожидал, что парламент прямо провозгласит ее наследницей престола. Была и такая мысль—сделать Вильгельма «протектором», т. е. фактическим главою государства, сохранив за Иаковом II только титул короля.

Необходимость иметь Англию на своей стороне и рождение у Иакова II сына ускорили ход событий. Кроме вигов, давно тяготевших к голландскому штатгальтеру, и тории готовы были видеть его на престоле Англии, перестав сопротивляться замыслам вигов, предоставив им свободу действий. Еще высший английский клир колебался в виду того, что Вильгельм был кальвинист, но католик Иаков II был опаснее, да и сам Вильгельм обещал уважать англиканскую церковь.

Оставалось только убедить голландских представителей и Генеральные штаты в необходимости шага. В случае отказа Голландия имела бы Англию на стороне Людовика XIV, в случае согласия—на своей стороне. Генеральные штаты согласились. Приготовления к войне искусно выставлялись, как направленные против Франции, дипломатия же Людовика XIV подозревала правду и французский король предупреждал Иакова II, но тот понял дело уже поздно. Когда в начале октября 1688 года Вильгельм добился фор-

мального согласия Генеральных штатов на экспедицию в Англию, он послал в нее манифест о скором своем прибытии по просьбе духовных и светских пэров. Ни на море, ни на суше штатгалтер не встретил ни малейшего сопротивления. Напротив, его везде радостно встречали (ноябрь 1688 года).

Оставленный всеми, Иаков II в декабре бежал во Францию, отправив туда еще раньше жену и сына, но был пойман, возвращен в Лондон и вторично бежал, в чем ему на сей раз никто не стал мешать.

Так, не вследствие внутреннего переворота, а действием внешней силы Англия была избавлена от короля, восставшего на государственный строй и религию страны. Вторая английская революция обошлась без гражданской войны, да и иностранное войско не встретило на пути своем никого, с кем ему пришлось бы сражаться. При этой революции не было пролито ни одной капли крови: в английской истории такая бескровная революция была долго известна под названием «славной». Цель, которую себе поставил Вильгельм Оранский, предпринимая экспедицию в Англию, была достигнута. Англия присоединилась к анти-французской коалиции и вступила в войну с Людовиком XIV, во время которой французская армия

с Иаковом II во главе высаживалась в Ирландии, но была побеждена (1691 г.). В самой Англии была партия, стоявшая за возвращение Иакова II на престол (откуда получила название «якобитов»). Ей покровительствовала Франция, по смерти Иакова II признавшая его сына Иаковом III и даже впоследствии ему помогавшая овладеть престолом своего отца.

Конечно, трудно гадать, какое направление приняла бы история Англии, если бы в нее не вмешалась Голландия, нашедшая нужным оказать помощь парламенту и протестантизму в Англии против абсолютизма и католической реакции. Какие материальные интересы ни играли роль в международной политике эпохи (экономические, территориальные, колониальные), борьба шла между абсолютизмом и политической свободой, шла также между католической реакцией и веротерпимостью, и в этой борьбе место Англии было определено не ею самою, а вмешательством маленькой, но сильной своими материальными и духовными средствами Голландии. Политическая свобода в Англии пожинала плоды голландского вмешательства.

XIX. Сущность второй революции.

Властное положение Вильгельма Оранского в Англии.— Созыв конвента.— Вопрос о замещении вакантного престола.— „Билль и декларация прав“ и содержание этого документа.— Прекращение векового спора между королевскою властью и парламентом.— „Акт об устроении“ 1701 года.— Установление ответственности министров.— Начало долговременного господства вигов.— Социальная сторона второй революции.— Слабость демократии в эпоху второй революции.

В войске Вильгельма Оранского, конечно, было немало и англичан, главным образом, протестантских офицеров, удалившихся в Голландию, и других эмигрантов, но было значительное количество и французских эмигрантов из гугенотов после отмены Нантского эдикта, а также немало и немцев, отчасти присланных курфюрстом Бранденбургским. И все-таки это была иностранная военная сила, распорядитель которой мог смотреть на себя, как на господина положения. Виги предоставили ему временно управлять государством, дальнейшую судьбу которого должен был решить «конвент», парламент без короля. Палаты собрались в январе 1689 г., вотировали принцу благодарственный адрес и стали решать вопрос о том, что дальше делать. Обе партии, на которые разделилось собрание, были монар-

хическими. Они расходились по вопросу, объявить ли Иакова низложенным, как того хотели виги, или же признать престол вакантным вследствие отречения короля, выраженного самым фактом его отъезда из Англии. Виги, хотя и имели за себя большинство нации, уступили ториям и отказались от провозглашения Иакова II низложенным по воле народа в лице его представителей, хотя в декларации, признававшей отъезд из страны равносильным отречению, и было сказано о нарушении королем договора его с народом и основных законов государства. Формула была, значит, найдена такая, что и тория могли к ней присоединиться. По вопросу о замещении вакантного трона голоса разделились. Одни стояли за сына Иакова II под регентством Вильгельма Оранского, другие—за жену последнего, но Вильгельм объявил вигам, что от регентства он решительно откажется и будет, конечно, рад, если корона будет отдана его жене, но что в последнем случае ему делать в Англии больше будет нечего и он возвратится в Голландию. Со своей стороны, Мария выразила желание, чтобы власть была передана ее мужу, сестра же ее Анна, к которой по праву перешел бы престол по смерти Марии, не имевшей детей, согласилась на уступку престола ее зятю.

Положение было такое, что оставалось отдать престол Вильгельму. Если бы он исполнил то, что сказал, это значило бы удаление из Англии и той военной силы, которая пришла с принцем, а это открывало путь к междоусобиям, которые легко могли бы возникнуть после удаления Вильгельма из Англии. Торийское предложение о возведении на престол Иакова III под опекою Вильгельма было компромиссом, встретившим несогласие предполагаемого протектора, но виги придумали другой компромиссный исход — возвести на престол обоих супругов с передачею фактической власти одному Вильгельму, который должен был бы сохранить ее и в случае смерти своей жены раньше его собственной смерти. Вильгельм согласился на эту комбинацию. Все, таким образом, имеет во второй английской революции компромиссный характер: допущение вигов со стороны ториев к призыву иностранной силы, соглашение между обеими партиями по вопросу о причине вакантности трона, передача престола одновременно законной наследнице и лицу, избранному парламентом. По принятии супругами королевского титула конвент превратился в парламент и издал важный государственный акт, прочно определивший взаимное отношение королевской власти и

парламента. Этот акт называется «Билль и декларация прав» или просто «Билль о правах».

Этот документ, составленный с внешней стороны не особенно искусно, с длиннотами и повторениями, распадался на два отдела. В первой части первого отдела по пунктам перечислялись все поступки последнего короля, посредством которых он «при содействии разных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности королевства», «каковые все действия безусловно и прямо противны общезвестным законам и статутам о свободе королевства». Далее говорилось об отречении Иакова II от престола и о вмешательстве в дело Вильгельма Оранского. В этой второй, притом очень короткой части было сказано, что «его высочество принц Оранский, которого всемогущему богу угодно было сделать достойным орудием освобождения королевства от папизма и произвольной власти, приказал по совету духовных и светских лордов и некоторых значительных лиц из общин написать призывные грамоты, созвавшие данный парламент, и что в нем настоящим актом лорды и общины озаботились «восста-

новлением и удостоверением своих древних прав и вольностей». Тут начинается третья, самая существенная часть документа из тринадцати пунктов, содержание которых мы передадим дальше. Во втором отделе говорится о возведении на престол Вильгельма III и Марии, о согласии их на вышеуказанные пункты, к которым здесь прибавлено было еще объявление о несовместимости королевского сана в Англии с папизмом, в силу чего «всякое лицо, которое примирилось или примирится или будет поддерживать общение с римским престолом или церковью, или будет исповедывать папистскую веру, или вступит в брак с папистом и с паписткой, должно быть устранено и быть навсегда неспособным наследовать, обладать и пользоваться» властью в Англии и Ирландии, причем народ освобождался бы от подданнической присяги,—пункт в духе тогдашнего учения вигов. Далее повторяется кое-что из предыдущего.

Вот теперь те тринадцать пунктов, которые заключают в себе декларацию прав. Приводим их целиком.

1. Предполагаемая власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламен-

та, незаконно (пункт направлен против притязаний Стюартов на суспензивную власть).

2. Предполагаемая власть изъятия от законов или исполнения законов королевским повелением так, как она присваивалась и применялась в недавнее время, незаконна. (Это — против притязания на диспенсивное право).

3. Учреждение суда комиссаров по церковным делам и всякие другие учреждения и суды подобного рода незаконны. (Припомним восстановление Иаковом II елизаветинской Верховной Комиссии).

4. Взимание сборов в пользу и распоряжение короля, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или на более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Обращение с ходатайствами к королю есть право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконны. (Вспомним предание Иаковом II суду семерых епископов, подавших ему петицию).

6. Набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону. (Так разрешился вопрос об армии в пользу парламента).

7. Подданные протестантского исповедания могут носить оружие, соответствующее их положению, и так, как дозволено законом.

8. Выборы в члены парламента должны быть свободны.

9. Свобода слова, прений и актов в парламенте не должна быть стесняема и подвергаема контролю в каком-либо суде или месте, кроме парламента.

10. Не допускается требование чрезмерных залогов (т. е. в случае освобождения подсудимых от личного задержания), ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний.

11. Присяжные должны быть вносимы в списки и призываемы к очереди надлежащим порядком, и присяжные, решающие судьбу человека в делах об измене, должны быть свободными землевладельцами.

12. Всякие пожалования и обещания из сумм, ожидаемых от штрафов и конфискаций, до осуждения незаконны и недействительны.

13. Для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов парламент должен быть созываем достаточно часто.

Эти пункты далее объявлялись, как «несомненные права и вольности», а потому прибавлялось, что «никакие заявления, при-

говору, факты и действия», им противные, «не могут никоим образом иметь последствия для будущего или служить впрямь примерами», т. е. прецедентами, путем накопления которых в Англии создавались многие права как парламента, так и королевской власти.

«Билль о правах», изданный в 1689 году, через 474 года после Великой хартии свободы, но в ее духе, был последним в истории Англии документом, в законодательном порядке определявшим взаимные отношения короля и парламента. Вторая революция в этом отношении достигла того, к чему стремилась первая в начальный свой период. Парламент должен был собираться достаточно часто (статья 13), ибо без постановления парламента нельзя было ни получать никаких сборов в казну далее намеченного срока (ст. 4), ни содержать войска (ст. 6), ни издавать какие-либо законы без согласия парламента, ни отступать от них в жизни (ст. 1 и 2), причем должна была быть свобода и выборов в члены парламента (ст. 8) и всего ведения дел в парламенте (ст. 9). Права граждан обеспечивались запрещением чрезвычайных судов (ст. 3), разрешением петиций (ст. 5) и судебными гарантиями, из которых наиболее важным был свободный суд

присяжных (ст. 11) в политических делах с запрещением поощрения доносчиков всякими посулами. «Билль о правах» завершил вековую распрю королевской власти и парламента. Конфликты, стоившие даже короны и отчасти жизни четырем королям (Эдуарду II в 1327, Ричарду II в 1399, Карлу I в 1649, Иакову II в 1688), более не повторялись. Прерогативы королевской власти и привилегии парламента были размежеваны.

Через двенадцать лет другой законодательный акт дополнил пункты «Билля о правах». Это был «Акт об устроении», обыкновенно называемый у нас актом о престолонаследии. Решая вопрос о переходе королевской короны, после Анны, в род германских князей, курфюрстов Ганноверских (потомков дочери Иакова I), парламент сделал и ряд общих постановлений. Мы не будем останавливаться на всех статьях этого акта, а отметим только три пункта. Во-первых, было постановлено, чтобы все дела, решающиеся в тайном совете, решались в нем с условием, в силу которого каждое постановление подписывалось бы членом совета, давшим на него свой совет и согласие. Другими словами, не могло быть ни одного акта королевской власти, за который не брал бы на себя ответственности тот или другой

министр, что и было выведено из этой статьи акта разъяснением палаты лордов в 1611 году о том, что король лично не отвечает за правительственные акты, вся ответственность за которые должна падать на советников короны. Министры не могли теперь ссылаться на исполнение только королевской воли. В середине XVIII века король с горькой иронией говорил, что в Англии «король — министры». Так ответственность министров перед парламентом была теперь закреплена. Другая статья акта 1701 года делала судей независимыми от короны. Судьи, хорошо исполняющие свою должность, признаны были в этой статье несменяемыми; размер их жалования должен был быть прочно определенным, и нужно было бы только представление обеих палат, чтобы можно было сместить судью. В принципе это правило существовало и раньше, но не всегда соблюдалось, и Стюарты даже обходили его, назначая не судей, а толькоправляющих должность (как бы временных) судей. Наконец, третья статья гласила, что королевское право помилования преступников не распространяется более на случаи, когда обвинение исходило от палаты общин. Такие случаи могли касаться только либо королевских советников, министров, либо су-

дей, так что во всех таких делах парламенту исключительно предоставлялось право суда. Ведь, раньше бывали случаи приговора министров к наказаниям, снимавшимся королевским помилованием. Первая и третья из этих статей ставила министров в большую зависимость от парламента. Они были органами королевской власти, вводившими ее в рамки дозволенного законом, и в то же время ответствовали перед парламентом за акты королевской власти. Акт 1701 года значительно содействовал установлению прочных отношений между законодательной и исполнительной властями. В этом акте была еще одна статья, запрещавшая членам парламента занимать должности, оплачиваемые королевским жалованием, но в 1706 году эта статья была заменена другою: член парламента, получавший какую либо должность на королевской службе, обязан был слагать с себя денутатские полномочия и подвергаться новым выборам. Эта поправка позволила потом авторитетным членам парламента делаться министрами, что содействовало возникновению дружной работы представителей законодательной и исполнительной властей.

Вторая революция с «Биллем о правах» и выработка «Акта об устройении» с возведением на престол Ганноверской династии,

начавшей царствовать в 1714 году, были делом вигов, которые надолго сделались господами положения и руководителями всей политики государства. Чтобы не подвергаться частым перевыборам, они продлили срок депутатских полномочий с трех лет, как это было установлено законом 1694 г., до семи лет (1716), — срок, действовавший потом в течение XVIII и XIX веков до начала текущего столетия.

Вторая революция окончательно ввела королевскую власть и правительство в законные рамки, но все остальное продолжало существовать по старому. Право избрания в парламент оставалось в своем прежнем состоянии, очень далеком от демократизма. Революция 1689 года была делом лишь верхнего, правящего слоя в населении Англии, т. е. землевладельцев и денежных людей. переворот не сопровождался никакими народными восстаниями с какими-либо социальными лозунгами, ничем, что напоминало бы индипендентов, левеллеров, квакеров, диггеров, людей пятой монархии. Восторжествовала только епископальная церковь, правда, бывшая теперь вынужденною отказаться от своей боевой позиции по отношению к диссидентам. Демократическое движение в Англии возобновилось только в последней трети

XVIII века. Все те фермеры, ремесленники, лавочники и другой рабочий люд, который играл такую роль в сороковых и пятидесятих годах XVII века, ничем себя не проявили во время второй революции. Тори и виги были партиями одного и того же общественного класса, одни более консервативного, другие более прогрессивного направления, одни имея больше сторонников в верхней палате и в части джентри, другие — в другой части джентри и в купечестве, но обе партии были одинаково мало демократичны.

И новых религиозных лозунгов вторая революция не выдвинула, только утвердив в Англии веротерпимость, обещанную Вильгельмом III при вступлении его на престол. В духовной культуре Англии в эпоху реставрации произошел большой сдвиг от религиозной реформации к светскому просвещению.

XX. Переход политической мысли из богословской в философскую.

Реакция против пуританизма в эпоху реставрации.—Проявления светского духа и научности во время первой революции.—Развитие рационализма в религии и в политике.—Политическая теория Гоббса.—Вопрос об исключении герцога Йоркского из права престолонаследия с теоретической точки зрения.—«Патриарх» Фильмера.—А. Сидней.—Вторая революция и «Трактат о правительстве» Локка.—Заключение.

Вторая революция в Англии, как мы только что видели, отличалась от первой отсутствием в ней чего-либо нового в социальном и в религиозном отношениях. Закрепив права парламента, она закрепила и положение социальных классов, бывших представленными в палате общин, а вместе с тем и значение, какое приобрела эта палата в XVII веке, выдвинувшись вперед в ущерб прежнему первенствующему положению палаты лордов. В правящем классе утвердилась более спокойная и умеренная религиозность по привычке, в силу приличия и т. п., без бурной экзальтации сектантского характера. Во всяком случае, как мы уже видели, в большинстве английского общества в эпоху реставрации происходила реакция против пуританского ригоризма, против узкого пре-

свитерианского догматизма и фанатизма, против своеобразного сектантского аскетизма с его пренебрежением к мирской мудрости. Политика и личное поведение Карла II отнюдь не поощряли ханжества.

В самые бурные годы пуританских побед и господства индепендентов не прекращались занятия науками, особенно естествознанием, которое при реставрации сделалось предметом настоящей общественной моды. В XVII в. Англия дала всему миру — в начале века Бэкона с его «Новым Органом» (1620), в конце — Ньютона с «Математическими принципами естественной философии» (1687), и первая революция не прервала научной эволюции. Еще в сороковых годах ученый врач Томас Броун написал два труда («Религия медика» и «Эпидемическая псевдодоксия»), где старался естественным путем объяснить библейские чудеса, а перед второй революцией и вскоре после нее геолог Борнет в других двух книгах («Священная теория земли» и «Философская археология») возражал моисеевой истории сотворения мира, считая ее пенаучною и видя в ней лишь аллегорию для слабых голов. Вольнодумство было даже довольно развито в высшем обществе с интересом к естествознанию, выражавшемся в астрономическом, физическом и

химическом дилеттантизме. Были и серьезные начинания. Еще во время первой революции в Лондоне возник кружок («невидимая коллегия») любителей естественных наук, превратившийся, благодаря поддержке Карла II, в 1662 году, в знаменитое и ныне «Королевское общество наук». Это научное движение шло совершенно вразрез с религиозным сектантством эпохи и не могло не отразиться на отношении к религиозным и политическим проблемам в рационалистическом направлении.

И из самого сектантского мистицизма выработывался рационализм, применявшийся к религии. «Внутреннее откровение», «озарение души божественным светом», которое сектанты видели в своих религиозных переживаниях, при более спокойном к ним отношении начинало пониматься, как разум, к которому и начали применять понятия непогрешимости, истинности и т. д. Образовалось особое направление, представители которого называли себя «свободными мыслителями». Применение свободного мышления и дало в результате рационалистическую, философскую религию, которая получила название деизма. Зарождение и развитие деизма относятся как раз ко времени реставрации Стюартов и второй английской революции,

но, главным образом, после нее. Эта «разумная» религия провозглашалась и естественной в то же время религией, — понятие, бывшее сродни и понятию естественного права. Рационализм проникал в области не только религии, нравственности и права, но и политики. Идеи, касающиеся государственной власти, ее прав и границ, отношений к ней народа и т. д., обосновывались не на богословских соображениях, как мы это еще видим у Мильтона, выводившего свободу и народовластие из того, что человек сотворен «по образу и подобию божию», а на соображениях философских, светских.

Еще в годы первой революции вышли в свет два политических трактата материалистически настроенного английского философа Томаса Гоббса: «О гражданине» (1642) и «Левиафан, или содержание, форма и власть государства» (1651). Сороковые годы XVII века Гоббс прожил в Париже, куда удалился из Англии в год созыва долгого парламента и где одно время давал уроки математики будущему Карлу II, в каковой должности удержался, однако, недолго. Из Англии он уехал, будучи одним из теоретиков абсолютизма, а из Парижа вынужден был удалиться обратно от преследований духовенства, как писатель с резкими анти-

церковными взглядами, что было причиною и его устранения от будущего Карла II. Это было совершенно своеобразное положение среди тогдашних партий, положение анти-теологического абсолютизма. На родине Гоббс встретил благосклонное к себе отношение со стороны Кромвеля, который видел в нем только теоретика сильной государственной власти. Некоторые писатели готовы усматривать во втором из названных трактатов Гоббса как бы оправдание диктаторского положения, занятого Кромвелем, но скорее политическое мирозерцание Гоббса является вообще апологией государственности, самым видным практиком которой были Ришелье и его подражатель в Англии, Страффорд. Сам Гоббс, впрочем, в середине пятидесятих годов говорил, что его «Левиафан» расположил многих англичан к добросовестному повиновению существующему правительству, т. е., Оливеру Кромвелю. Но книга этого абсолютиста тотчас же была запрещена во Франции, а когда Стюарты возвратились в Англию, то хотя Гоббсу и дана была пенсия, однако, печатание его политических трактатов было запрещено. В шестидесятых годах Кембриджский университет отнял у одного бакалавра его диплом за то, что он разделял идеи Гоббса. Причина такого отношения

к его политическим трактатам заключалась в их рационалистическом и вместе с тем материалистическом характере. Происхождение государства и самой власти Гоббс объяснял договором, заключенным людьми, чтобы ради своей же безопасности выйти из состояния «войны всех против всех», происходящей из того, что «человек для человека волк». Возникшее так государство наделяется у него единою волею, проявлялась ли бы она одним лицом или несколькими, и безграничную, безответственную властью, отнюдь неделимую между несколькими органами, причем подданные лишены права даже иметь собственные суждения о добре и зле, так как дело государственной власти определять, что такое добро и что зло. Такую же мысль проводил Гоббс о религии, которая у него трактовалась, как орудие государственной власти. Положительного влияния на английскую жизнь эта теория оказать не могла и даже совсем на себе ее не отражала: здесь говорится об этой теории лишь чтобы показать, как рационализм в политике проявился в Англии еще в годы пуританского господства.

Когда, однако, спустя почти тридцать лет после появления «Левифаана», в Англии возник спор двух партий по поводу предло-

жения об исключении будущего Иакова II из права наследовать престол, то решение вопроса было снова поставлено на теологическую почву. Вопрос касался происхождения власти, и защитники королевского права на власть указывали на ее божественное происхождение, как это делал еще в своих трактатах Иаков I. Еще во время республики книгу в богословско-монархическом направлении написал некто Фильмер, опубликовав ее только в 1680 году. Она была названа «Патриарх или естественная власть королей». Основная идея ее та, что королевская власть ведет начало с первых дней творения. Бог дал власть Адаму в раю над Евой и детьми, и эта власть стала переходить от старшего сына к старшему сыну, а потом и к старшему в каждом народе, к патриархам, от них к королям. Избрание королей Фильмер считал богопротивным, ибо в библии царя (Саула) выбирает не народ, а пророк божий Самуил.

Имея такое высокое происхождение, королевская власть, по Фильмеру, не подлежала никаким человеческим ограничениям, даже в том случае, если бы король дал клятву чему-либо подчиниться. Парламент признавался автором «Патриарха» только в смысле королевской милости, но подлежащей отмене.

Этот трактат вызвал опровержение в книге Альджернона Сидней «Рассуждения о правительстве». Мы уже встретили это имя в рассказе о проекте исключения будущего Иакова II из права престолонаследия. Сидней был тогда членом палаты общин и горячим защитником исключения, поплатившись потом головой за участие в заговоре в пользу герцога Монмута. Он обратил аргумент Фильмера против него самого: если власть Адама, допуская существование «королевства Адама», могла разделиться, то только между всеми отцами семейств, которые путем общего соглашения или договора устанавливают власть над собою и поручают ее королю, сохраняя за собою право наказания за насилие и за нарушение договора. Самого «королевства Адама» Сидней с своей точки зрения не допускал и объяснял возникновение государственной власти не богословски, а рационалистически.

С такой же точки зрения возражал Фильмеру и Локк. Философ написал свое возражение богословскому защитнику абсолютизма вскоре после выхода в свет его книги, но издал его только в 1689 году, присоединив к нему другое еще рассуждение, написанное уже в оправдание второй революции. Мы видели, что Локк эмигрировал в Гол-

ландию, сошелся там с Вильгельмом Оранским и вместе с ним возвратился в Англию. Публикуя свой «Трактат о правительстве», он прямо объявил, что целью его было «утвердить престол великого восстановителя английской свободы, короля Вильгельма, вывести его права из воли народа и защитить перед светом английскую нацию за ее новую революцию». Локк объясняет происхождение общества тоже договором между людьми, пожелавшими выйти из естественного состояния, но он оставляет за гражданами все их естественные права, предоставляя правительству устанавливать законы, судить за их нарушения и защищать общество от внешних врагов, причем религия у него является не государственным делом, как у Гоббса, а делом личной совести. Личность не поглощается у Локка государством, как у Гоббса, власть не является неограниченной и единой, а разделяется на законодательную, исполнительную и союзную (федеративную, защищающую общество от внешних врагов). Первенствует в его теории власть законодательная, но и она не имеет права нарушать естественные права граждан. Ее Локк помещает в парламенте, исполнительную власть — в короле, но выше обеих властей ставит народ, который может и ту, и другую потре-

бовать к ответу за злоупотребления своими правами. За подданными Локк признает право восстания, каковым и была новая английская революция.

Эта теория Локка, первые основы которой мы имеем еще в указывавшихся трактатах Брактона (XIII в.), Фортескью (XV в.) и иностранных «монархомахов» (XVI в.), примыкает и к индепендентским учениям Мильтона, Генри Вэна и Альджернона Сиднея. Как рационалист, Локк пытается построить свою теорию на естественных законах, существующих всегда, на вечных правилах, одинаково обязательных для подданных и для правителей. Это была теория, подводившая политические основания под английскую конституцию, как ее понимали виги, и философские основания, как их представляли рационалистические теоретики договорного происхождения государства. «Трактат о правительстве» Локка имеет значение идеологического комментария ко второй английской революции, как первую идеологически объясняют трактаты Мильтона.

* * *

На этом мы можем и кончить наш очерк двух революций, пережитых Англией в XVII в. Главным в них была борьба между королевским самодержавием и ограничивавшим эту

власть парламентом. Борьба началась еще в середине XIII века, и уже в XIV веке было два случая свержения королей, повторившиеся в XVII веке в личных судьбах Карла I и его второго сына Якова II. Англия на время даже делается республикой. Эта борьба XVII века осложнилась еще борьбой между двумя религиозными реформациями, одной — королевской, государственной, другой — народной, индивидуалистичной. Это осложнение выразилось в том, что политические партии первой революции были и определенными вероисповеданиями. В социальном отношении это была борьба, главным образом, между высшею духовною и светскою знатью, с одной стороны, и средними классами джентри и купечества, с другой. Только во время первой революции поднялась было демократическая волна, но она скоро пала, чтобы уже не подниматься долгое, долгое время. Вторая революция была победою землевладельческого и торгово-промышленного класса, выделившего из своей среды партию вигов. Но в стране не были еще побеждены реакционные элементы в лице торийской и якобитской партий. Однако, поворот к абсолютизму оказался невозможным. Еще одна черта второй революции заключается в том, что теоретическое ее оправдание искало своих

аргументов не в богословии, не в библии, а в рационалистической философии и в естественном праве. Из сорока восьми лет, протекших от созыва долгого парламента до бегства Иакова II, наиболее важными являются первые двадцать лет, которым в этой книге и посвящены из двадцати глав одиннадцать, т. е. больше половины (VI—XVI). Тогда-то и совершился главный перелом в английской истории и в ее политическом развитии.

XXI. Значение обеих английских революций для Шотландии и Ирландии.

Англо-шотландские отношения при Стюартах. — Шотландия во время республики. — Вторая английская революция и Шотландия. — Слияние Шотландии с Англией. — Взгляд на предыдущие англо-ирландские отношения. — Ирландское восстание после Страффорда и усмирение его Кромвелем. — Управление Ирландией при Кромвеле. — Ирландия во время реставрации. — Вторая революция в Ирландии. — Экономическое угнетение Ирландии. Противоречие между английской политикой в Ирландии и принципами обеих революций.

Наш исторический очерк двух английских революций XVII века был бы неполон, если бы мы не остановились еще на их значении для двух стран, которые и географическое соседство, и исторические судьбы тесно связали с Англией. Речь идет о Шотландии и Ирландии.

В XVII в. Шотландия с момента вступления Стюартов на престол Англии находилась с нею в личной унии. Иаков I в самом начале своего царствования сделал было попытку слить воедино оба государства, но встретил сопротивление со стороны английского парламента. Шотландия сохраняла свой парламент до присоединения страны к Англии в эпоху республики, после поражения Карла II Кромвелем в 1651 году. Шотландия лишилась своего парламента, и только реставрация Стюартов вернула ей отдельное государственное бытие. Как Иаков I и Карл I стремились к установлению в Шотландии абсолютизма и искоренению пресвитерианского церковного строя, чем и вызвали восстание 1637 года, так и Карл II и Иаков II продолжали политику своих отца и деда. При первом из них произошло серьезное восстание, которое было усмирено, но стоило только произойти в Англии событию 1688 года, как в Шотландии вспыхнуло новое восстание, бывшее направленным преимущественно против духовенства епископальной церкви, которую оба последние Стюарта вводили насильственно в стране.

Деспотизм Стюартов сближал оппозиционные партии Англии и Шотландии, что в эпоху первой революции привело к союзу

между обеими странами в форме уже известного нам ковенанта. Но когда шотландцы в 1650 году признали своим королем Карла II, сделавшего им большие уступки, тем самым была расторгнута прежняя уния: в Шотландии продолжалась монархия, тогда как Англия превратилась в республику. Своею победою над Карлом II Кромвель воспользовался для инкорпорации Шотландии в состав республики, причем по конституции 1653 года, как мы видели, в общий парламент Шотландия должна была посылать только 30 представителей на 400 английских. Шотландские выборы 1654 года не соответствовали видам Кромвеля, который в 1656 году добился назначения в депутаты лиц, прямо им указанных.

Вторая английская революция не разрушила личной унии обеих стран, возникшей в 1603 и восстановленной в 1660 году. В Эдинбурге Вильгельмом Оранским был созван из Лондона конвент, который составил акт «Требования прав», аналогичный английскому биллю 1689 года, с дополнением об уничтожении в Шотландии епископата, и предложил корону Вильгельму и Марии с условиями указанного акта. В Шотландии произошла реставрация пресвитерианской церкви, но закон о веротерпимо-

сти, который был предложен Вильгельмом, шотландским парламентом был отвергнут. Узкий, нетерпимый кальвинизм продолжал господствовать в умах.

Сто лет англо-шотландской унии не прошли бесследно для обеих стран. Несмотря на нежелание шотландской аристократии утратить свое значение в случае слияния ее родины с Англией, на боязнь шотландского парламента при таком слиянии совсем исчезнуть, на несогласие пресвитериан подчиниться английскому акту о веротерпимости, другие интересы, в особенности торгово-промышленные, оказывали давление в противоположном направлении. Когда в 1703 году шотландский парламент составил свой акт о престолонаследии, который по смерти королевы Анны мог бы привести к расторжению существовавшей унии, в обеих странах выгоды соединения представились большинству политических деятелей столь очевидными, что в 1707 году оба парламента, сначала лондонский, потом эдинбургский, вотировали соединение обоих государств в одно под именем Великобритании и с английским законом о престолонаследии. Шотландия стала посылать в великобританский парламент своих представителей в количестве 45 на 513 английских,

пропорционально гораздо меньшему населению страны, а из 145 шотландских лордов только 16 должны были по выбору товарищей заседать в лондонском парламенте (где наследственных английских лордов было 108). Шотландия совершенно и политически, и экономически слилась с Англией, и только в религиозном отношении обе страны остались самостоятельными.

Далеко не так благополучно сложились англо-ирландские отношения. Ирландия была страной покоренною, утверждение в которой английской власти началось во второй половине XII века, и восточная часть которой стала рано заселяться англичанами. Между туземцами, по происхождению кельтами, и пришельцами, англичанами, началась рознь: в социальном отношении англичане заняли привилегированное положение. К этому прибавилась и вероисповедная рознь. В Ирландии с 1295 г. существовал свой парламент, который сделался по составу представителей английским, а в 1536 году признал церковную супрематию короля, но народная масса оставалась верною католицизму. Во второй половине XVI в., при Елизавете, в Ирландии постоянно происходили восстания, которые жестоко умирялись, что сопровождалось в больших размерах конфискацией

земель, отдававшихся английским лордам и ветеранам английского войска. Английское правительство держало ирландцев в повиновении самыми суровыми мерами. Властною рукою правил Ирландией, как мы видели, и граф Страффорд, после исчезновения которого вспыхнуло в стране большое восстание, к которому присоединились и католики-англичане. Умирено оно было только Кромвелем уже во время республики.

Восстание 1641 года было вызвано многими мерами Страффорда, который, например, для английской колонизации на западе (в провинции Коннауте) отобрал у населения половину земель, как это раньше делалось для такой же цели и в восточной части (в Ульстере). Во время этого восстания англичане гибли в Ирландии тысячами, что сопровождалось страшными жестокостями, еще более раскрашивавшимися народною молвою в Англии. Восстание приняло папистский и роялистский характера, это особенно озлобляло англичан.

Жестокость, с какою Кромвель умирал ирландское восстание, легло большим пятном на его память; не соответствовало бы историческому беспристрастию умолчание об ирландской политике Кромвеля. Во главе английской армии он высадился на ирланд-

ском берегу в августе 1649 года и скоро из Ирландия английскому парламенту стали приходить донесения Кромвеля. «Я, писал он об одной битве, издал приказ, чтобы солдаты убивали всех. Я запретил им давать пощаду кому бы то ни было, кто только будет встречен вооруженным, и я думаю, что ночью в городе было убито до двух тысяч человек». В одной церкви было умерщвлено около тысячи человек, и «я полагаю, что у всех монахов, кроме двух, были раздроблены головы». Такие заявления самого Кромвеля—не редкость. Между прочим, он высказывал при этом убеждение, что в его победе сказался «праведный суд божий над варварами и злодеями, обагрившими руки певичною кровью».

Начатое Кромвелем подавление восстания закончил Эйртон, действовавший в том же направлении, управление же усмиренной страной Кромвель поручил своему сыну Генри.

В это время от войны, от голода, от чумы, от изгнаний погибло в Ирландии более 600 т. человек, что при населении страны, не достигавшем полутора миллиона, составляет вообще около 40%. Пленных увозили в колонии, где продавали в рабство, а многих просто изгоняли из Ирландии, так

что тысяч сорок ирландских католиков, получивших разрешение поступить в иностранные войска, отправились во Францию и в Испанию. Многих ирландцев заставили переселиться в западную часть острова (Коннаут), чтобы восточную (Ульстер) сделать исключительно английскою. Политика конфискации земель и английской колонизации приняла грандиозные размеры. Все более и более Ирландия делалась страной крупного землевладения в руках англичан с фермерскою обработкою почвы обнищавшими туземцами. Особый ирландский парламент был отменен, и Ирландия в английском парламенте представлена была тридцатью депутатами.

Этот суровый режим, сделавший память Кромвеля в Ирландии предметом проклятий, несколько был ослаблен, особенно при католике Пакве II, назначившем своим наместником одного ирландского католика (гр. Тирконнеля), но все-таки один из законов эпохи реставрации был крайне неблагоприятен для ирландских католиков: это — тест-акт 1673 года, запрещавший католикам занимать государственные и общественные должности, — закон, отмененный только через полтора века (1829). До так называемой «эманципации католиков» представите-

лями католической страны католики в парламенте быть не могли.

Вторая английская революция в Ирландии встретила противодействие. Явившийся сюда Иаков II был принят с восторгом католическим населением острова, которое ополчилось на его защиту, но в следующем (1690) году он был разбит и вынужден уехать во Францию, вскоре после чего весь остров был снова умирнен и подвергся новым репрессиям. Веротерпимость, утвердившаяся в Англии, не была распространена на Ирландию, где католический культ был запрещен, католическим священникам и монахам не дозволялось жить и поощрялись доносчики, указывавшие властям на тайные церкви и капеллы или на скрывавшихся духовных лиц запрещенной веры. Стоило только одному из сыновей католика принять протестантизм, и он исключал своих братьев, оставшихся в папистской вере, из права наследовать своим родителям.

Экономическая политика Англии по отношению к Ирландии вполне соответствовала такому деспотическому направлению. Английский парламент держал Ирландию на положении колонии, которая должна была служить исключительно интересам метрополии. Стране не давали выйти из стадии

примитивного хозяйства. Лендлорды, проживавшие все доходы в Англии, раздавая свои земли в аренду мелким фермерам, вели хозяйство кое-как. Скотоводство не поощрялось в интересах землевладельцев в Англии. Начавшее в Ирландии развиваться производство сукна и других шерстяных тканей было еще задушено при Страффорде. Кромвелевский навигационный акт через несколько лет был истолкован в таком смысле, что ирландские судовладельцы оказались иностранцами, на кораблях которых не могли быть привозимы товары других стран. Самый парламент ирландский был простым орудием английских политических и экономических интересов. Только к концу XVIII века стали отменяться все перечисленные экономические, политические и религиозные ограничения и стеснения, но новая попытка восстания Ирландии при помощи революционной Франции в самом конце XVIII столетия привела к инкорпорации Ирландии в соединенное королевство Великобритании и Ирландии (1801).

Столь неодинаково сложились в эпоху обеих английских революций англо-шотландские и англо-ирландские отношения. В XVII веке Англии пришлось совершить две революции в защиту политической и религиоз-

ной свободы от деспотизма и фанатизма, и в данном отношении Англия шла рука об руку, в общем, с Шотландией, которая и слилась с Англией в единую Великобританию по взаимному соглашению. Совсем иною оказалась политика Англии по отношению к Ирландии, над которою гнет одинаково устанавливался и абсолютизмом (Страффорд), и республикой (Кромвель), и реставрацией, и режимом, вышедшим из второй революции. Обе революции, таким образом, не изменили английской политики по отношению к Ирландии, что в английской истории XVII века представляет собою обратную сторону медали. Это противоречие между английской политикой в Ирландии и принципами обеих революций должно быть принимаемо в расчет при общей оценке их исторического значения. Хотя в конце предыдущей главы и были уже подведены под историей английских революций общие итоги, но без этой дополнительной главы, имеющей предметом не самое Англию, а две другие страны, которые только позднее были инкорпорированы в общее государство, представление об обеих революциях было бы односторонним.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Вступление	4
I. Королевская власть и парламент в Англии	13
II. Англиканская церковь и пуританизм.	30
III. Социальный строй Англии перед пер- вой революцией	38
IV. Первые два Стюарта	48
V. Политика «напролом»	64
VI. Главные деятели долгого парламента.	74
VII. Первые два года долгого парламента.	88
VIII. Три года гражданской войны	103
IX. Индепендентская армия	113
X. Борьба армии с парламентом	124
XI. Установление республики	135
XII. Социальные отношения и стремления сороковых-пятидесятих годов XVII в.	148
XIII. Личность Оливера Кромвеля	160
XIV. Протекторат Кромвеля	174
XV. Агония республики	191
XVI. Черты пуританских нравов и литера- туры	202
XVII. Последние два Стюарта	215
XVIII. Голландское вмешательство	227
XIX. Сущность второй революции	236
XX. Переход политической мысли из бо- гословской в философскую	249
XXI. Значение обеих английских револю- ций для Шотландии и Ирландии	260